

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ИРКУТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

№1 (2) /2014

Старый Иркутск. Рисунок Юлиуса Прайса, 1891 г.

Редакционная коллегия:

Балков К.Н.   *член Союза писателей России (Иркутск)*
Гольдфарб С.И.   *член Союза российских писателей (Иркутск)*
Зиновьев Н.А.   *член Союза писателей России (Краснодар)*
Румянцев А.Г.   *член Союза писателей России (Москва)*

Бронштейн В.В. *шеф-редактор журнала, член СП России*
Корбут С.В.   *главный редактор, член СП России*
Ясникова Т.В.   *ответственный секретарь, член СП России*

Литературно-художественный журнал «Иркутской писатель». –
Иркутск, 2014. – 224 с. (Илл. – 12 с.)

Контактный телефон:

8-914-905-2514 (Татьяна Викторовна Ясникова)

E-mail: auhtor@mail.ru

*Отпечатано в типографии ООО «Репроцентр А1»
Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2, тел. 540-940*

ГОД КУЛЬТУРЫ: ГЛАВНЫЙ ВЕКТОР

Хотите верьте, хотите нет, но Год культуры в Иркутской области, как, надеюсь, и во всей России, не останется пустым звуком некоего социально-политического шоу. И основа этого не только государственность решения, но и те люди, которые конкретно на местах и формируют события: от министра культуры до маленького скрипача, впервые вышедшего со своим инструментом в составе большого сводного коллектива музыкальных школ приветствовать участников форума работников культуры г. Иркутска... Малыш, правда, вряд ли задумывается о «датском» событии и его главном векторе, направленном и через него в будущее, а нам сам Бог велел, ибо не подводить итоги и праздновать достижения должно всем нам, а смотреть далеко вперёд. Ведь следующий Год культуры будет объявлен, надо полагать, очень и очень нескоро.

Что я имею в виду, говоря о главном векторе, конкретно? Это проще простого. Вот жили мы, жили, делали свои культурные дела, делали – всё в одном потоке генерального течения, придумывая время от времени что-нибудь новое, это новое, попав в отчёты, тоже вливалось в генеральное течение и становилось обычным... И вдруг появился повод «остановиться, оглянуться» и задуматься: а не подзаржавели ли мы в некоторых местах, не забронзовели ли, любуясь собой (есть ведь у нас и люди, которые «в мрамор врастают при жизни»), не подрастеряли ли чего-то важного и незаменимого, спасая культуру от кризисов и упадков? А нет ли у нас уже в зачатке чего-то такого, что могло бы вырасти в новые формы воспроизводства культурного материала? Просто. И в то же время сложно, поскольку накатанная колея становится всё глубже, налаженные связи людей и событий грозят превратиться в путы, а находящиеся в фаворе очень хотят в этом фаворе и остаться, заступая дорогу тем, кто мог бы из колеи выбраться. Это обычная жизненная ситуация, обычно же и решаемая революционным, а не эволюционным путём.

Но поскольку нам не до культурных революций, будем скромнее и определим главный вектор как вопрос: что ещё мы можем сделать и как более плодотворно использовать имеющиеся на данный момент схемы?

Журнал у нас называется «Иркутский писатель», литература во всех её видах является основным стержнем сохранения культурного богатства вообще, поэтому и акцент мы будем делать именно на этом направлении.

Начнём, пожалуй, с детского литературного творчества. Вот кто о нём думает и заботиться серьёзно – так же, как о юных музыкантах, певцах, танцорах, художниках?... Кроме Ленинского округа г. Иркутска, где уже много лет проводится детский литературный фестиваль «Иннокентьевские звёздочки» с привлечением профессионального жюри и вручением дипломов, я других примеров назвать не могу. Победители этого конкурса имеют возможность публикации в журнале «Первоцвет» и становятся участниками праздника

«Талантов жемчужная россыпь» опять же в Ленинском округе. Дальше им двигаться, собственно, и некуда. Даже областная конференция «Молодость. Творчество. Современность» давно уже канула в лету. А у всех других творчески одарённых детей возможностей «себя показать» куда больше.

Очень наглядно это проявляется как раз на празднике «Талантов жемчужная россыпь», где на одной сцене оказываются и юные таланты, и их педагоги из разных направлений дополнительного образования в сфере культуры. Кого ни возьми – все лауреаты и дипломанты не то что областных и российских, но и различных международных конкурсов... И только мальчики и девочки, весьма успешно делающие первые шаги в литературном творчестве, на этом фоне кажутся заброшенными и никому не нужными. Чем же дети, которые создают собственные произведения, хуже тех детей, которые исполняют чужие? Нет для них никаких конкурсов, позволяющих подниматься от ступеньки к ступеньке до российских и международных регалий. Нет и возможности получить первичное литературное образование на том же уровне и по тем же принципам, которые существуют в музыкальных и художественных школах.

Так давайте воспользуемся тем главным вектором, который даёт нам Год культуры, и создадим, хотя бы в тех городах, где есть члены писательских организаций, детские литературные школы – как одну из форм дополнительного образования. «Живой писатель» рядом с такой школой просто необходим – из областного центра не приглашаешься, особенно в отдалённые районы. Заодно и город, который захочет иметь такую школу, может, наконец, обратит внимание на собственные литературные силы, поможет талантливым авторам в издании книг, без которых стать членом союза писателей шансов практически нет. Приведу для примера замечательный в этом отношении Братск, где несколько давно профессионально состоявшихся писателей десятилетиями пишут в стол (а пока тяжело создавался этот номер, двое уже ушли из жизни, так и не дождавшись книг). Кто же, как не местная власть, должен думать и заботиться о литературной славе своего города, в том числе и о будущей?!

Сейчас кто-нибудь наверняка скажет: так пусть сами писатели и работают с детьми, воспитывают себе литературную смену! А вот и не надо. С детьми должны работать люди, имеющие педагогическое образование или хотя бы педагогический опыт. Люди, не заикленные на идеологии, религиозно-философских направлениях и не заражённые национализмом в его агрессивной форме. Литературное творчество – это работа прежде всего души в её индивидуальном

развитии, и втягивать одарённых ребяташек во взрослые «войны» значит мешать их личностному самоопределению в творчестве. А среди наши «инженеров человеческих душ» воинствующих ортодоксов более чем достаточно.

Подумайте сами, можно ли допускать к детям поэта, который кого-то собирает отправить автоматной очередью в ад, просит дать ему саблю острую, чтобы «на два стона» рассечь некоего «врага извечного», и вообще мечтает о какой-то «прополке» народа (насколько это взрывоопасно, нам уже демонстрируют события на Украине). Или поэта, чей «лирический герой» чаще всего пьёт пиво и курит в неясной тоске неизвестно о чём и не может обойтись без нецензурных выражений (кстати, слава Богу, Думе и президенту, что наконец-то принят закон, запрещающий мат и в печатной, и в аудиоформе). А все эти новомодные «духовные» учения и течения, легко делающие невменяемыми взрослых людей, среди которых полным-полно представителей творческой интеллигенции! Нет уж – детское литературное образование должно быть избавлено от подобных крайностей.

Следующий, очень серьёзный вопрос, который никто никак упорно решать не хочет, но без его решения вряд ли мы имеем право называть себя культурным обществом. Это вознаграждение писателю за его непростой труд часто на грани самоотречения и полунищенского существования, то есть гонорар. Понятие это в бюджетной системе координат абсолютно запретное и по причине, прямо говоря, идиотской. Ещё в 1994 году, в самый разгар изничтожения всего советского, профессия писателя не была включена в «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» (упрощённо – реестр профессий). Для сравнения я приводил пример в первом номере журнала и приведу его снова, он того заслуживает: «Зато присутствует 18 разновидностей менеджеров – недавно туда под номером 061100 был введён такой уважаемый род занятий как «Менеджер сетевого бизнеса». Нет профессии в классификаторе, значит, писательство – это твоё хобби. А за хобби не платят – вот и весь разговор. Поэтому при издании книги на бюджетные средства свою долю получают: директор издательства, редактор, художник, дизайнер, технический редактор, верстальщик, наборщик, корректор, может, даже уборщица, но только не автор, благодаря творческому труду которого эта книга появилась, как и возможность заработать на её издании. Иногда книга получает губернаторскую премию как издательский продукт, и тогда автор или авторы (чаще это коллективные сборники или антологии) также остаются ни с чем. Характерный пример: три «кирпича» антологии, посвящённой юбилею города и юбилею Иркутской писательской организации – полтора миллиона на издание плюс губернаторская премия коллективу её сотворителей. Авторы как всегда остались с носом, увы, даже не с тем, которым прохоровский фонд премирует за «новые тренды... на русском языке» (подробнее см. материал «От Года библиотек – к Году культуры»).

Такая «креативная» политика извращает суть творчества как одной из основных составляющих жизнедеятельности культуры и развращает людей, берущих с этого творчества свои дивиденды. С этим же связан и упадок редакции: автор, которому не платят, вообще предпочитает издаваться в авторской редакции, а с издателя за качество текстовой редактуры никто не спрашивает, так зачем ему тягаться с автором и затягивать этим доходный процесс, когда на подходе в налаженном конвейере уже греет душу следующая сумма. Порой

подобная безответственность распространяется и на иллюстративный материал. В книге Н.В. Куликаускене «Прошлое – будущему», изданной на средства городского бюджета (то есть на средства иркутян), около десятка иллюстраций (до полустраничного размера) просто ужасного качества. Будь они размером со спичечный коробок это ещё не так бросалось бы в глаза. Может, это какие-то раритетные фотографии, передающие в таком виде «дыхание старины» (дизайнерская отговорка)? Отнюдь. Большая часть этой «размазни» с ничтожным количеством пикселей (количество точек на дюйм) – фотографии книг из фондов Научной библиотеки Иркутского государственного университета; как говорится, шаговый доступ. Неужели в НБ ИГУ нет подобных фотографий или её работники запретили бы их сделать заново? Ведь снимались когда-то эти книги на слабенькую аналоговую видеокамеру, запись затем была отцифрована и из неё извлечены данные кадры. Даже более профессиональная отцифровка при современном программном обеспечении могла до какой-то степени решить эту проблему. Что, кстати, на одном из этапов подготовки книги к изданию я и предлагал сделать. Но создатели книги руководствовались другими мотивами; о личностных я здесь говорить не буду, а вот конкурентные интриги, последствия которых, в частности, привели к тому, что книга вышла уже после смерти автора, за что, похоже, никому не стыдно, обойти молчанием не могу.

Мои попытки заниматься издательской деятельностью показали, что из-за бюджетных денег некоторые агрессивные и устоявшиеся на этом «рынке» коллеги способны на такие «подставы», что с них хоть авантюрный роман пиши. Вот и издание данного журнала встретило весьма сильное сопротивление, хотя, казалось бы, чем больше разных литературных журналов, тем лучше: полнее и разнообразнее охват, качественнее редактura, у писателя появляется больше возможностей выйти к читателю. Но достаточно сплотить некоторое считающее иначе, то есть заинтересованное в своём привелигированном положении, большинство, чтобы на различного рода издательских советах и конкурсных комиссиях оттеснить конкурентов от бюджетной поддержки. А заинтересованных спонсоров вокруг, к сожалению, раз и обчёлся.

Никто не станет спорить, что издательское дело имеет к культуре самое непосредственное отношение. Книги – это одно из самых надёжных культурных хранилищ. Электронные технологии, и электронные носители информации в том числе, вещь несколько сложная, настолько и ненадёжная. Кто из нас не был жертвой ставших вдруг нечитаемыми дискет и CD-DVD-дисков, вдруг «сгоревших» с готовой работой флэшек, «полетевших» винчестеров?.. Приблизилась комета, разбуянилось солнце – и «сбоит» Интернет... Любой природный катаклизм (а ведь нам их, что ни день, обещают всё новые) – и из груды микросхем не встрясешь ни буквы: будто не было целой культурной и литературной эпохи! А книги уже пережили тысячелетия, и ещё поживут.

«Большая часть человеческого знания во всех отраслях существует лишь на бумаге, в книгах, – писал А. Шопенгауэр, – этой бумажной памяти человечества. Поэтому лишь собрание книг, библиотека является единственной надёжной и не уничтожаемой памятью человеческого рода». Во времена Шопенгауэра не было компьютеров, но от этого его слова не являются менее истинными.

Значит, и ответственность в вопросах книгоиздания весьма высока. К тому же, когда издаются они на бюджетные средства, то есть на народные деньги, и народ вправе требовать бережного и целесообразного их расходования. У нас в

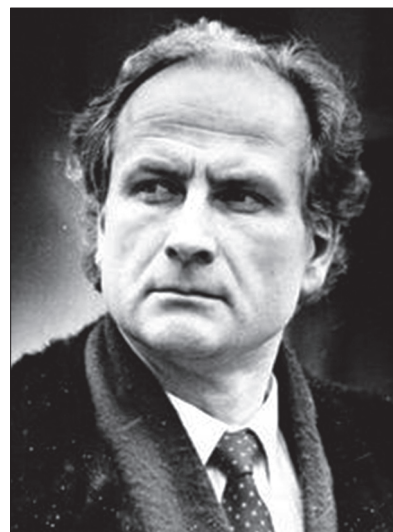
Иркутске, с лёгкой руки одного из выдающихся издателей, значительные средства тратятся не на доступные для чтения книги, а на так называемые подарочные издания: большой формат, мелованная бумага, красочное оформление, суперобложки, запредельная себестоимость и немалый вес. Просто взять в руки такой фолиант уже тяжело, читать неудобно, куда-нибудь в дорогу с собой точно не прихватишь. Часть такого тиража уходит в библиотеки области, часть действительно на подарки. Причины такого издательского уклона две. Первая: чем больше смета, тем больше денег может осесть в самом издательстве. Вторая: крупный шрифт, завышенный интерлиньяж (расстояние между строчками), буквы, рамки, виньетки, красочные подложки – всё это значительно уменьшает кпд размещения текста, но такая книга, конечно же, производит впечатление, создаёт издателю имидж, за неё легче получить какую-нибудь премию, и зачастую под всю эту красоту выбиваются дополнительные средства, проконтролировать расход которых в руках частного предпринимателя не так-то просто.

Но доходят ли такие книги до рядового читателя и нужны ли они ему? Вряд ли. Читателю удобнее привычный, а то и карманный формат, не смутит его и мягкая обложка – миллионные тиражи женских романов и детективов раскупаются именно в таком виде. Зато наименований и авторов можно было бы издавать больше, что весьма актуально, ведь сейчас на Издательском совете в Доме литераторов книги ставятся в очередь уже на 2018 год и то не гарантированно.

Думаю, что Издательский совет должен взять под контроль и оценку вышедших изданий, как с точки зрения оправданности затрат, так и с точки зрения качества редактуры, оформления, иллюстративного материала. А лучше было создать другой квалифицированный общественный орган, поскольку в руках директора Дома литераторов, он же председатель Издательского совета, что, чем дальше, тем представляется всё менее эффективным, уже и так оказалось слишком много нитей, которые при желании можно использовать в групповых интересах, а не на пользу общества.

Здесь, пожалуй, можно перейти и к одному из самых значимых в культурной жизни области событий – Дням русской духовности и культуры «Сияние России». Чтобы понять его существующую на данный момент схему, вспомним первого инициатора подобных фестивалей в России, известного русского певца из Австралии Александра Шахматова.

Вот как сам Александр Васильевич говорил об этом в интервью администратору блога «Движение за возрождение» (это цитата, и мы сохраняем орфографию и пунктуацию источника): «Мы все знаем, что случайно ничего не бывает. Моя первая поездка на Родную землю состоялась в 1991 году и была она не программированной, волнительной и радостной! Ведь я всю свою сознательную жизнь вращался по городам, странам и материкам, а на Российской почве не хаживал и не певал. А тут грянула «Перестройка» и я смог поехать в

А.В. Шахматов

родную Россию, которая меня сразу захватила, и начал давать концерты, читать лекции и проводить мастер-классы, причём всё безвозмездно – совесть не позволяла брать деньги, когда в стране тяжело. Вскоре стал организовывать фестивали русской духовности и культуры – «Душа России», «Сияние России», «Казачий Покров»... по городам и областям необъятной матушки-России, что и помогло землякам пережить переломное время, как бы стал духовно-культурным двигателем. И, слава Богу, что эти исторические и знаменательные события несут свои плодотворные деяния и по сей день!»

И небольшая добавка с сервера «Проза.ру»: «А когда я был в гостях у великого писателя, Валентина Григорьевича Распутина, то предложил ему провести историческое и жизненное событие и на его малой Родине, в городе Иркутске, на что он охотно откликнулся, а в 1993 году жители города и Иркутской области уже радостно участвовали в днях русской духовности и культуры, в празднике «Сияние России»!»

Суть же состояла в том, что певец собирал своих новых российских друзей и ехал с ними в очередной город России, где эти фестивали с его лёгкой руки, в основном, прижились. В Иркутске эстафету у великого певца принял великий писатель, и соответственно, приезжать сюда стали друзья Валентина Распутина и друзья друзей Валентина Распутина, и естественно, уже не безвозмездно, столько денег, сколько у Шахматова, ни у кого из них, пожалуй что, и нет. Но суть схемы «центр сияет в провинции» сохранилась по сей день, и менять её иркутские организаторы не собираются, ибо на её основе внутри Иркутского регионального отделения СП России сложился определённый круг избранных и особо привечаемых центром. Правда, возникает вопрос: а почему друзья и друзья друзей (в основном, столичные и околостолличные – можно даже подумать, что Европой Россия и ограничивается) ни разу не собрали команду достойных иркутян и не свозили их «посягать» в Москве уже за счёт столичного, а не нашего бюджета? Долг, в конце концов, платежом красен!

Что здесь можно изменить? А вспомнить для начала, как велика и разнообразна Россия даже за Уралом! Вспомнить, что не только русская духовность и культура дороги и интересны тому же русскому человеку, а заодно и о том, что Приангарье и вся Сибирь сильны единением народов и их культур. Вспомнить и о том, что существует такое понятие как единое культурное пространство, которого мы лишились, лишившись средств, необходимых для культурного общения по всей стране. Сделать-то нужно один маленький шаг, перешагнув, правда, при этом через групповой интерес, а именно: отказаться от схемы «друзья и друзья друзей» и перейти на обмен делегациями с регионами, в каждом из которых найдётся немало творчески интересных, неординарно мыслящих литераторов, философов, историков, этнографов и т.д. На приглашение возглавить такое событие, наверное, любой представитель столицы откликнется не с меньшей готовностью. Это же почти вековая неповторяющаяся программа, в которой каждый регион может выйти на собственный круг «сияния» действительно всей России. Думаю, что Александр Васильевич Шахматов только подивится такому размаху его начинания!

Это насчёт так называемого писательского десанта. А вся культурная программа с выдающимися творческими коллективами и солистами?! Та же схема и тот же результат плюс обмен художественными выставками в рамках каждого фестиваля. А неоднократно посещавшие иркутскую землю хоры, ансамбли

и певцы из Москвы и её окрестностей могут и дальше радовать нас своими выступлениями уже не в одни и те же осенние дни, а в любое время года – по линии основной деятельности филармонии и прочих соответствующих учреждений.

Мы можем, а по большому счёту и должны, использовать накопленный опыт и потенциал на пользу не только области, но и всей России. И наше министерство культуры вполне в состоянии взять под контроль формирование в том числе и литературной части фестиваля, памятуя о том, что в Иркутске, как и во многих других регионах, базируется не одно только региональное отделение СП России. Если же инертность в масштабах области преодолеть трудно, давайте вспомним, что «Сияние России» зародилось как городской фестиваль, и зачинателем мероприятия более значимого масштаба может снова стать областной центр на уровне обмена с другими региональными центрами. За название в этом случае также держаться ни к чему, скажем, вариант «Вместе мы – Россия» – будет больше отвечать и уровню, и сути такого события.

Теперь один конкретный пример по поводу восстановления реально существовавшего единого культурного пространства с нашими ближайшими восточными соседями – Бурятией и Читинской областью – прежде всего в области литературы. Мы помним, что Иркутск в этом единении был основным центром, благодаря в том числе и ведущей роли Восточно-Сибирского книжного издательства. Создай мы сейчас государственное издательство (всё равно ведь бюджетные средства на книги выделяются, только уходят в частные руки), и снова могли бы претендовать на лидерство. А пока в стремлении к «разрушению» искусственно созданных местных границ нас опережают читинцы. Им удалось восстановить всероссийский статус своего давнишнего фестиваля «Забайкальская осень», и, несмотря на то, что иркутяне игнорируют старых друзей и соседей в рамках «Сияния России», приглашают их год за годом: Кима Балкова, Василия Козлова, Светлану Асламову, Татьяну Ясникову, Сергея Корбута... И, более того, крупно публикуют в своём твёрдообложечном журнале «Слово Забайкалья». Это конкретно, зримо и понятно. Это патриотично и дальновидно. Сегодня, в поддержку Года культуры и общественной позиции читинцев, мы также отдаём часть площади журнала для того, чтобы иркутяне могли познакомиться с творчеством их замечательных авторов.

Пока это всё, что мы можем сделать реально, поскольку попытки оттеснить Иркутскую областную писательскую организацию от любого направления деятельности, связанного с бюджетом, как и попытки её в целом ликвидировать, со стороны руководства регионального отделения СП России и Дома литераторов (секретарь ИРО СПР почему-то автоматически становится заместителем директора ИДЛ) в Год культуры не только не прекратились, но и активизировались в самом его начале.

А так, в общем-то, в нашем «датском королевстве» всё хорошо. Министерство культуры и архивов Иркутской области выделило нам под Год культуры почти 40 процентов запрошенной по проекту на номер журнала суммы – это большой сдвиг от нулевой отметки. Выделены и средства для поездок по области в связи с десятилетием Областной писательской организации. Собственно, двум этим событиям – Году культуры и юбилею ИОПИ и посвящён данный выпуск «Иркутского писателя».

Сергей Корбут

Андрей Румянцев

СВЕТ РОДИНЫ

*У названия рубрики «Авторский лист»
два значения: первое – здесь представлен
только сам поэт со своими стихами,
без каких-либо комментариев;
второе – в издательской практике авторский
лист это 700 стихотворных строк;
до последней строки мы подсчёты вести не
будем, но приблизительно соответствовать
издательской норме намерены.*

* * *

Какое чудо мне дала
Земная щедрая судьбина:
Воды гремящая лавина
У стен родимого села.

Байкал! Над счастьем и бедой
Твой голос вечен у завалин.
У бабки чай опять заварен
Твоей клокочущей водой.

И выше вздыбленной земли,
Прекрасней, чем любая небыль,
Твоя волна летит вдали,
Как и душа земная, к небу!

* * *

За домом – поле да тайга,
Дорога да погост в лесочке,
Овражек, тонущий в песочке.
А дальше – влажные луга,
Байкал, крутые берега
Да в море дальних лодок точки...

Я часто, стоя на яру,
Невольно думаю с печалью:
Как разлучусь я с этой далью,
Пусть лишь уеду – не умру,
Вдруг не увижу поутру
Простор за дымчатой вуалью?

О, торопись, душа, ловить,
Как свет большого листопада,
Свет родины,
Учись, отрада,
Как надо нам её любить,
Как надо бережно хранить,
Как любоваться ею надо!

* * *

Мой дед рыбацкую науку
Мог передать
(Стезя одна!)
Двум сыновьям,
А позже внуку,
Но отняла их всех война.

В разгар путины,
На затоне,
В тиши густого камыша
Я слышал, как надсадно стонет
Его разбитая душа.

Все парни были боевые.
Их закаляли с ранних пор
И громобои полевые,
И моря вздыбленный простор.

В их письмах с фронта я увидел
Жестокий смысл былых наук:
Так люто каждый ненавидел
Чванливых фрицев!
Даже внук.

Мальчишка, на враньё не падкий,
Писал, ярясь не по годам:
«Даю фашистам по сопатке¹.
Сегодня дал и завтра дам...»

---

¹ По сопатке – по лицу, по морде (сибирск.).

...Признаюсь, мне невыносимо
Смотреть на нынешний экран,
Когда какой-нибудь спесивый
Высокоумный Митрофан

Толкует о победных трубах
Врага в начальный год войны
И лишь о трупах, трупах, трупах
С разбитой, русской, стороны,

О неперенных белых флагах
Над жалким скопищем колонн...
А вот о жертвенной отваге
Моих солдат
Не слышал он.

Но не они ли, незаморы,
Тогда надменному врагу
И под Москвою били морду,
И вновь – на волжском берегу?

Недаром же в краю сибирском
У славы их – родной приют.
Здесь тополя над обелиском
Легко до неба достают!

* * *

Мальчик в кубанке спокойно глядит с фотографии.
Это мой дядя, солдат восемнадцати лет.
Время ему и друзьям его так не потрафило:
Школа,
И фронт,
И накрывшийся пламенем след...

Братик последний, любимый,
В речах моей матери
Был он, как ангел, – застенчив, и ласков, и мил.
Боже помилуй,
Не то, чтобы грязных и матерных,
Он даже резкого слова не произносил.

То с малышами каким-то печеньицем делится,
То разнимает лихих забияк, не силён...
Бабка смеялась: «Ты, Сёма, что красная девица».
Хмурился дед: «Мужиком себя чувствуй, Семён!»

Нет, не сидел он задумчиво на поле клеверном,
Нет, не томился за тихим иль праздным столом.
На лошадях он скакал без седла, как приклеенный,
И по мишеням в десятку стрелял за селом.

А как шинельку надел за казённой оградой
И к эшелону в колонне его повели,
Он на сестёр оглянуться не счёл своей надобой,
Не захотел помахать им рукой издали.

Мать моя эту оплошку запомнила братову,
Плача, твердила, уже и стара, и слаба:
«Если бы он оглянулся –
Дорогу обратную,
Может быть, Сёме тогда подарила судьба!»

Я представлял огневую купель сталинградскую,
Мальчика,
В жизнь заглянувшего утром, как в сад,
Чёрные скаты в могилу огромную, братскую...
Вот он шагнул к ней
И не обернулся назад!

* * *

Отец пришёл, когда уже дымились
Победы чаша над родной землёй.
Она ему четыре года снилась
Над прахом разрушенья
И золой.
Он взялся за топор,
И плуг, и косу,
Любое дело делая взхлёб,
Спины не разгибая –
Кровь из носу, –
В поту горячем
Расшибая лоб!

И встал забор,
И задымилась баня,
И задышала пустошь чёрных лет
Парною пашней,
И, смеясь, папаня
Увидел свет,
Полей зелёный свет!

И солнце грело жарче,
Печка ярче
Горела в нахоложенной избе.
Всё было по-другому.
Всё иначе.
В деревне.
В поле.
В воздухе.
В судьбе.

ФРОНТОВИК

После разрывов, гула, треска,
В снах неожиданно страшна,
У молодого перелеска
Его будила тишина.

Он спал у озера и речки,
На тёплом поле и лугу, —
Она взрывалась без осечки,
И осыпался гром в мозг.

И дни,
И долгие недели
В гремящей этой тишине
Всё комья чёрные летели...
Ад, продолжавшийся во сне...

* * *

Солдат вернулся, а его невеста
Не дождалась — живёт уже с другим.
Но не бывает пусто
Свято место:
Он выбрал ту, что соблазнилась им.

Солдат был хвор — к дождю болела рана.
Хозяйство вёл без пыла — вкривь и вкось.
Взошла над ним хмельная власть стакана,
И в мир подругу отпустить пришлось.

Речь не о ней
И не о нём в итоге.
Речь о невесте — нежной до поры.

Она всегда являлась на пороге,
Когда вступал он в тёмные миры.

Она стояла, тонкая, как ива,
И нежная, как ласка ветерка.
Так трепетно, так верно, так счастливо
Лица касалась лёгкая рука.

И начинал гудеть какой-то зуммер,
И голос властный бушевал во сне:
«Ты почему от ран своих не умер,
Влюблённый и счастливый,
На войне?»

* * *

Когда-то в древнем Риме
Жил грозный полководец
По имени Антоний,
Коварен и жесток.
Железные армады
По сушам и по водам
Водил он, покоряя
И запад, и восток.

Я помню с малолетства
Ужасные страницы
О том, как в пыль стирал он
Сады и города.
Каких историй только
От маминой сестрицы,
Учительницы первой,
Не слышал я тогда!

Запомнился же этот
Антоний препротивный
Не славою кровавой,
Не хитростью, злодей, —
Тем, что носил он имя —
А случай выпал дивный! —
Похожее на имя...
Да, тётушки моей.

Не та совсем планида,
И век — из новой эры,

И нету Колизея,
Тропических погод...
Есть тётя Антонина,
Шальные пионеры,
Сибирская деревня,
Сорок девятый год.

Мы помогаем вдовам
Среди январской стыни,
А летом ловим рыбу,
Забросив невод вброд.
Любое наше имя,
Конечно, из латыни,
Но мы совсем особый,
Не сдавшийся народ!

У нас в селе найдутся
И Павлы, и Елены,
Их имена носили,
Когда Антоний жил.
Но почему же парни
Парижа или Вены
Не создали таких же
Отчаянных дружин?

В бою не отстояли
Свои родные земли –
Видать, в открытом поле
Их сила не взяла.
А мы, Антоний подлый,
Таких, как ты, сумели
Разбить!
Мы
И солдаты
Из нашего села!

ЖУРАВЕЛЬ

Журавель деревянный,
Ты птица глазастого детства.
Ох, какие просторы тебе за дорогой видны!
Кабачки, огурцы не боятся с тобою соседства,
Развалились на грядках под клювом твоим – зелены!

Вот бы сесть на твою деревянную тонкую шею
И окинуть бы взглядом живую небесную даль!
И не надо тогда слушать рассказы про ворожею,
Что умеет судьбу предсказать и развеять печаль.

Журавель, журавель,
Ты не зёрна, а звёздочки гложешь,
Ты не гром окликаешь, а чуткую звёздную тишь.
Пусть над полем далёкого детства взлететь ты не можешь,
Но под небом добра ты, любимая птица, летишь!

НАЧАЛО

Я зрячий посох не держал в руке,
Святых вершин не видел вдалеке.

Я шёл по топям, по густой грязи,
С болотной скудной ягодой в горсти,

Стоял у поля, на сырой меже,
Над нивой тощей, с камнем на душе,

Из-за того, что небо, как свинец,
Из-за того, что болен мой отец,

Из-за того, что глушь темна кругом,
Что плохо греет музу нищий дом,

Что нет у неба манны – только синь,
Что многого хочу, крестьянский сын...

Но божий глас раздался из-за туч:
«Я посох дам и путеводный луч!»

* * *

Когда решили подновить
В родной округе обелиски,
То вновь распутывали нить
Любой судьбы солдатской,
Близкой:

Тот был далече погребён,
Тот смерть в безвестном поле встретил.

И чёрный крестик вновь отметил
Две трети вписанных имён.

А из вернувшихся солдат
Живущих тоже не осталось.
Но дети их! Поставьте в ряд:
На лицах – горечь и усталость.

За их спиною – не село,
А запустенье и руины.
Считай свои, наследник, вины:
Отцу с тобой не повезло!

Ужели он погиб в бою
На поле, минами изрытом,
Чтоб у разбитого корыта
Ты плакал в собственном краю?

Ужели сильный, умный внук,
Так много слышавший о деде,
Не смог постичь его наук
И не придёт к своей победе?

* * *

Остался мой дом у парома
За тёплой и светлой рекой,
И поезд летит от перрона
Печальной, прощальной строкой.

А что он, бездушный, пророчит?
Что глухи к птенцам небеса?
Что завтра пути мои смочит
Угрюмая злая слеза?

Но я не поддамся!
Не сильный,
Я с гордостью вспомню опять,
Что тихий отец мой – двужильный,
Под стать ему – тихая мать.

И я, терпеливый и тихий,
Как мартовский куст на снегу,
Судьбине – коварной шутихе
Упрямо ответить могу:

«К чему твои мрачные шутки,
Когда у меня за спиной
Искристые снежные шубки,
Хоромы кедровой стеной,

И всюду в России я – дома:
У дальней святыни любой
И там, на лугу у парома,
Над вечной и вольной водой!»

* * *

Не бездельнику и не разине –
Небесам говорю я своё:
Мы – последние дети России,
Что счастливою знали её.

Что вы!
После войны,
Недорода,
Нездорова ещё, несильна,
Из всего чуть живого народа
Огольцов обогрела она,

Накормила –
Не сытно вначале,
Но со временем вдоволь и всласть.
И недетские стихли печали,
И другая судьба началась,

Где родные росистые песни
Да глазастый букварь за ремнём,
Где не пахло ни злобой, ни спесью,
И ни завистью, и ни враньём.

От её материнских ладоней
Где-нибудь под Чуной иль Читой
Мы в такие пустились погони
За работой, любовью, мечтой, –

Только множились дивные дивы,
Только твёрдо ступала нога
На земные и звёздные нивы!
Мы б и чёрту сломали рога.

Пусть увидят, что, дети Акулек,
Мы смогли обустроить свой дом,
И нельзя нас, как плёвый окурок,
Растоптать голубым сапогом!

А теперь –
Простаки и разини –
В отчем доме, где правит ворьё,
Мы – клеймёные дети России,
Те, что предали скопом её.

И одна лишь надежда,
Что внуки
Обновлённых и дерзких кровей
Прекратят эти чёрные муки
Неповинной отчизны своей.

Рухнет наземь гнилая постройка
И придавит безродных дельцов,
И рванётся Россия, как тройка,
Под серебряный звон бубенцов!

* * *

Давно в деревне не играли свадеб,
На свет не появлялись сорванцы.
И что ни двор –
То славят Христа ради
И что ни месяц –
В избах мертвецы...

Душа моя, зачем ты снова плачешь
Слепящими слезами на ветру?
Ты в этой жизни не переиначишь
Судьбы жестокой
Подлую игру.

Не вызовешь ни боли, ни участия
Земных владык за каменной стеной.
Что им убогих подданных несчастья?
У них иное солнце, бог иной.

И ты, душа, пока не знаешь гору,
Чтоб разглядеть с неё народный вихрь,
Который в прах развеет эту свору,
Развеет даже дух смердящий их!

* * *

Привыкает народ: всё разрушено...
Но страшнее привычных смертей –
Как обуглилась душенька Грушина,
Горемычной соседки моей.

Сын вернулся из строя солдатского,
А в деревне – всё тот же разор.
Из такого содомища адского
Каждый выход – как смерть и позор.

Подружись он, как прочие, с горькою,
В воровскую ли шайку пойди
Вместе с падшими Катькой и Борькою, –
Только смерть и позор впереди.

И тогда на поляночку зимнюю
Вышел Грушин сыночек в мороз,
Вылил на плечи влагу бензинную
И горящую спичку поднёс...

Голь сбежалась смурная, голодная,
И от гнева дрожала земля.
Только снова та ярость народная
Долететь не смогла до Кремля...

ПОСЛЕ ОЧЕРЕДНЫХ ВЫБОРОВ

Опять ты, русский исполин,
В своём отечестве обманут.
Твою доверчивость помянут
И грош положат на помин

Твои обманщики.
Живи,
Помоек гость,
Герой загулов,
До новых сказочных посулов,
До новой сказочной любви!

Будь счастлив!
На твоей земле
Дельцы безродные жируют,
На чёрном прахе и золе
Свою победу торжествуют!

* * *

Где ты, ратник, и где ты, оратай,
Ну давно приказать бы пора
Этим самым чумным демократам,
Чтоб ушли подобру со двора.

Мол, речей ваших рюшки и банты
Жизнь не могут украсить во мгле.
Кто же будет терпеть ваши банды
Что в Кремле, что на прочей земле?

Неужель вы ещё не смекнули,
На ристалищах власти резвясь,
Что народ может выбрать и пули,
Как обратную связь?

* * *

Не знаю, зачем они копят
Свою золотую лузгу,
Коль завтра их в гроб заколотят,
Доверят глухому леску.

Не знаю, зачем они ставят
Судьбу на бессмысленный кон:
Ведь нами уверенно правит
Один справедливый закон,

Что бедного путь не позорен,
Коль он поделился с людьми
Хотя бы лишь горсточкой зёрен
Святого добра и любви!

* * *

– Человек деревенского склада,
Что ты любишь и веришь во что,
Коли нету в душе твоей лада,
А карманы твои – решето?

– Жить люблю, – и ручищи запрятал. –
Верю в жизнь, – и потупил глаза.
Рассмеялся – и тут же заплакал,
И улыбку омыла слеза...

* * *

Валентину Распутину

Ты, в отличие от всяческих ботал,
От любителей праздных словес,
По-крестьянски, как пахарь, работал
Для наследной земли
И небес.

То, что вписано в книгу державы
Неподкупным и тяжким стилем,
Не окажется гнутым и ржавым
Под каким-нибудь сгнившим столом.

Эти
Правды слова ножевые,
Эти
Счастья скупые слова
Будут жить, как деревья живые,
Как ручьи, как шмели, как трава.

Станут моды и нравы меняться,
Но всегда будет Русь – не избыть! –
По-распутински плакать, смеяться,
Прославлять, проклинять и любить!

ИЗ СТИХОВ О ПУШКИНЕ

НАД СОРОТЬЮ

И в реактивный век наш
Травы
Над сонной Соротью тихи.
Быть может, только бронзой славы
Звонят здесь вечные стихи

Да в небе высветленном
Вольно –
Душою чуткою лови! –
Плывут озвученные волны
Надежды, грусти и любви.

И нет бессрочнее союза,
Что заключили на века
Родная пушкинская муза
И травы, сосны, облака...

Россия!
С ним навек ты связана обетом:
О святости ль печась,
Невольно ли греша,
К поэту приходить,
Чтоб наполнялась светом,
О, родина,
Твоя открытая душа!

Все тайны волшебства
В твоей, о Пушкин, речи.
Библейские слова –
Твоих стихов предтечи.

* * *

Он с нами осиливал беды –
Ему не впервой лиховать.
Он праздновал наши победы –
Ему по душе ликовать!

Желал он величья и силы
Отечеству прежде всего.
Грядущие судьбы России
Озвучены словом его!

* * *

Живи,
    как в последний день.
Пиши,
    как в последний час...
Любое из добрых дел
Пусть будет не напоказ.

Любое из певчих слов
Пусть дышит твоей судьбой.
Завет для творца не нов:
Останься самим собой.

Но выше всех слов и дел
То ль правило, то ль наказ:
Живи, как в последний день,
Пиши, как в последний час!

ЧИТАТЕЛЮ

Дерзя хозяевам и слугам,
В тебе я видел не судью.
Ты для меня был старым другом,
Что слушал исповедь мою.

Передо мной стоял ты зримо,
Как небеса
И как леса.
И я всегда смотрел не мимо,
А как привык – глаза в глаза.

Не брал заёмного лекала
Для слова, зревшего в тиши.
Оно легко перетекало
В живую даль твоей души.

И ликовало,
И кипело,
Не надрываясь, не трубя.
Бывало, со слезами пело...
А отклик твой – другое дело:
Тут всё зависит от тебя.

* * *

И всё-таки главные песни
Поэт посвящает любви –
Не попранной чести,
Не лести,
Не клятвам своим на крови.

Не надо ни льстить
И ни клясться,
Ни в медные трубы трубить,
А только любить
И бояться
При жизни своей разлюбить.

Принять нищету и безвестье
И слиться с другими людьми,
И выстрадать главные песни,
Заветные песни любви!

* * *

Мне не нужно хмуриться и злиться
И ломать привычное перо.
Добывать признание столицы –
Для меня и скучно, и старо.

На Руси и к северу, и к югу
Дрёмны плёсы и тихи луга.
Но зато и свет на всю округу
Льют берёзы, звёзды и снега.

Захолустье, пустошь, мелколесье,
Тонкая дорога между гор...
Но зато и воздуха для песен –
Грозовой, немереный простор!

Гасит песни, как ни голоси я,
Звон садовых каменных колец.
Но когда подхватит их Россия –
Разлетятся из конца в конец!

* * *

Г.С.

Это песня задела мне сердце,
Это солнце коснулось руки,
Чтоб могла ты со мною согреться
От светящейся, нежной строки.

Это просят былинка и ветка:
Не губи, не суди, не греши,
А желай только света и ветра
На бескрайнем просторе души.

* * *

О ней,
И только лишь о ней –
О нашей родине печальной
Без ослепительных огней,
Без древней песни величальной.

Она не радует людей?
Она не ласкова к живущим?
И рыщет ветер всё лютей
По тёмным пажитям и пущам?

Но почему до смертных дней
Мы, русские, поём и плачем
О ней,
И только лишь о ней?
С извечной болью.
Не иначе.

РАССКАЗ

Баженов проснулся минут за пятнадцать до сигнала на завтрак. Взглянул на часы и досадливо мотнул головой: обычно он вставал на полчаса раньше, без всякого будильника. Это была многолетняя привычка. Ему и хотелось иногда в дождливый день поваляться подольше в спальнике, но неизменно в семь с минутами сон резко сменялся явью, и он сразу проникался ежедневными заботами начальника поисковой партии.

За палаткой, негромко порывкая, возились собаки. Торопливо одевшись, Баженов взял полотенце и вышел к утреннему солнцу, лучи которого вкось пробивались сквозь мохнатые, со свисавшими космами «ведьминых волос», кедровые лапы. Обычной бодрости сегодня не было, какое-то неудобство почти неощутимо затаилось в груди и причиняло беспокойство. Началось ещё с вечера, поэтому он долго не мог заснуть, прислушиваясь к себе, но так и не смог определить, что же это такое. Ночью просыпался – ничего не болело, нигде не кололо, но неудобство это никуда не уходило, отчего напознала какая-то смутная тревога. «Да ладно, пройдёт, – успокаивал он сам себя, – ещё и хуже бывало». И вот надо же – сегодня утром проспал.

Как обычно, он сразу направился к кухне: надо удостовериться, что таборщица поднялась вовремя, и завтрак готовится. Хотя Татьяна ездила с ним уже несколько лет и ни разу не подвела. Но Баженову для собственного спокойствия необходимо было каждый раз лично убеждаться в том, что всё идёт по заведённому им порядку, а его распоряжения выполняются. И часто он был готов скорее сам сделать даже самую пустяшную работу, чем поручить её кому-то. В своих требованиях он был всегда дотошен и въедлив, за что однажды ещё в студенчестве на производственной практике получил от начальника партии прозвище «пан Формалист».

Татьяна хлопотала у костра, помешивая половником в закопчённом ведре. Отозвавшись на «доброе утро» Баженова, спросила:

– Далёко нынче собрались?

– На Улунтуй поедem. А там рыбалка хорошая должна быть. Может, привезём чего на жарёху. Дорога, правда, не очень. Но проскребёмся как-нибудь.

– Да уж, Палыч, свежей рыбки-то не мешало бы... Каждый день тушёнка да скумбрия. В кишках уже мозоли от них. Хорошо, парни вчера грибов притащили, к ужину с картошкой сделаю. А то совсем скучно.

– Надейся и жди, – посоветовал Баженов и пошёл по тропинке к ручью. Собственно, эта поездка вряд ли принесёт хорошие результаты – нет в том районе поисковых признаков, чтобы возможны были какие-то находки. Просто

для равномерности сети наблюдений надо «забегать» его маршрутами. Но зато потом можно выйти к берегу реки и побросать спиннинг. В ближних ручьях водилась только мелочь – разве что на кошачий обед. И Баженов давно уже представлял, как на Улунтуе он поймает, наконец, хотя бы с десяток харьюзков, а если повезёт, то и ленка.

Возвращаясь в палатку, Баженов ещё раз с удовлетворением отметил, как удачно выбрано место для лагеря. В управлении мало кто из начальников полевых партий мог с ним сравниться в этом деле. Как всякое искусство, оно заключало в себе, с одной стороны, талант, с другой – житейский и профессиональный опыт. Тут главным было найти общий знаменатель для многих условий, которые обеспечивали наилучшее расположение табора. Самое простое из них – чтобы недалеко была вода. Значит, берег речки или ручья, но так, чтобы не затопило при паводке. Можно и на озере устроиться, но это лучше делать только в горах – там вода в озёрах холодная, ледниковая, нет никакой тины, лягушек и прочей мерзости. И чтобы поблизости было где дров запасти – чай да кашу варить, палатки обогревать. В тайге всегда есть сухостой или валежник, а в горах чаще всего приходилось довольствоваться корявыми сучьями кедрового стланика. Земля в лагере должна быть не поросшая толстым слоем мха, а с короткой травкой или даже каменистая: пусть неровно, зато сухо и твёрдо. Потом палатки. Их надо ставить в тени, чтобы не страдать от духоты, но и не слишком близко к деревьям, иначе при грозе может шарахнуть молнией. Да подальше от зарослей кустов, где во множестве обитают комары и мошка, которые постоянно будут отравлять существование. И много ещё надо было учесть совсем мелких соображений, чтобы потом не заботиться больше о благоустройстве. Бывает, конечно, что удобного места под лагерь в районе работ нет, и тогда приходится из многих неудобных площадок выбирать наименее неудобную. И не лежит к ней душа: до воды далековато, утром и вечером горы солнце закрывают, пожар таёжный был недавно, и везде торчат обгорелые стволы, но проходит день-два – палатки поставлены, кухня оборудована, тропки протоптаны, и лагерь принимает обжитой и даже уютный вид. И после сделанной работы возвращаешься сюда с таким же желанием и предвкушением хорошего отдыха, как и домой.

Теперь надо подготовить всё для сегодняшней поездки. Баженов стал собирать рюкзак. Положил фляжку, котелок, кусок полиэтиленовой плёнки – от дождя спасает лучше всякого плаща, да и легче. Подумал и на всякий случай сунул в боковой кармашек фонарик: дорога предстояла долгая, возможно, возвращаться придётся затемно. На вездеходе, конечно, фары есть, но если потребуется ремонт, без фонаря не обойтись. Достал полевую сумку, проверил, на месте ли компас и дневник. Полез во въючный ящик за картой и почувствовал, как давешнее неуловимое беспокойство в груди материализовалось в учащённое сердцебиение. Кровь резкими сильными толчками продавливалась по сосудам, ладони стали влажными, возник безотчётный страх. Он прилёг на спальник, расстеленный на нарах, и закрыл глаза. «Ещё и хуже бывало, – подбодрил он себя, – надо просто полежать, пройдёт».

Как и всякий мужчина, он не любил лечиться и всегда до последнего откладывал поход в поликлинику. Надеялся, что обойдётся. И действительно, обходилось. Но лет восемь назад прихватило всерьёз – гипертонический криз. А началось вот так же, с какого-то почти неощутимого дискомфорта.

Пролежал тогда в больнице недели полторы. С тех пор для порядка Баженов возил с собой какие-то таблетки. Но проглотить таблетку – значит, признать себя больным. Больным же быть не хотелось, у больного совсем другой режим существования: этого нельзя, того не смей... И он терпеливо переживал приступы недомоганий, стараясь не пить лекарств, потому что считал, что чем чаще будет их принимать, тем меньше сможет обходиться без них.

Врачиха, беседуя с ним при выписке, сказала: «Следите за давлением. А то может подскочить так, что случится инфаркт или ещё хуже – инсульт. Хорошо, если умрёте, а вот если жить останетесь и будете парализованы, каково родным потом за вами ухаживать?..» Баженова, едва оклемавшегося от недуга, прямо-таки оцарапало её беспощадное напутствие. «Хорошо, если умрёте...». Она, конечно, хотела как лучше, внушая ему, к чему приведёт легкомысленное отношение к здоровью. Но не такими же словами. Эти врачи совсем бесчувственны к переживаниям своих пациентов. Хотя, наверное, им и нельзя иначе. Если каждую боль, каждую трагедию воспринимать как свою, невозможно будет работать. Так же вот и полководцам невозможно побеждать, если думать, что каждый солдат – человек, которого ждут дома...

По лагерю разнёсся звонкий стук – Татьяна «ударила в рынду», оповещая, что можно идти завтракать. Рындой служил старый рукомойник, подвешенный возле кухонной палатки наподобие колокола. Минуты через две послышались голоса, народ потянулся умываться. Народ в этом сезоне состоял в основном из молодых парней, никому не было и двадцати пяти, и Баженов, имея на плечах полвека с большим гаком, годился им в отцы, а некоторым и в деды. Впрочем, он не знал, что между собой они так и называли его Дедом. Когда комплектовалась партия, Баженов взмолился: «Дайте хоть одного нормально-го специалиста! Ну что я буду делать с этим пионерским отрядом?» В ответ услышал обычное: молодёжь тоже надо обучать... а с вашим-то опытом... мы вам доверяем... ничего, справитесь... – и прочая такая же лирика. В работе парни вроде старались, хотя умели ещё очень мало, и Баженов терпеливо всё показывал и объяснял. Но вот приучить их подниматься вовремя он пока так и не сумел. Конечно, у них теперь у каждого ноутбук, и вечерами в палатках до полуночи, а то и позже крутились диски с музыкой или фильмами, поэтому здоровый сон брал своё как раз по утрам.

Баженов осторожно встал. Кажется, немного отлегло. Но никуда не ушла противная слабость в теле, осталось лёгкое головокружение. Да, ехать самому сегодня, видимо, не придётся. Надо отлежаться. Он потихоньку пошагал на кухню.

«Пионерский отряд» наконец умылся и тоже прибыл подзаправиться перед работой. Валька Симонов, усевшись за стол, задал свой обычный вопрос:

– Что у нас сегодня в меню?

– То, что дадут, – ответствовала Татьяна.

– Предполагаю, что на первое – с гуся вода, – начал Валька.

– Первое на обед бывает, а сейчас...

– Завтрак, ясное дело. Значит, сразу второе. А на второе у нас, наверное, ни рыба ни мясо, – продолжил Симонов.

– А на третье – седьмая вода на киселе, – закончил Баженов, через силу пытаясь придать голосу обычную бодрость.

– Откуда вы знаете? – Валька был разочарован тем, что не удалось выдать шутку за свою.

– Это ты мне лучше скажи, где раскопал старые номера «Крокодила».

– А-а, ну конечно, я и забыл, что вы, Санпалыч, ровесник прошлого века, – сказал Валька. – А у нас дома ремонт затеяли перед моим отъездом, столько барахла откуда-то повытаскивали. Вот и почерпнул немного ветхозаветного юмора.

После завтрака Баженов пошёл к себе, включил рацию, поговорил с базой. Новостей особых не было, ценных указаний тоже. Покашляв для приличия, в палатку заглянул Гоха, вездеходчик.

– Палыч, так ты передай, чтобы торсионы на запас прислали. У меня всего один остался, а ездим тут сам знаешь как... Одни камни. И башмаков штуки четыре-пять.

– Уже передал. Завтра обещали подвезти.

– Ну добро, – Гохина голова исчезла.

Баженов ещё послушал переговоры, потом вышел к народу, который после завтрака устроился покурить на сухих сосновых сутунках, расставленных вокруг кострища. Гоха, бросив в огонь окуроч, пошёл заводить свой ГАЗ-71. Костёр догорал, чадя синим дымом. Баженов обрисовал в общих чертах, что сегодня нужно будет сделать. Потом сказал наконец главное:

– Ну вот что, орлы, на Улунтуу поедете без меня. Устал я что-то, отдохну, камералку¹ подтяну.

Он заметил, что Валька с Костей понимающе переглянулись: мол, чудит старик, хочет посмотреть, как мы без него справимся, вот и придумал себе усталость. Ну и хорошо, пусть так и думают.

– Дорогу я вам на карте показал. Вот тут ближе к борту распадка держитесь, к ручью не суйтесь – марь с валунами, гусеницы порвёте. Здесь вот на этот пологий склон немного подыметесь и вездеход оставите. Протопаете километра два, выйдете к этой лысой сопочке. Побегайте вокруг неё, посмотрите, что за породы, – он обвёл на карте карандашом место, где надо было провести поиски. – Ходы я вам каждому наметил. Через двести метров будете брать пробы.

Он ещё растолковал им в деталях предстоящую работу, раздал карты. Спросил напоследок:

– Всё понятно?

– Да вроде бы, – ответил за всех Женька Чиж.

– С огнём там аккуратнее. А то лесники нам насчитают – не расплатимся. Окурки на ходу не бросайте. Поесть-попить взяли?

– Естественно.

– Осматривайтесь почаще, клещи не все ещё сдохли. И накомарники не забудьте.

– Да ну их, Санпалыч, только об ветки задевают, – сказал Кокос, в миру Костя Кобылкин. – Дайте лучше «Дэту». Намажешься – и три часа без проблем.

– Ладно, как знаете.

¹ Камералка – здесь: обработка в лагере материалов, полученных в маршрутах.
(Прим. ред.)

– А кстати, Санпалыч, объясните такую штуку, – встрял Валька. – Вот напёрсток – надевается на перст, то есть на палец. Или намордник – тоже всё ясно. А накомарник – надевается на комара? Чтобы не кусался?

Молодёжь охотно загоготала. Баженов только рукой махнул.

– Надевайте куда хотите.

Сам он постоянно носил в рюкзаке накомарник. Потому что больше комаров и паутов докучает мелкая мошкара, которая и кусаться-то не умеет, но серым облачком витает возле лица и лезет в нос, в рот, в глаза и куда только возможно, и лучше накомарника от неё защиты нет. Мошкара эта особенно раздражает бессмысленностью своего существования. У кровососов есть хоть какая-то цель в жизни: напиться человеческой крови – и они упорно пытаются этой цели добиться. Причём честно предупреждают: пауты гудят, комары пищат – идём, мол, «на вы», и все стараются изловчиться, но получить доступ к телу и выполнить то, что природой предназначено. Больно, конечно, и неприятно, но их воспринимаешь как достойных врагов, тоже имеющих право на существование и на свой кусок хлеба с маслом. И с ними хоть можно бороться, когда твоя реакция оказывается чуть быстрее, и ты успеваешь прихлопнуть вонзивших жала в твою плоть хищников. Азарт, как на охоте. А эта мелкая мухота вьётся вокруг без всякого смысла и бестолково подыхает у тебя в носу или в горле, вызывая чихание и кашель... Вокруг той лысой сопочки, в густой траве на полянах много её должно быть. Но эти ребята ещё в таком возрасте, когда советы старших воспринимаются как мелочная опека, без которой они уже вполне могут обойтись. Ладно, пусть на себе экспериментируют, потом дойдёт.

Гоха наконец завёл свою шушлайку. Геологи побросали рюкзаки и молотки в кузов, залезли сами. За ними последовали «пролетарии» – грубая неквалифицированная рабсила из числа старшеклассников и недоучившихся студентов, летом подрабатывающих где придётся. По классификации Баженова, они тоже входили в категорию «пионеров». Полный комплект, не хватает только вожатого – самого Баженова. Ничего, обойдутся сегодня. Соображение-то у них есть, пусть применяют его на практике. Ветра в голове, конечно, много, но шишек понабивают, опыта наберутся, поймут, что к чему.

Его самого в юности испытывали гораздо строже. Распоределлся он в Якутию, на поиски золота, осенью приехал, не успел даже толком освоиться – зимой забросили одного на дальний участок, на канавы. Наворотил он там делов, пока не приехал старший геолог и при нём не переделал всё как надо. Зато это был такой опыт, какой не получишь, слушая лекции или кабинетные поучения. «Испытай породу будущего пса: брось кутёнка в воду – выплывет ли сам». Он не помнил, чьи это были стихи, но ситуация как раз соответствовала. Тогда посчитали, что он всё-таки выплыл, и летом поручали уже более ответственные дела.

«Посмотрим, как мои ребяташки сегодня побултыхаются», – он уже думал об их поездке без него как о давно задуманном деле. Пора, пора их к самостоятельности приучать.

– Санпалыч! – словно прочитав его думы, крикнул с вездехода Валька. – Всё будет путём, не переживайте.

Баженов кивнул. Гоха включил передачу и нажал на газ. Машина, пощёлкая гусеницами, тронулась и скоро скрылась за кустами. Баженов ещё по-

стоял немного, потом взял вёдра и пошёл на ручей за водой. Принёс, поставил возле кухни, присел на скамеечку передохнуть. Вышла Татьяна.

– Ты, Палыч, не гоношись, иди лучше полежи. Серый ты какой-то с лица сегодня. Всё шастаешь по горам, как молодой. Себя и пожалеть тоже надо. Я тебе на обед потом что-нибудь сварю, а пока схожу недалеко, ягоду посмотрю.

«Да, – подумал Баженов, – не молодой, и далеко не молодой». Вот лет тридцать назад бегал по горам, как лось, да и вся их компания была такая. Ещё в институте сдружились, вместе ездили на выходные полазить по скалам, побродить по тайге, или подавались на Кругобайкалку – сидели у костра, песни пели, слушали прибой. А в Саянах на альпиниаде однажды в спасработках участвовали, вытаскивали двух девчонок с «тройки-Б» – они попали под камнепад, получили серьёзные переломы, и их всю ночь несли на носилках по долине Кынгарги – семь километров до Аршана по валунам, наледям, прижимам. Сейчас можно только удивляться, сколько, оказывается, было сил в ногах, в руках, как чётко работало сердце. Или вот стояли лагерем на Делюн-Уранском хребте. Три недели не было лётной погоды, съели все продукты, выкурили весь табак, посадили батареи на рации, но вертолёт так и не дождался, и пришлось по карте издания сорок второго года выходить к Витиму. Там была обозначена деревенька, но ведь сколько лет прошло, на месте ли она ещё... Три дня шли, и он, Баженов, мог подняться с рюкзаком на любую гору, а в рюкзачке было уж точно за тридцать килограммов всякого груза, который никак нельзя бросить. В тот раз повезло: хотя от деревни осталась одна только полусгнившая деревянная церквушка, но именно в этом сезоне сюда приехали старатели – золотишко мыть на косе, у них и рация была с нужной частотой, и продуктами они поделились, а через пару дней прилетел наконец вертолёт. В базовом посёлке им все завидовали – такие они вернулись худые и стройные, ни одной жиринки. А теперь Баженов и сам завидовал себе тогдашнему...

Он прошёл в палатку, лёг на нары и закрыл глаза. Сердце работало неровно, то ускоряя темп, то успокаиваясь, а иногда вовсе замирало на пару секунд. «Как муха в паутине», – нашёл сравнение Баженов.

Да, укатали сивку... Он подумал, что это наверняка аукнется ему вчерашний переход. Гоха запросил для вездехода день ремонта, и Баженов оставил молодёжь в лагере камеральность да пробы просеивать, а сам, чтобы не терять погожий день, пошёл с одним из «пролетариев» в маршрут на самый край площади работ, километров за восемь от лагеря. Для вездехода туда всё равно дороги не было: долины каменистые, склоны крутые. Вернулись они уже в сумерках. Ходить медленно Баженов не умел, к тому же рядом легко и быстро шагал молодой паренёк, который на удивление хорошо запомнил дорогу, поэтому, когда возвращались, он шёл не вслед за Баженовым, а чуть впереди и даже не догадывался притормозить. Было видно, что он с простодушным эгоизмом радуется своей прыти, тому, как ловко у него получается перепрыгивать рывтины, взбираться на крутые скальные стенки и совсем почти при этом не потеть. Но Баженов упёрся и не хотел показывать ему, что не поспевает в таком темпе. Чтобы немного передохнуть, он останавливался – якобы поколотить коренные выходы, приглядеться к породам. Паренёк в это время нетерпеливо топтался рядом. Немного отдышавшийся Баженов, сделав вид, что уяснил для себя что-то, двигался дальше, и юный Гермес в своих крылатых сандалиях тотчас снова

оказывался шагов на десять перед ним. И даже если он заворачивал не туда, и голос Баженова останавливал его, всё равно через минуту впереди снова пружинисто маячила угловатая худая фигура, и приходилось идти на форсаже. Вниз по склону было ещё ничего, но при подъёме на гору дыхания не хватало, сердце колотилось гулко, отдаваясь толчками в висках, и Баженов срочно искал очередное обнажение или глыбу. В ногах усталости не было, ноги давно привыкли к таким нагрузкам, а вот мотор не вытягивал.

«Это всё с-с-советское воспитание, — зло думал он теперь, напряжённо лоя в себе каждое шевеление сердца и опасаясь, что вот возьмёт оно с места в га-лоп или, того хуже, замрёт совсем. — Надо хоть таблетки на виду положить, что ли...» Вздохнув, он всё-таки взял одну в рот и проглотил, не запивая. Поздно себя переделывать, если ты из тех, которые впитали в себя эту отраву, что называется, с молоком матери. Всегда были готовы лечь костыми, закрыть собой амбразуру, отдать рубаху, руку, душу... А правившие страной небожители, как понимал он теперь, намеренно и цинично через книги, фильмы, песни внедряли в их сознание прелести бескорыстного покорения природы, благородство бытового аскетизма (словечко даже придумали — «вещизм»), презрительное отношение к «длинным рублям»... Иначе перекошенная экономика не потянула бы все эти плотины, рудники, каналы и нефтепромыслы. Рубли-то, конечно, были длиннее, чем где-нибудь «на материке», но эти сто раз воспетые палатки на снегу, сборно-щелевые балки, неизменное бездорожье и прочие романтические атрибуты требовали если не ежедневного героизма, то сознательного отречения от привычных удобств. Это теперь все узнали о заграничном цивилизованном, но скучном мире, где в контрактах прописано, что ты сам не имеешь права даже гвоздь дома забить — не дай бог тяпнешь по пальцу, потеряешь трудоспособность, придётся фирме тебе медицинскую страховку выплачивать, а кто твою работу сделает?.. А у Баженова на факультете при распределении шла настоящая битва за самые глухие медвежьи углы, и тем, кому досталась Камчатка или посёлок Певек на побережье Ледовитого океана, жутко завидовали остальные, которым предстояло ехать в прозаическое Забайкалье или куда-нибудь в Казахстан на разведку угля. Он не попал тогда в число счастливицов и долго по этому поводу переживал. Само собой, не из-за повышенной зарплаты. Да он почти даром готов был работать, чтобы сделать всё по своему разумению. А разумение было на уровне, чего скромничать. И вдохновение в работе было, азарт увлечённого игрока: ага, вы нам такие проблемы преподносите, а мы их вот так решаем! Деньги были не главное, да просто хватало их тогда на всё. Сейчас, когда тянешь от получки до получки, какое уж там вдохновение...

...По ночам над самой головой, на стрежне Млечного Пути, горит яркая синяя звезда. С детства её приметил, потом узнал название — Вега. Название тоже очаровало, и он выбрал её своим талисманом. Если что-то не ладится или просто грусть накатит без причины, посмотришь на неё — и всё будет хорошо. Талисман поможет... А совсем рядом — созвездие Лебедя. Он летит над Млечным Путём, широко раскинув могучие крылья, и одним из них словно прикрывает Вегу от любопытных взоров обеих Медведиц, Кассиопеи и прочих обитателей звёздного неба. И сколько раз бывало, что, взглянув в ночное небо и найдя Вегу, он действительно обретал бодрость, и навалившиеся неприятности не казались такими уж фатальными... Но давно всё это было,

ещё когда на стихи тянуло. «И в созвездье Индейца кому-то нет сна, кто-то тоже надеется Разум узнать по какому-то следу, сигналу лучом...». Потом закрутился-завертелся в серьёзных делах, «огрубел от скитаний», как пелось в одной из костровых песен, перестал на небо заглядывать... А когда-то мог найти на небе почти все созвездия, знал имена самых ярких звёзд. Где ты, Вега, помнишь ли меня?..

Он не заметил, как задремал, а очнувшись, с сожалением понял, что не досмотрел до конца сон не сон, видение не видение – что-то из прошлой жизни, когда мир был таким простым, светлым, открытым, каким бывает он только в юности. О чём был этот сон или видение, вспомнить не удавалось. Что-то мимолётно мелькнуло по самому доньшку сознания, оставив на поверхности лишь слабый отсвет, туманный намёк, размытое изображение. Но Баженов решил, что он обязательно должен это вспомнить, иначе мимо него пройдёт что-то очень важное. А для этого надо думать о чём-нибудь другом, тогда невспоминаемое само выплывет из потёмок. И он переключился на сегодняшнее утро.

Славные всё-таки ребята в его пионерском отряде. Ему удалось найти с ними нужный тон, установить ту дистанцию, которая не допускает никакого панибратства, но и не отдаляет настолько, что ни с той, ни с другой стороны никто никого не слышит. Когда они впервые появились перед ним, он спросил, есть ли у кого опыт работы. И Женя Чиж, этот Чижик, как мысленно прозвал его Баженов, гордо заявил ему, что у него уже год полевого стажа. И добавил: «Я работал в Бодайбо». Словно это уже само по себе было блестящей рекомендацией. «Ну надо же – целый год!» – вслух восхитился Баженов. Сам-то он уже отмотал больше тридцати полевых сезонов, в том числе и в Бодайбо, но до сих пор считал, что многого не знает. И чтобы парнишка впредь не задавался со своим Бодайбо, он при первой же возможности ткнул его носом в «элементарнейшие ошибки» и прочёл короткую лекцию о вреде излишней и ничем не оправданной самоуверенности.

А вот Валя Симонов, наоборот, не стал уверять Баженова, что он крупный специалист и многое испытал в своей жизни, а честно воспроизвёл где-то прочитанное: «Науки юношей питают, а мысли в облаках витают», – относя это к себе. Он вообще был начитанный молодой человек и любил блеснуть цитаткой или чьей-то остротой. Но начитанность его ограничивалась в основном беллетристикой, а в безбрежный океан геологической литературы он, похоже, далеко не заплывал. И всё-таки был у него интерес к работе и желание разобратся во всех премудростях профессии, которые Баженов понемногу открывал им каждый день.

Третий, Костя Кобылкин, рассказал, что у него родители геологи, лет с двенадцати брали его с собой в поле, но самостоятельно он ещё нигде не работал и надеется научиться всему у Баженова. «Нам в отделе кадров сказали, что вы легендарная личность», – заявил он напоследок, и Баженов по его интонации так и не разобрал, что это: неприкрытое желание сделать начальству приятное или же, наоборот, скрытое недоверие: мало ли что нам там наговорили, а мы сами теперь посмотрим.

Да уж, легендарная личность... Этот след тянется за ним с молодости, когда он, вдохновившись первым полноценно проведённым сезоном, в котором

у него многое стало получаться, тиснул в городской молодёжной газете подборку стихов, сделав к ней для солидности примечание: «Из цикла «Таёжные мотивы». Продвинутый читатель должен был понимать: это ещё не все стихи, это немногие из одного только цикла, значит, и другие циклы есть... Циклов, конечно, никаких не было, и вообще уже в следующем сезоне наивная восторженность испарилась без следа, и стихов он больше никогда не писал. Но одно стихотворение в этой подборке было неплохим, многим запомнилось, и ежегодно в профессиональный праздник кто-нибудь декламировал его на торжественном собрании в актовом зале управления. Так со временем он и стал «легендарной личностью». Потом стихи в стране вообще стали как-то неактуальны, декламации прекратились, но эпитет прирос к нему навечно. Почти все уже забыли, чем эта легендарность обусловлена, и молодые коллеги, не знавшие её истоков, предполагали за Баженовым особые заслуги в области поисков кладов земных. А он никого и не разубеждал: давно понял, что бесполезно. Хотя заслуги кое-какие всё же были. С тем и вступил в пенсионный возраст.

Опять о возрасте... А куда деваться, если он всё настойчивее напоминает о себе. По восприятию мира, по неугасающему желанию жить на всю катушку, как и было всегда, он себя чувствовал лет на десять-пятнадцать моложе. Но сначала этот криз, потом участвовавшие недомогания заставили-таки осознать, что он стареет. Вот и пенсию стал получать, но так и не осел в тёплом кабинете на какой-нибудь бумажной работе. Да и не предлагали, честно говоря. Хочешь – работай в поле, то есть выезжай каждое лето на поиски, на бурение, а то и зиму прихватывай. Не хочешь – живи на одну пенсию, а тёплые кабинеты у нас уже все заняты...

За палаткой слышались шаги, потом Татьянин голос:

– Ну чо, Палыч, живой, чо ли? – она распахнула брезентовые створки и вглядывалась в полумрак палатки.

Баженов отозвался со всей возможной беспечностью.

– Ну тогда иди похлебай маленько. Я там супчик по-быстрому сварганила, поешь, да и снова ложись. А я ещё на пару часов уйду, на голубицу поблизости наскочила. А после приду, ужин сготовлю.

– Да я не хочу пока. А ты иди.

– Так я тебе сюда принесу.

– Да я сам потом встану.

Он и правда не чувствовал никакого голода. И не хотелось подниматься, чтобы лишний раз не тревожить сердце. Оно никак не могло найти нужного ритма и всё так же, отдаваясь ноющей болью, беспорядочно барахталось в грудной клетке. «Остаётся только лежать и ждать, когда это закончится», – подумал Баженов и тут же вздрогнул: нехорошая двусмысленность получилась... Он не верил в предначертанность каждой судьбы свыше, да и что в этом толку, если своего срока всё равно знать не дано. Но сейчас вдруг вообразил, как неведомый кто-то, посмотрев на часы, подходит к большому щиту со множеством тумблеров и, отыскав на нём один с табличкой «Баженов», равнодушно поворачивает его в положение «Выкл.». И сердце, ещё немного поколыхавшись, совсем перестаёт пульсировать. Будто мячик, весело прыгавший по полу, вдруг наскочил на торчащий гвоздь и лежит теперь бесформенным комочком, который осталось просто выбросить...

«Не хватало ещё запугать себя до кондрашки, – подумал Баженов, покрывшись холодным потом. – Поживём ещё, какие наши годы! На бессмертие не претендуем, но лет двадцать надо бы ещё небо покоптить... Это всё мнительность, – успокаивал он сам себя, – это всю жизнь со мной».

Он и вправду, не любя ничего, что выбивалось из установленного порядка, всегда мучился ожиданием самого худшего даже в простых житейских ситуациях. То жена на работе задержится, то дочка по беспечности молодости не предупредит, что ночует у подруги, – у него сразу начинали возникать самые нехорошие предчувствия. Он сознавал, что зря всё представляет заранее в чёрном цвете, но придумал себе оправдание: если подумаешь о худшем, то по теории вероятности не может быть такого совпадения, что оно, это худшее, на самом деле случится. Впрочем, какая-то вероятность непоправимого всегда была, и это мешало оставаться спокойным, пока всё не разрешалось благополучно. Вот и тогда в больнице он мрачно прикидывал, что всё, отгулял своё, и с болезненным любопытством наблюдал за собой как бы со стороны. А когда на вопрос, скоро ли его выпишут, врачиха не сказала ничего определённого, он понял, что недолго, видимо, осталось... Но вот поди ж ты, сколько лет после того прошло, а он не только живёт, но ещё и по горам бегают, и напрасно тогда надевал по себе траур...

Два года назад, случайно включив рацию на полчаса раньше, он услышал чьи-то переговоры. Сквозь помехи Баженов разобрал, что вчера вечером при возвращении из маршрута стало плохо одному из геологов. Студент, что ходил вместе с ним, побежал в лагерь за помощью, но когда он вернулся с людьми, помощь была уже не нужна... В эфире потянулись разговоры о вызове вертолёта, о том, как сохранить до его прибытия тело, потом в наушниках прозвучала фамилия – Маркевич. Баженов был потрясён. Это был известный геолог, в прошлом сезоне они даже вместе работали. Хотя Маркевичу было уже за семьдесят, он каждый год ездил на полевые работы, а накануне первого июля сам попросил Баженова: «Завтра я обязательно должен сходить в маршрут, за тридцать лет я ещё ни разу эту традицию не нарушил». Но осенью, когда возвращались в город, он сказал: «Всё, наверное, больше не поеду, тяжелоатом уже, да и сердце шалит». Выходит, всё-таки передумал, или уговорили его. Такие зубры ценятся много дороже нынешних молодых, с позволения сказать, «специалистов». И вот...

Вечером того дня Баженов достал одну из припасённых на разные случаи бутылок водки, и они всем отрядом помянули старшего товарища. А Трофимыч, старый геолог и почти ровесник Маркевича, тоже всю жизнь проведший в экспедициях, сказал в конце своего тоста: «Красивая и достойная смерть. Я бы тоже хотел умереть, как он, в маршруте».

Баженов тогда только поморщился. Достойная – да, но красивая... Нелепое сочетание. Как может быть красивым прекращение бытия? На всю жизнь запомнилось: в школе на уроке литературы учительница назвала красивой смерть Радды и Лойко Зобара. Вот это характеры, вот это страсть! Баженов единственный из класса пытался возражать:

– Бессмысленное убийство. Они уколошили друг друга из-за каприза, и кому от этого стало лучше?

Но его никто не поддержал...

Где-то Баженов читал: смерть не страшна, когда чувствуешь, что на этом свете тебе ничего уже не нужно, да и ты ничего больше не можешь дать окружающим. Подвёл для себя итоги, всех простил, тебя все простили, и можешь уступать место в этом мире другим, молодым и энергичным. Наверное, так и есть...

А вот если ещё полон сил, не потерял вкуса к жизни, если каждая клеточка тела стремится к деятельности, если достиг с годами такой мудрости, что без досады воспринимаешь жизнь, как она есть, не только с радостями, но и с огорчениями – тогда твой переход в мир иной представляется чудовищной несправедливостью. Баженов пытался представить себя на месте Маркевича. Наверное, возвращаясь вечером, он уже думал о завтрашнем дне, намечал себе мысленно, куда пойти, что сделать. И не представлял, что «завтра» для него уже не будет.

А какие же итоги мог бы подвести ты, Баженов?.. Жил, вроде, по совести, гадостей никому не делал. Но это же так и должно быть, это не доблесть. Друзей нажил немного, зато доверял им, как себе, недругов в чём-то даже уважал, мошкару, вьющуюся вокруг, презирал. Много брал на себя, иногда рисковал репутацией и должностью, но всегда делал то, что считал нужным. Больших находок не сделал, не каждому дано что-то открыть, это уж как повезёт. Но и провалов не совершал...

«Ну вот, совсем мужик с горы съехал», – остановил он себя. Итоги взялся подводить, не хватает ещё вызвать нотариуса и завещание продиктовать. Чем больше думаешь о неизбежном, тем сильнее приближаешь его – организм сам перестраивается... Ребята приедут, а он тут лежит, как бревно. Нет, кончай валиться, а то и вправду отдашь концы втихаря. Надо бы дров наколоть, что ли. Татьяна ещё утром говорила, а он отложил до вечера: приедут – сделают. Но когда они ещё приедут. Пару чурбаков он и сам расколет, хватит ужин сварить. Клин клином...

Баженов заставил себя подняться – сначала сел, потом попытался встать, опираясь руками на стол, сколоченный из досок. В груди залегла какая-то тяжесть, сердце часто колотилось, всё так же временами сбиваясь с ритма. Он сделал пару коротких шагов. Ничего, ходить можно. Вышел из палатки, зажмурясь от яркого солнца. Середина августа, а днём ещё хорошо пригревает. В лагере стояла тишина. Татьяна пока не вернулась, а собаки, наверное, с ней убежали. За кухонной палаткой возвышалась горка лиственничных кругляков. Вот молодёжь, подумал он беззлобно, пока не скомандуешь, и дров не наколят. Он нашёл колун, выбрал не слишком толстый чурбачок, поставил на широкую колодину. Дрова колоть он любил и знал в этом толк. Это не пилой возить туда-сюда – монотонно и скучно. Он размахнулся и вогнал колун как раз по диаметру чурбака. Тот послушно распался на две части. Баженов потянулся за следующим чурбаком, но вдруг всё тело окутала слабость, и он присел на колодину. Сердце с пулемётной частотой билось о рёбра, в глазах потемнело, кружилась голова. Он испугался, что может отключиться, и с усилием помотал головой влево-вправо – раньше помогало. Потом упёрся локтями в колени и опустил голову на ладони, закрыв глаза...

Вездеход высветил в сумерках белые полотнища палаток и свернул к брезентовому навесу, где Гоха оборудовал стойло для своего железного коня.

Здесь стояли бочки с горючим, пустые канистры, лежали запасные катки и разная металлическая дребедень. Женька проворчал:

– Чего это Дед движок до сих пор не завёл. Темно, как...

Не договорив, он спрыгнул с вездехода и стал принимать подаваемые сверху рюкзаки. Над горящим поодаль костром висели на железных крюках ведра, но у огня никого не было. Валька направился к кухонной палатке, которая изнутри слабо освещалась неровным огоньком свечки, и тут от груды нерасколотых дров навстречу метнулась Татьяна.

– Александр Павлыч... – испуганно начала она. – Там лежит...

– Где? Почему лежит?

– Не знаю. Я думала, он в палатке у себя спит. Ужин вам разогревала, дрова у меня кончились, пошла принести, а он там...

Баженов лежал на спине, сжав в руке колун. Возле колоды валялось с десяток свежерасколотых поленьев. Валька присел рядом, тронул Баженова за плечо, осторожно потряс.

– Санпалыч! Что с вами?

Ему показалось, что веки начальника партии дрогнули. Валька просунул руку ему под спину и приподнял с земли.

– Тащите быстро нашатырь! – крикнул он подходившим Женьке и Косте. – В кухонной палатке на гвозде бороздовый мешок, там аптечка.

Через минуту Женька протянул ему пузырёк.

Баженов, поведя ноздрями, приоткрыл глаза.

– Ну вот и славно, вот и молодец, – приговаривал Валька, как над маленьким. Татьяна ойкнула и, сбегав к палаткам, принесла кружку воды. Баженов глотнул немного и попытался что-то сказать.

– Молчите, молчите, всё нормально, – остановил его Валька. – Сейчас Гоха свою ласточку заведёт, отвезём вас к трассе, там попутку поймаем. Всё будет путём.

Он помолчал и добавил:

– А на Улунтуе мы всё сделали, не беспокойтесь. Ничего интересного только не нашли. И порыбачить не успели.

Баженов смотрел в темнеющее небо. Там, переливаясь синеватым блеском, разгоралась звезда. Других звёзд ещё не было.

* * *

Царит над всем Хамар-Дабан,
Стремглав летим по трассе.
Мир проступает сквозь туман
В своей огромной массе.

Мир вздыбился хребтами гор
Над предбайкальской сушей.
Останови такси, шофёр! –
Дай тишину послушать.

* * *

Бессмысленны желания и рвения,
Что существуют только на словах,
Мы говорим лишь о своих делах
И потому впадаем в заблуждения.

Так, значит, всё не нужно?
И шуметь
По уходящему не стоит понапрасну?
Возможно ль
невозможное иметь
И быть несчастной?

* * *

Такие плотные туманы,
Что поглощают даже звук.
В тумане едем, как в сметане,
И руль не выпустить из рук.

А фары движутся цепочкой,
Плывут по встречной полосе,
Ты тормозишь,
Ты ставишь точки –
Две красных точки на шоссе.

* * *

Облака, как дирижабли,
Заслонили горизонт.
А дождя всё нет
Ни капли.
Зря ношу с собою зонт.

Я в нахмуренное небо
Посмотрю – кого спросить :
Будет дождь ?
А то нелепо
Просто так с зонтом ходить.

* * *

Кассовое окошко...
   платим за гаражи.
Под батареей кошка
   серенькая лежит.
Время платить налоги,
   выросшие вдвойне,
Я задолжала многим,
Должен ли кто-то мне ?

* * *

Пора! Я отдаю концы,
Отчаливая в путь немалый.
Кругом тайга, видны гольцы,
А над рекой нависли скалы.

И перехватывает дух
От красоты земного рая,
Жаль, не бывает жизнью двух,
Не лишней мне была б вторая!

А может быть, на берегу
Остаться Робинзоном Крузо?
Ах, если так я жить смогу,
То Пятницей пусть будет Муза.

* * *

В край кедров и лилового багула
Я с вертолѐта прямиком шагнула.
Под гром винтов, не говорят речей.
Но гром затих...

Едва бурлит ручей.

Шагаем вниз,

а ветви бьют бока,

Тебя не видно из-за рюкзака.

«Не отставай», – чуть слышен голос твой...

Но я шагаю не по мостовой.

Как камениста всё-таки река.

А я слаба...

Слаба пока.

* * *

Двойная радуга перечеркнула небо,
В четырнадцать пластов её цвета,
Перешагнули тучи поле хлеба,
Но капли падают с куста.

День зазвенел, настоенный на травах,
И бабочка вспорхнула над цветком...
На красоту накинуться с сачком ?
Как Человек – я не имею права.

* * *

Сезон дождей, сезон тумана
Накроет землю и леса.
Вдруг сразу понимать я стану:
Сменилась жизни полоса.

Хочу воспользоваться щедрым
Сентябрьским солнечным днем –
С осенним дуновеньем ветра,
С засохшим в раме мотыльком.

И пусть теперь в оконной раме
Пыльцой осядут два крыла,
Пусть так задумано не нами,
Я эту осень приняла.

* * *

Ночь не спешит,
                                темнит с рассветом.
Ещё часок поспать даёшь –
Ты топишь печь...   Промчалось лето.
На лист опавший сыплет дождь,
И ветер бьёт порывом в ставни,
Стих по посёлку лай собак.
Окраина,
                                здесь тихо, славно –
За домом лес, до речки шаг.
Мы рады обрести свой угол,
И мы такие не одни!
Приблудный кот в сениях мяукал.
Он сам пришёл, не прогони.

* * *

*«Май на пороге, почему зима
Мой сад по крышу снегом завалила?...»
Выборов В.И.*

Красиво листья облетают,
Красиво лето умирает,
(Я так красиво не уйду...)

Вот-вот закружатся снежинки,
И будут светлыми поминки
По летней зелени в саду.

* * *

Заиндевелое окно,
А там... деревья запорошены,
И в завершение, как в кино,
Вечерний гость ко мне непрошено.

Он стряхивает снег с пальто,
В глазах стоит вопрос: «Обиделась?»
Я с ним не виделась лет сто...
И лучше бы – совсем не виделась.

ТРОФЕЙ

Косули чёткая головка...
Смотреть в глаза её неловко,
В глазах застывших спит укор:
Мне, облакам, вершинам гор.

Охота – всё-таки убийство,
И жизнь земную загубя –
Не ощутить своё единство
С тем миром,
                что вокруг тебя.

* * *

Февральский день в заснеженном лесу,
Я лыжами в него свой след внесу.
Следы везде: вот мышка, вот лиса –
Метнулись, вдруг услышав голоса.

Тепло, а снег растаять не спешит,
Причудливыми формами грешит
На камнях, на валежинах, на пнях.
У новогодней сказки я в гостях.

Как лыжный след – след МиГа в вышине
Беззвучностью вернёт меня ко мне.
И я очнусь,
и новая лыжня
Свернёт туда, где город ждёт меня.

* * *

Лопачу снег, сгребая до забора,
Едва хватает сил его таскать.
Но оттепель зиме раскроет поры,
И снег начнёт тихонько оседать.

Каким стерильным
                                был он меж домами,
Но городской усиливался смог,
Затравленный следами и солями,
Снег чистым отстоять себя не смог.

РАССКАЗ

Ой, не пытайтесь отобрать у человека с ру-
жьём его тапки.

– Товарищ капитан, на выезд!

– Я в отпуске, – улыбнулся Костя сержантику,
даже не пуская его на порог квартиры. Командир
вчера лично путёвку в санаторий...

– Машина внизу.

А хоть в лифте! Хоть самолёт. В армии незаменим только начфин, и то
лишь потому, что в сбербанке хранится образец его подписи.

– За меня Серёга остался.

– Ему собираем по сто рублей на челюсть: погладил в ресторане чужую
жену по задку. Командир за вами...

– Я с Глебкой! – продолжал намыывать Костя защитный бруствер перед
личным, но на глазах становящимся одиночным, окопом.

Да, он с сыном. Сын – в игрушках. Жена с Маришкой в поликлинике, как
раз собирают справки для санатория. Есть, конечно, теща, но она придёт не
раньше обеда. Ничего у сержанта с командиром не получится при всём их
желании.

– Без вас, сказали, не возвращаться.

Вот кто может быть хуже тещи, так это посыльный в первый день отпуска.
Толку, что отключил мобильный. Эх, Серёга-Серёга, что ж у тебя такие блуд-
ливые руки оказались? Автомата им мало?

– Тили-бом, тили-бом, загорелся Кошкин дом. Вж-ж-ж! – примчался, уп-
равляя пожарной машинкой, Глебка. Оглядел гостя. Не увидев его превосход-
ства над отцом, спросил о взрослом, непостижимом:

– Пап, а правда, что за вторником сразу идёт сентябрь?

– Он как раз сегодня и пришёл, Глебка. Играй.

– Вж-ж-ж! Тили-бом, тили-бом!

– Там как раз школа, – услышав про 1 сентября, приоткрыл тайну срочного
вызова сержант. – В заложниках дети. Много.

Возведённый с таким старанием защитный бруствер оказался из песка:
рассыпался, похоронив отпускные тапки и санаторий.

– Ясно. Иду.

Сержант кивнул, но от развалившегося окопа не отошёл, остался охранять
открытую дверь.

Сумку с амуницией, по старинке именуемую «тревожным чемоданчиком»,
Костя вечером наивно запихнул за швейную машинку. Назад её, за шиворот!

И как же долго включается мобильник! За это время можно сшить Глебке рубашу! В коробке для пуговиц барыней лежит шоколадная конфета. «Ласточка»... Теперь жена не берёт трубку. На приёме? А теще по пробкам лучше на метле летать!

– Товарищ капитан!..

Костя помнил, что он не майор. Только что делать с сыном, который тушит «кошкин дом»? Глебка для полноты эффекта может включить и газовую конфорку и выскочить на балкон вызывать пожарные вертолёты...

– Глебка, мы мужики?

– Мы мужики, – замер тот солдатиком рядом. Скосил глаза на подглядывающего сержанта: вот так надо слушаться моего папу!

– А давай поиграем в войну? – предложил Костя сыну, торопливо перебирая на вешалке одежду. Куртка, вильнув оборвавшимся хвостиком петельки, сама соскользнула вниз...

– Давай. Я прячусь?

– Нет, сегодня ты будешь... заложником. Я сначала поеду вон с тем товарищем сержантом, уничтожу всех плохих дядек, вернусь и освобожу тебя. И вместе съедим эту конфету, – протянул Глебке «Ласточку».

Берцы просили щётки и крема, но обойдутся: судя по всему, им будет не до жиру и лоска.

– А ты мне подаришь потом скрытую камеру? – почувствовав личный интерес отца к игре, цыганом выставил условие Глебка.

– Зачем она тебе?

Ремень, кепка.

Готов.

– А я повешу её на Новый год на ёлку и увижу, как приходит Дед Мороз!

Пришедшая после обеда тёща, сглаживая вину за опоздание, засюсюкала, загукала от дверей. Тишина насторожила, и торопливо сбросив с ноги сапожок, допрыгала на ней, босой, до двери в детскую комнату. И спустилась по косяку, освобождая грудь от сдавившей кофты: в комнате на полу спал прикованный наручниками к батарее внук, покрытый, словно серебристой чешуёй, навешенными на рубашку орденами и медалями. Рядом с ним стояла миска с едой и кружка воды, из кулачка Глебки виднелась надкушенная конфета. Посреди комнаты лежала записка с ключиком от наручников, но сил хватило только дотянуться до телефона, нажать на ноль и двойку, а потом и тройку.

– Лишить родительских прав и посадить! – явившаяся сразу за милицией чиновница из управы взмахнула руками, фокусником выпуская из-под широких рукавов кардигана стайку журналистов. Те, словно клювиками, защёлкали фотоаппаратами. Глебка, звеня медалями, молотил в воздухе ногами, отбиваясь от милиционера-ключника:

– Меня папа спасёт. Уходите все.

– Вот оно, воспитание. Вот оно, – тёща призывала всех в свидетели, указывая и на прибиту к стене соску. – Это он так отучает от неё дочь. Ещё вымерял расстояние до рта, чтобы не на вырост! Солдафон!

Старший милицейского наряда словно услышал слишком знакомое слово из уст собственной тещи. Набычился, и стоявший рядом лейтенант замахал руками – кыш-кыш, пошли-пошли все вон. Ни тёща, ни чиновница в посто-

ронних оказаться не желали, но лейтенант грудью и распахнутыми руками, как ковшем бульдозера, выгреб всех в узкий дверной проём.

Оставшийся в комнате старший лейтенант подмигнул заложнику, лёг рядом на пол, голова к голове.

– Привет, боец.

– Привет.

– Мне нравятся твои награды.

– Это дедушкины, который жил ещё за одним дедушкой.

– Прадедушка.

– А это от такой же бабушки, – выставил Глеб левое плечо, на котором выше боевых прадедовых красовалась медаль «Мать-героиня».

– У тебя достойное прошлое, брат, – постарался сдержать улыбку старший лейтенант. Протянул для знакомства руку. Глеб пожал её своей свободной. Уловив доверительность, милиционер подтянулся к батарее, сел, прислонившись к ней спиной.

– У меня тоже будут награды! – заверил Глебка, усаживаясь рядом.

– Даже не сомневаюсь, – грустно согласился милиционер, предугадывая будущее парня: на чьих коленях сидим в детстве, те и становятся примером. Заглянувшему в комнату маленькому старичку в синей медицинской униформе махнул рукой – здесь не по вашей части. Попробовал вызвать «террориста» по телефону, чтобы прояснить ситуацию из первых уст, но бесполезно опустил руку. – Вот только где может быть твой папка, брат?

Костя лежал в какой-то вонючей канаве, упираясь затылком в рваный край трубы. Из неё сочилась, стекая за шиворот, вода. И хотя есть на войне железное правило: где укрылся от стрельбы, там и замри, пока живётся, падающие за шиворот капли были столь неприятны, что Костя всё же повёл головой, осторожно огибая трубу. Оказавшаяся ржавой и тухлой вода стала кап-кап-капать на грудь, разбиваясь о бронежилет и брызгая на лицо, но это всё равно показалось менее противным, чем стекающая струйка за шиворот.

Теперь можно отдышаться и сосредоточиться. Враг смотрит через прицел на то место, где ты упал, а ты любишься небом. Нынче оно от жары белёсое, словно вылинявшая десантная тельняшка. Себе тоже пора покупать новую...

Кап-кап... Вода, словно метроном, задаёт ритм на движение. Под школьную ограду. Там попытаться сделать подкоп или быть готовым перемахнуть через верх. Всё это для худшего развития событий – штурм школы, когда каждая секунда будет стоять чьих-то жизней.

Кап-кап-кап...

Поджав, для их же спасения, пальцы в ботинке, Костя приподнял над канавкой его носок. Пошевелил ногой, привлекая внимание стрелка. Или со стороны боевиков это был просто беспокоящий огонь, и никто тебя на мушке не держит? Террористов в школе человек тридцать, им, конечно, не закрыть периметр всего здания. Но вдруг здесь посажен снайпер? Когда продырявит голову, результат гадания объявлять, к сожалению, будет некому. Лучше потренироваться на ноге, их, в отличие от головы, хотя бы две...

Тишина. Если не слышать стоны людей, собравшихся вокруг школы. А на дереве, почти над головой, висит вырвавшийся из плена, но зацепившийся за ветку праздничный воздушный шарик. Ему, как и трагедии, третий день. На

солнце никнет, воздух, словно жизнь, уходит и из него. Что же дети в такой жаре и тесноте спортзала? Представить страшно, что там могли бы оказаться Глебка и Маришка. Уже за один этот страх перегрызёт плотку всем, кто окажется на его пути. Крошить, крошить в капусту зверьё. Волки боятся только волкодавов. И он им станет.

Костя вывел голову из-под трубы, перевернулся на живот, невольно пеленуя себя болотной жижей. Хотел получить целебные грязи в санатории? Пожалуйста, бесплатно. До забора метров двадцать открытого пространства, всего несколько прыжков. Но путь этот потребует именно проползти, и не кап-кап-кап-кап-кап-быстро, а как можно медленнее и незаметнее. Это в мирное время бегущий по улице офицер вызывает улыбку, но во время войны – уже панику. А её нельзя допустить ни при каких обстоятельствах, при ней террористы начнут расправляться с теми, кто у них в руках. Поэтому – никто не собирается никого штурмовать. Всем сохранять спокойствие. Только переговоры и ничего кроме них. А если кто и увидит ползущего бойца, пусть улыбнётся, насаживая цель на крючок: медленный враг угрозы не представляет.

Так что Косте, даже обречённому, остаётся только ползти, выбирая расстояние до ограды. Правда, командир обещал отвлекать в это время террористов переговорной активностью...

Ну что ж, первый пошёл!

Выполз.

Выстрела не прозвучало, зато какая-то тварь тут же села Косте на шею. Защекотала, но рукой не шевельнуть выше мизинца, не отогнать. Спина загорелась от жгучего солнца и ожидания выстрела. Самое паскудное, что он раздается, ему некуда деться: пуля для того и льётся, чтобы останавливать всё, что движется. Хотя Костя не движется, он миллиметрами подтягивает себя к забору. Тот ещё не виден, взгляд перекрывают сухие травинки и капли пота на ресницах. Но и головой не трясти, дозволено лишь отморгаться. Как там шар на дереве, держится? Держись, дорогой, не сдувайся. И не улетай. В небе и так сейчас тесно от собравшихся ангелов. Интересно, они хоть раз соберутся в небесное воинство, чтобы всей белой ратью налететь на врага? Или эта работа на земле оставлена ему, Косте, а сверху налетает только вороньё?

– Кар!

Накаркал. Никуда стервятники не делись. А от земли идёт, не переставая ни на мгновение, стон. Не случилось в истории большей подлости взрослых по отношению к детям. Ворваться во двор во время школьной линейки, расстрелять на глазах у ребятишек их отцов, запереть всех в спортзал при тридцатиградусной жаре без воды и света. Резать гадов на куски...

Так, замереть. Отморгаться. Успокоиться. Отвлечься. Иначе эмоции сорвут нервы и заставят бежать. Какая же сволочь залезла под воротник? Прижать шеей, раздавить о «броник».

– Кар-кар.

Вместо «кап-кап» ритм теперь задаёт вороньё. Прекрасная смена декораций. Но вода, хоть и ржавая – это жизнь. Что означает карканье, известно из детских сказок. Тем более, и там, куда ползёт Костя, его ждёт не свадьба. Отряд рассредоточился напротив всех возможных участков прорыва, Косте, как небожителю, командир «нарезал» самый дальний угол здания. Задача известная: пока остальные нагнетают обстановку на главных направлениях, ему

проскочить школьные коридоры и ворваться в спортзал. И уже там, вызывая огонь на себя, не дать боевикам подорвать бомбу, подвешенную к баскетбольному кольцу.

Всё, вперёд.

Кар-кар-кар...

Нет-нет, не в таком темпе, желательно хотя бы через раз. К тому же за тополиным листком, надкушенным гусеницей, начинает крепостью возноситься кирпичная кладка забора. Неужели дадут доползти? Или нажмут на курок на последнем сантиметре? Давным-давно, определяя Костю в группу захвата, командир подчеркнул:

– Эта должность, товарищ лейтенант, имеет дополнительное звание – небожитель. При любом раскладе ты уже в раю, потому что при освобождении людей тебе идти на пули первому.

Только бы она не в позвоночник...

Костя замер. Умер. Он не спецназовец, не небожитель. Он – истлевшая куча листьев. Бугор земли. Коряга. Боевикам ничего не угрожает. Ни-че-го! Как нелепо пошутили они с Глебкой по поводу заложников...

Додавив «броником» жука, вытянул освободившуюся шею к забору, подтянул тело. Колено обожгло резкой длинной болью. Стекло? Заживает долго... Ещё... Ещё... Легко, спокойно, размеренно. А запах пошёл такой, будто попал в стадо баранов. И расстояния осталось на один рывок. Всего лишь подтянуть коленку, создать упор. Нет, лучше левую. В правой боль: стекло, скорее всего, бутылочное. У них со стрелком будет не более двух секунд на двоих. Кто кого? Нырнуть рыбкой или вильнуть ласточкой...

Лежать!!!

– Лежать, я сказал, – прошептал Костя, стараясь отвести нос от бараньего гороха, покрывшего землю до самого забора.

Надо, надо полежать. Задача не менялась – не вызвать паники и раздражения бандитов. Как ты там, красный шар? Держишься? Вот и мы держимся. И начинаем скольжение. Если упираться в землю носками, то можно продвигаться на целую горсть гороха. Но что же ты, гад, не стреляешь? Не может быть, чтобы не прикрыли самый дальний угол. И что вороны смолкли? Ждут развязки? Конечно, им сверху ситуация виднее. А жук оказался живучим, продолжает ползть под «броником». Тут бы себя вытащить, а некоторые хотят на чужом горбу, в прямом и переносном. Но потом умирать ему, проткнутому шомполом, на самом медленном огне. Или смиловиться? Как бы то ни было, под одним прицелом ползут. А на месте стрелка он бы уже скидывал автомат, если хочет успеть...

Успел!

Очередь прозвучала короткая, уверенная. Расстрельная, потому что в упор.

Единственное – не из здания, а внутри него. Плохо. Значит, боевики расстреляли ещё кого-то. Могли это сделать назло командиру, который тянет с уступками, давая Косте время доползти до стены. Лишь бы не зря, лишь бы успеть к бомбе.

Но голова, голова уже в тени забора. Неужели проскочит? Теперь аккуратно занести себя к ограде. Боком, чтобы поглубже уложить тело вдоль кладки. Кирпич красный, в щербинах, сколах. Всё! Стрелка не было. Но кто знал! Можно махнуть рукой: наверняка кто-то из своих наблюдал за ним в би-

нокль и докладывал командиру о перемещении. А теперь жука из-за шивороты на божий свет – и со всей пролетарской злостью и ненавистью размазать об этот самый спасительный кирпич! Или на волю, раз обещал?

Костя с удовольствием хлопнул себя по перегревшемуся загривку, растёр его и обмяк в бессильной усмешке – под пальцами оказался хвостик оборванной петельки от вешалки. О-о! Лучше бы жук! Сколько крови попил.

И самому бы литра два-три-четыре холодной воды. Как дети без неё трети сутки? Ангелы-ангелы, если не можете собраться в войско и облачиться в доспехи, пошлите хотя бы дождик со своих владений. Завтра будет поздно...

А на подкоп надеяться нечего. И стальные прутья ограды над кладкой не разогнуть. Остаётся прыжок через верх. Куда дальше?

В ближайшем окне стёкла выбиты – это плюс. Рамы в окнах узкие – минус, придётся выносить их плечом. В глубине класса на одном гвозде нервно болтается плакат. Какой класс? План школы, нарисованный местными жителями, Костя держал в памяти, и пришлось вывернуть шею, чтобы прочитать название схемы: «Нормы оценки знаний, умений и навыков по русскому языку». Всё правильно, класс русского языка и литературы. Выше контуженного плаката висели иконами портреты писателей, и здесь тоже не обошлось без потерь: Пушкин был убит выстрелом в голову, Толстого прошла автоматная очередь наискосок по груди, Гоголю оторвало плечо. А он, наивный, выставил носок ботинка.

Но теперь ждать. Должны же договориться, должны же хоть куриные мозги остаться у этих нелюдей, чтобы не трогать детей.

Не остались.

Взрыв взметнул крышу спортзала, в ту же секунду Костя взлетел над оградой. Проломил плечом раму с торчавшими осколками стекла. Что-то пошло не так, как хотелось бы, его бросок не стал главным, и теперь ему приходилось нестись по коридорам, полным дыма и битого стекла, в стрельбу и крики – спасти хотя бы кого-нибудь!

Первой под ногами оказалась скрюченная фигурка девочки. Подхватив её на руки и закрыв собой, Костя бросился к выходу, в котором среди детей мелькали инопланетянами-гулливерами бойцы их отряда. С крыши падали горящие доски, от одной Костя едва увернулся, став в пролёт двери на кухню. То ли показалось, то ли это было на самом деле, но из-под приподнявшейся крышки поварского котла на него глянули детские глаза. Это могло почудиться, скорее всего, так и было, но на котёл упали головешки, придавив крышку.

Девочка на руках застонала, и больше не раздумывая, Костя побежал сквозь огонь дальше.

– Мам, больно! – вскрикнул Глебка, когда она нажала пальцами, закрывая ему глаза. Вырвался, сел смотреть телевизор на полу.

В кино тоже показывали горящую школу, из которой солдаты выносили раздетых, окровавленных детей. К ним бежали кричащие люди, вокруг шла стрельба, и Глебке стало страшновато: там всё казалось взаправду. На всякий случай вытащил из игрушек все танки и бронетранспортёры, выставил полукругом перед телевизором – поддержать своих. Оглянулся на маму: я правильно сделал?

– Он там, наш папка там, – показывала та на экран, и Глеб с надеждой посмотрел на свою армию, готовую спасти любого, а уж папку – в первую очередь. Может, рубашку с дедушкиными наградами для боя надеть успеет?

Из кухни прибежала с церковной свечой бабушка. За ней, взвизгивая от каких-то своих детских восторгов, прискакала с ложкой Маришка. Увидела соску на стене, припала к ней. Но стоять, уткнувшись в стену, показалось неинтересным, и она, заложив для разворота вираж, побежала обратно к оставленной еде.

– Он там, там. Он обязательно будет там, – обессилено шептала мама, не отрываясь от экрана.

Бабушка виновато закивала, поставила около телевизора стакан с пшеном, воткнула в него свечу, подожгла. Огонёк заслонил половину экрана, смешался с пламенем внутри школы. Глебка хотел бежать за своей пожарной машинкой, которой он запросто тушит кошкин дом, но в этот момент увидел в кино папу, который нёс на руках худую девочку.

– Папа! – закричал радостно Глебка. Его папа в телевизоре! – Маришка, быстрее – тут папа!

Мама тоже увидела его, бросилась к экрану. Пламя на свече от порыва воздуха пригнулось, сил обратно распрямиться ему не хватило, и оно свернулось в яркую точку на фитильке. Изображение размыла бело-синяя струйка дыма. И хотя они вдвоём принялись разгонять завесу, лицо папы оказалось закопчено. Он поминутно оглядывался, словно оставил кого-то в пожаре, и едва у него перехватили девочку, посмотрел из телевизора на Глебку и ринулся обратно в клубящееся месиво из чёрно-белого дыма и красного огня. Он не гас, как у свечи, а едва отец скрылся в школе, сверху рухнула балка, подняв от восторга миллион огненных брызг. Мама, только что державшая Глеба, вдруг обмякла и рухнула на пол, разметав боевой танковый порядок.

– Бабушка! – закричал Глебка, теперь уже сам закрывая глаза от страха.

Рухнувшая балка зацепила, сбила Костю с ног, заставив упасть грудью на битое стекло. В спортзале продолжались крики, но он, подхватившись, хромая, нырнул в столовую, к котлам. Обжигая руки, принялся прикладом автомата сбрасывать с крышки горящие доски. И в этот момент раздалась, наконец, так долго ожидаемая очередь. В спину.

Бронежилет уподобился наковальне, по которой ударило сразу несколько молотов, левая рука словно оторвалась, хотя Костя видел её при себе. Стены закачались, и чтобы не потерять сознание до того, как удастся поднять крышку, Костя застонал в голос. Для одной руки стальной поварской кругляш оказалась слишком тяжёлым, но он поддел его плечом. Поднял, как Геракл, на ней отражение горящей крыши, а заодно и само небо с его ангелами. Как он просил у них дождя! А из темноты пышущей жаром преисподней, вместившейся в котле, на него смотрели угасающие, еле открывшиеся глаза пацанёнка. Едва различая его в пелене несознания, Костя прошептал:

– Вылезай.

Мальчик не пошевелился. У него не осталось сил даже шевелиться, он уже сдался жаре, огню и стрельбе. Он устал бороться за жизнь, потому что если маленькому выпадают такие страдания, что может ждать впереди? Глаза закрываются легче, чем открываются. Хорошо, что не в темноте... Косте при-

шлось стать ещё раз Гераклом, чтобы отбросить крышку. Она упёрлась в горящую балку, но держалась самостоятельно, и Костя потянулся за мальчиком. Пальцам оказалось не за что ухватиться на голых плечах, и тогда он сам перевалился внутрь котла. Раненая рука не захотела остаться за бортом, потянулась за хозяином следом, при этом заполняя болью всё малое пространство в жарком котле. Места в нём и для одного пацана было мало, и Костя вытолкал оставшимся в живых плечом мальчика наружу.

На себя сил осталось еле-еле. Тянула вниз стотонная «оторванная» рука, но даже её удалось подтянуть к груди. Оставалось набрать воздуха, чтобы разогнуть горящую от синяков после автоматной очереди спину, но в этот момент сверху рухнула ещё одна балка. Она легко, словно битой при игре в городки, сбила крышку, та опустилась на приподнимавшегося спецназовца, замуровав на земле и Костю, и его душу, так и не ставших небожителями.

...К вечеру над школой пошёл дождь. Не ситничком, не в крапинку – обрушился сплошным потоком, заливая не то что огонь, а даже искры, красными тараканами попрятавшиеся в расщелинах головешек. А заодно смывая и последние земные следы погибших ребятишек.

Милиционеры, кутаясь в плащ-накидки, старались до темноты опоясать бело-красной строительной лентой место трагедии – утром искать сапёрам и следователям неразорвавшиеся боеприпасы и улики. Любопытных не было, вокруг школы бродили лишь чёрные седые тени, оставшиеся от обезумевших людей. Но даже среди этих раскачивающихся в такт своему горю теней выделялась фигурка мальчика, осторожно приближающегося к школе. Идущий следом отец раз за разом останавливал сына за плечи, но мальчика это только убеждало в наличии надёжной защиты, и он делал новые шаги к зловещему распластавшемуся чудищу с пустыми глазницами.

– Не надо, Азаматик. Пойдём домой, родной, – просил отец.

Врачи говорили, психологи предупреждали, сам понимал, что нельзя мальчику даже косвенными признаками напоминать о потрясении, после которого он перестал говорить. Завтра его отправят в клинику в Москву, но сегодня весь вечер Азамат вырывался на улицу, тянул в сторону школы.

– Стойте, стойте. Туда нельзя, – остановил их промокший постовой, вышедший из-под дерева. На нём, продолжая напоминать о бывшем празднике-трагедии, болтался сдувшийся красный шарик.

– Сын там был. Тянет весь вечер что-то показать, – развёл руками перед охранником отец: понимаю, что нельзя. Но ради сына он теперь готов сделать всё.

Охранник, оглядев мальчика и представив, сколько на его судьбу выпало жизней, вздохнул, погладил его по голове. Посмотрел по сторонам, убеждаясь в отсутствии начальства, первым шагнул в пахнущую мокрой золой и тротилом школу:

– Только со мной. И осторожнее. Куда он хочет?

Мальчик, со страхом оглядывая плачущие чёрными подтёками стены, показал сначала на столовую, а там – на огромный котёл с некогда красной, а теперь почерневшей от огня и дыма надписью на круглом лбу: «1-е блюдо».

– Ты там прятался? Внутри? – понял отец.

Мальчик закивал головой, но пальчиком продолжал тыкать на крышку, заваленную брёвнами. Отец с милиционером сдвинули их, приподняли крышку

и тут же торопливо отбросили её в сторону: внутри котла лежал окровавленный спецназовец, и с первого взгляда было не понять, живой он или мёртвый...

...Маленький старый врач скорой помощи сидел у постели молодой матери до тех пор, пока та не забылась пусть и в тревожном, но сне. Кивнул замершей рядом женщине, позавчера вызывавшей их бригаду для себя и прикованного наручниками к батарее внуку: пусть поспит. Осторожно собрал свой «тревожный чемоданчик». Огляделся вокруг, словно не досчитавшись присутствующих, поинтересовался шёпотом:

– А где ваш аника-воин?

Ему кивнули на детскую комнату.

Глебка, чтобы быть выше, стоял на порожке балкона, в одной руке сжимая санитарную машинку, а второй протягивая в сторону далёкой звезды шоколадную конфету:

– Это тебе, папа. Возьми. Я её только немного надкусил. Только хвостик. Но она ведь долетит до тебя, правда? Возьми. И не волнуйся, меня спас другой дядя. Но ты всё равно вернись обратно.

Татьяна Ясникова

БУДЬ, КАК ВЕТЕР...

Нет направлений дорог.
 Всюду уже я была.
 Кружится, кружится плавно челнок,
 Кружатся солнце и мгла.
 Равного небу равней
 Я выхожу из дверей.
 Кружатся солнце и мгла,
 Листья и солнце, и мгла.
 Откроется дверь – ветер подул.
 Закроется дверь – ветер подул.
 Тихо скрипит и поёт
 Неведенью без конца.
 Неведенью без конца.

Апрель 2013

* * *

Что несёт весна, что несёт сосна,
 Белый жизни свет, синий жизни свет,
 Новой жизни свет.
 Ну, а где же вы, что ж отзыва нет?
 Где же ты, весна, где же ты, сосна,
 Белый жизни свет, синий жизни свет,
 Новой жизни свет?

30.03.13

* * *

Позолотило верхушки, и почки набухли.
 Глаза перелётными птицами небо следят.
 О, ни за что не вернутся они к перепутью.
 Выбрали небо – а что им ещё выбирать...

Севший на землю угод, на траву ледяную,
 Плавным паденьем заставил глаза опустить.
 Берегом в холоде вечера рядом иду я,
 Как оказалось, что с птицею нам по пути...

27.04.12

В ХОЛОДА

В насторожённой мгlistой тишине
Прислушиваюсь к хаосу немому.
В такие холода по всей земле
Не лучше ли в тепле остаться дома!

Уже и не случится ничего.
Случилось всё и в поле перепрело,
Отчаялось, смутилось, прогорело.

И стало пищей для иных умов.
Для сердца – кровью, для души – дыханьем.
Другие не отдали б городов,
А мы – пустот, грозящих мирозданию.

Наверное, ответит кто-нибудь
За холода, руины и воронки.
О, сколь же наше достоянье тонко –
Есть призрак, по которому вздохнуть...

18.03.13

В АЭРОПОРТУ

Домой поедem мы завтрашним утром.
Хочу у неба спросить про свой путь.
Пускай наступят такие минуты,
Когда б легко и свободно вздохнуть.

Судьбы не ждут позабытые люди.
Они выходят в простор без границ.
Что позади – это всё то, что будет.
Мороз и солнце, и пение птиц.

Дорога ль будет домой по камням?
Дорога ль будет домой о войне?
О, нет, высокого ветра течение
Помчит по облачно-белой стране.

Дела устроены лучшим порядком.
Но лики пялятся низкого зла.
Топчи, и будет на сердце так сладко,
Как словно слышишь святые слова.

5.03.13

* * *

В городе одноэтажных домов,
Снега и грязи снежной
К тебе такая моя любовь,
Что у тебя такая же неизбежно.

Такой мне сон приснился в Паттайе,
Думая о тебе, тебя я знаю.
Знаю, что скоро тебя увижу,
Ты уже стар, и снег на крышах.
Там где цветы не отцветают,
Пена песчинки смывает морская,
Ты мне приснился, и мы шли рядом,
И даже если встречались взглядом,
Не было снега и холода снежного,
Не было даже вполне неизбежного
Расставания.

Длилось и длилось другое время.
Кончился сон, и цветы на деревьях,
Пунцовые крупные и золотые,
Память мою навсегда изменили.
Память мою неспроста разбудили
О – царстве льда,
Синего снега и грязи, и холода.

7.03.13

БУДДА НА ЗАКАТЕ

Увидишь в небе кресты
Невозвратных.
Они строги и не дарят покой.
Они дорогу напомним в закаты,
Что оборвётся над бездной земной.

Восток даёт круговое движение,
И мягкость черт завершает цветок.
Но жар и холод ничто не заменит,
Всему простой человеческий срок.

20.03.13

Здесь, у печки, в которой гудели дрова,
Донося недр и пашен слова,
Я Сибирью одной согревалась,
За порог я к ней собиралась.
Шива? Север? Берлога? Но ясно одно:
Было столько пространства дано
В искупление инаких грехов
Первородных стихий и богов...

Я закутаюсь в тёплый платок
И ступлю в холода за порог.

ПОВТОРИМО

Всё слишком узнаваемо, гляжу.
Булыжный камень рядом положу.
Не этим временам принадлежит.
Да и рука как будто не дрожит.

Я помню дождь, так вот он, рядом, дождь.
Он был – он так на прошлое похож.
Я будущее знаю наперёд.
Дождь завтра с новой свежестью пойдёт.

Но ты, живущий на земле лишь раз,
Похож на сотни маленьких проказ.
Времён забывшихся и тягостных итог,
Поступками и мыслью недалёк.

И я ничем не стану рисковать
И камень приготовленный бросать.
Как вечность, он таинствен и тяжёл.
Для вечности спасён от многих зол.

Но не спасётся от того, кто раз
Живёт в бреду для множества проказ.
Измелет горный камень он в песок,
Чтоб отодвинуть смерть хоть на часок.

06.04.13

НА РУСИ

На гуденье туманного колокола,
Водно певшего в ржавый затон,
Шла незримо дорога упорная,
Целовавшая меру и тон.

«Быть без будущего помощи,
Отведи нас в другие страны», –
Грубоделанные сапоги
Вверх кивали дороге румяной.

А пути повились повиликой
И вьюнами у розовых троп.
Тишиной окрылась многоликой,
В тупике возносился столп.

Беспощадно глубокое облако
Всех опутывало дождём.
«Мы какие-то все кособокие.
Ничего, как-нибудь проживём»

* * *

Дымы над городом вставали.
Час ликования катил.
Помимо страхов и печали
Он неразъят и звучен был.

И кто за жизнь свою боролся,
Изнемогая каждым днём,
Услышал тот далёкий голос
В вечернем небе голубом.

Вдруг стало медленно и тихо,
Как пред вступленьем божества.
Готовился блестящий выход
В глубокой тайне торжества.

Секунды быстрые вращались,
Предупреждая каждый миг.
И совершенство открывало
Туманной бездне чистый лик.

* * *

Мне стали любые смыслы доступны.
До смыслов рукой мне подать.
И умер мой Бог, чтоб затем неотступно
На небе сиять.

Что Он мне оставил? Катушку без правил
В четыре любых стороны.
Юлу, что кружится задорно и плавно
На сорок четыре страны.

И я поклоняюсь, к чему прислоняюсь;
К катушке, юле и огню.
И жду, когда тоже вот так воссияюсь
На целую вечность мою.

В чём смысл – спросите. А мыслью кружите.
И занавес тонкого дня
Откроется лёгкий в пустую обитель.
Там снова спросите меня.

* * *

Целый день лимонные листья,
На мокром клёне лимонные листья
Сказочно лёгкие. Пойду и потрогаю
Сказочно лёгкие лимонные листья
На мокром клёне.
Вечером в серых сумерках
Колокол звонит.

Октябрь 2011

* * *

Это было такое время. Книгу закрою – время:
Ни боли, ни страха.
Листьями гербария – лица фотографий.
Светом были, отпечатываясь на бумаге.
Открою, и забелеет, как небо.
Это было не здесь и сейчас – это там, там, там,
Где ход природ готовит новое явление
Оживших воспоминаний – рождение детей.

* * *

Творец, потоком вихрей управляя,
Остановить затейный бег хотел.
И, наконец, гармония живая
Покончила с вознёй несносных дел.

Обозревая то, что есть прекрасно,
Он сладко на века веков уснул.
И сон Его хранил моря и пашни,
В глубинах сна был скован бунта гул.

И так – к покою человек стремится,
Чтобы забвением или глубоким сном
Объять века, пространства и страницы,
Которые есть мир и тоже сон.

Так я, глаза закрыв, сижу и вижу
То, что безмолвно может взять рука,
И что в своём терпенье неподвижном
Переживает время и века.

* * *

Со мной все статуи классического мира.
Они следят сквозь окна лунный блик.
Они под дождик листьев говорливый
Лелеют мой классический язык.

Когда оторваны их головы и ноги,
То это всё равно, ведь мрамор ровно чист.
В одном строю – герои, музы, боги,
Недавних войн гражданственный горнист.

Я средь людей иду и, холодея,
Гляжу, как я им равно далека.
Их свистом ветра жжёт Гиперборея,
Их санный путь – замёрзшая река.

Но этого им явно не хватает.
Они горды, и трудно их понять.
Им статуи подобные в Италии,
И в Лувре проще статую обнять.

Со мной все статуи классического мира.
Когда настигнет ночь, то мрамор их –
Язык особый синего эфира,
На строфы не разъятый белый стих.

Их покоряет бег времён кровавых.
Их потрясает быстрый свод небес.
Они бестрепетны в сплошном потоке славы.
Любой птенец на плечи может сесть.

Весь человеческий хлам с мольбой к ним подступает,
Но в чём нуждается, то словно чуждо им.
Аврора утром камень освещает
И красоте возносит алый гимн.

* * *

Я охватила голову свою:
Здесь дом и пашня, космос и Россия.
И в ней ни звука. Тишину мою
Пока что ни о чём и не спросили.

БАЙОН

То было утро, его ощутила как вечер.
Башня Байона толпам улыбалась, что звук,
Льющийся тонким потоком на статуи плечи
И заполняющий все водоёмы вокруг.

Головы всем улыбались, едва выступая из камня.
Грань между ночью недвижимой, движением дня
Всё не стиралась, хотя и была под ногами,
Тысячелетье вибрацию утра храня.

Наги, слоны, обезьяны снова не спешили.
Сурьяварман с колесницы закатом сошёл.
Кровь его ран и цветы, и пути поглотили.
Жители мест волновались полночи ещё.

Я здесь никем не была, быть никем не хотела.
Ибо могла быть я всем здесь; идти и стоять...
Будто и тело, что камень, и камень из тела,
И неизбежность начал не хочу подвигать.

КЕНТАВР А. БУРДЕЛЯ

Чем дорог нам кентавр?
А тем мечтаем быть.
Нам человеческий облик незанятен.
Умчаться в дым литавр,
И в тот свободный мир,
Где спит вооружённый неприятель.

Во сне он туки жира сторожит,
Во сне сражается отважно и искусно...
Но всё равно – он спит себе да спит,
Гуляй, кентавр, – в лесу осеннем грустном.

Атлантика и волн чистота,
Монтаж кино, художник у холста –
Руками я ощупываю явь –
Кентавра одичавшего ваяю,
Я жизнь себе совсем не представляю –
Той жизни своё сердце не отдав...

* * *

Люди, как листья,
Словом гонимы, шёпотом ветра.
Искателей истин сильнее других
Ветер сбивает.
Напитанный кровью,
К оку прозренья
Льнёт он с закатом.
Льнёт он с рассветом.

* * *

Своему я пути отдана.
Я сама очень много открыла.
Мне подходит такая страна,
Где б судьба обо мне позабыла.

Это Азия, или Европа –
Я так много прошла,
Больше, чем я была,
Не признают во мне никого-то...

Вдруг увидела: ты –
И забыла идти,
И застыла бессильно на месте.
Станут шире открытые солнцу пути
Коль идти

по ним вместе...

А не дым ли, не дым
Стелет горькою мглой?
Равносильны горенье и воды.
И в пространстве нездешнем
Кристалл ледяной
Отражает надмирные годы...
Сквозь крупинки дождя –
Белый свет пустырей,
Площадей, неизменно безмолвных.

Я ли так понимаю ушедших людей,
Принимая их просьбы дословно?

Много ль надо при жизни, но меньше – потом.
Слабый луч, слабый свет, робкий шёпот.
Что же в нём, что же в нём, что же в нём?
То ли Азия, то ли Европа –
Колесо, или логики глянувший путь:
«Ты меня не забудь, ты меня не забудь».
Кто же ты? Оглянусь: никого-то...

Своему я пути отдана,
Так давно я одна, что уже не одна,
А ведёт меня ровно дорога,
На которой идущих немного.
И пока ею я проходила,
О себе далеко я забыла.
Пусть травинки слагают слова,
Те, что ветер доносит едва.

* * *

Зарницы пляшут смутные светил
В полёте над волнующей Землёю.
Вдруг ветер створки августа открыл –
И замер на карнизе звук мерил,
Столь лёгкий, что сквозил он немотою.

Из дел людских найдётся ли процент,
Который нечто истинное значит.
Разряжен воздух в перемене сцен
Обманчивостью в плане декораций...

Не собирает август урожай
На бело-голубых страницах текста.
Так заверни в его листы кинжал,
Ведь Карфаген разрушен повсеместно.

Похорони на небе за серпом,
Рыдая музыкой о ложном миновавшем.
Один, один – всё истинное в том, –
В прозрачном месяце, за тучами пропавшем.

* * *

Солнце восходит над чёрной отеческой грязью.
В двери узилищ ведёт ослеплённый народ.
Пасквилей серых завьюжено плотною вязью,
Жёлтый съедает бисквит, голубой бутерброд.

Следом луна заглянула на летние голые плечи.
Во тьмах сиреней цветёт необъятный букет.
Звоном в кустарники вдруг покатилося колечко
С чьей-то руки золотиться Вселенной в ответ.

В НАШЕЙ СТРАНЕ

Я делаю то и это, и снова то.
Не надо прошлого, будущего, ничего.
Это мгновение так широко,
Что мне всё равно:
                        равноудалено,
                        равноприближено.
До какой степени всё равно,
Что от «всё равно» взрывает?
Вы говорите мне одно,
Но я и другое знаю.
Ширится время, растут континенты.
Былинка сохнет или цветёт – всё равно.
Я делаю то и это, и снова то и это,
И понимаю: власть тьмы, мне всё равно.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Весною в Государственном архиве
Все рукописи важно говорливы.
Вот титулярные советники, вот вдовы,
Царизма потерявшие оковы.
Они проходят бледной вязью букв,
Стремительно весенней и лиловой.
И пропадают в шелесте бывшего,
Как чашки на пол, уронив испуг.
Я выхожу и вижу зимний дом,
Они до текстов проживали в нём,
И лиственница вязью узловатой
Над крышей распростёрлась осповатой.
Поющее весеннее тепло
Окошек нежит думное чело.
Исчезнет явь – архивы за неё.

* * *

Воздух носился, планету стократ обтекая.
Ветер вращался, и вихри несли облака.
Снизу туман поднимался, все формы земли отражая,
И нисходил, отражая все формы стократ.

Это сказали мне небо и дальние сосны
В силу того, что я вижу великих числом.
Не задавала при том никому я вопросов,
С предками мы пиروвали за старым кедровым столом.

28.03.13

* * *

Ещё немного на часиках времени,
Ещё недвижим всемирный покой.
Ещё не смят циферблат предоверенный
Нерукотворной нездешней рукой.

И, даже вывернут весь наизнанку,
Не прекратится сияющий свет.
Колеблет в тёмной душе спозаранку
Он снисхождение, которого нет.

«Прости» – что значит? Ведь то заклинанье.
Дрожит серебряная вода.
И тихо смотрится то мирозданье,
Что разорвёт на ответ «никогда».

Хаос начнётся, попадают глыбы
Галактик дальних и ближней луны.
И вот, помалкиваем, словно рыбы,
Иные спят, а иные больны.

20.04.13

* * *

То, как Малх написал про Плотина,
Я в расселине гор прочитаю.
Дремлет выше пустая поскотина,
Сбруя свалена у сарая.

Этот дар от крестьянского сына,
Эта книга, седая в веках,
От ушедших дорогой единой
Мне досталась в сибирских горах.

Он беседовал с Оригеном,
Ну, и что теперь тот Ориген...
Малх записывал неизменно,
А слова крепче камня стен.

В синем воздухе времени скрыты,
Оттого-то и воздух твердь.
Я закрою страницы книги,
Чтобы в небо познания смотреть...

Язык ручья – посланца гор –
Бежит по отмели Байкала.
Стоит гора волнам в упор,
Что влагу чаще отдавала.
Дала молчание своё,
Волнуя глубину её.

Утра и дни, и вечера –
Всё уносила Ангара,
Что в блеске солнца истекала.
Мечтается вершинам сласть
Разбиться и навек пропасть
В сиянии бездонном...

На охране тоннеля
Сибирский стрелок-часовой.
Как двенадцать часов,
Он замкнул всё пространство собой.
На штыке его капля росы – один миг.
Здесь в горах не стреляли,
он к этому сильно привык.
Его час разрастается в целое небо земли.
Так вздохнуть глубоко даже б кедры никак не смогли.
Каплет током с горы напряжённый сталистый ручей.
А багульник, он здесь государствен,
Доступен лишь взгляду очей.
За черту не шагнуть,
и травинки здесь строго глядят,
Будто рота ответственных самых солдат.
Ночью звёзды погоням.
Ночь тоже тоннель стережёт.
Утром с маковым звоном
Во тьму на токах уползёт.
В самом деле – здесь время всё мимо и мимо летит.
А жерло карабина на звёзды глядит и глядит.
И не полнится сердце солдата тоской.
Его час – его час, и его он уносит с собой.

ПОСЕЩЕНИЕ СЕЛА

Красное солнце садится
В пыль и туманы дорог.
Надо домой торопиться.
Край до былинки продрог.

Тысячами крестьяне
Полям озябшим ушли.
Вешнею свежестью тянет.
Запахом чёрной земли.

Солнце вспоминает
Жёлтое пламя пшениц,
Красное русское знамя
И полыханье зарниц.

Красное солнце земное
Клонится к лону полей.
Нету тепла, и не стоит
Загадывать рай на земле.

Сидишь, обхватив руками
Буйную голову враз.
Месяц висит над стогами,
И в печке огонь не погас.

ШУМАК

На вершине горы
Догорал костерок.
Так в ночи исчезал
Яркий месяца рог.
А в низине бурлила
Свирепо вода.
Дурака поджидала
Туда и сюда.
Тот дурак эту реку
Не вспять повернёт.
Не направит её
Прямо в бездну болот.
Он зажжёт костерок.
У реки посидит.
Красный месяца рог
Грош ему посулит.

* * *

В слегка приоткрытую дверь
На белых дорожках мая:
Чего не хватает теперь?
Снега ещё не хватает.
И он замечает хребты.
Весенние поймы и горы.
Спрятались лоси в кусты,
Зайцы в сухие норы.
Карузо поёт Пьета, и –
Опустилось забрало.
Не Микеланджело, а –
Бурятский божок с перевала.
Майских цветов настой.
О, как этого мало.
Уже опустилось забрало
Ночи таёжной, глухой.
В одном приращении мхов
Век за которым уж веком
Ветер гуляет по рекам,
И нет человеческих следов.

* * *

С вихрем вращаюсь,
С кедром качаюсь,
Со скал срываюсь –
Я песчинка. В песочных часах песок
Переверну – и снова
С вихрем вращаюсь,
С кедром качаюсь...
Горы поймёшь
На вершинах горных.

* * *

Для меня Иркутск – это Ангара.
А стремление – на конце пера.
И поэтому касаюсь
Я всего слегка.
Отчего же в том не каюсь –
Вы спросите облака.

* * *

О несбыточной жизни,
О райских садах
Соловей распевал
В затаённых кустах.

И летел небосвод
Прочь от низких судеб.
Но давал и оплот,
И серебряный хлеб.

И на камне стоял
День в росе и цветах.
Слушал он соловья
В затаённых кустах.

* * *

Хор в чёрно-белом
И пения серебро –
Это Байкал.
Чёрных сутан
Страстная неделя –
Лёд Байкала.
Арфа Эола,
Хора лира –
Солнце Байкала
На лёд нисходит.
Льдина скользит
Элладой незрячей
В безлюдное море.

* * *

С востока я гляжу на запад,
На берег тёмный и глухой.
Весны доносит ветер запах,
И солнце прямо предо мной.

Над каменной грядой зданий,
Над голубым провалом вод
Мы равно грезим мирозданьем,
Пронзая взглядом небосвод.

* * *

Как степи уходят далёко,
Так уходите вы по степи
Без имени и без дороги.

* * *

Уходит эпоха по льду прибайкальской весны.
Успеет дойти ли до берега – в тумане – другого?
Тончает, а глуби живые природные сны –
Не призрак, несущий неверные тени былого.
Вдруг ухнет. Что ухнет?
Бесовски косматое тело?
Уходит – другая, где мы говорили несмело.
А больше молчали
О том, что вокруг происходит...
Уходит.
В степях на другом берегу
Остались могилы, холмы да боярка в логу.
Остались там детство и верные корни мои.
Остались суровые послевоенные дни.
Уходит эпоха – дойдёт ли, дойдёт ль до могил...
Вдруг – с клетки олень –
И на лёд истончённый вскочил.
Дойдёт ли, дойдёт ли в тумане до берега другого?
А там снег и лёд, снег и лёд,
И вода, и приют ледниковый...

Листвянка, 31.03.12

РАССКАЗ

В моём театре был один актёр.

Он очень мало говорил и чаще молчал. Смотря на него и думая о его таланте, я придумывал ему немногословные роли. В одной было пять фраз, в другой – одна-две. А потом слов не стало вовсе, и роль его составлялась лишь из описаний действий, необходимых к совершению.

Так день за днём, час за часом, от репетиции к репетиции ткался узор бессловесного монолога.

Рассказа, что молчаливо висит в пустоте сцены. Зрители любили этого актёра, и чаще многие приходили в театр не столько на сам спектакль, а в предвкушении появления человека с отрешённым выражением лица, что вступал на сцену пружинистой походкой, стремительно, словно ветер.

Осторожно, краем глаз, из-за кулис наблюдая в эти минуты за людьми в партере, я видел, как дамы в вечерних платьях и с чопорными причёсками, чей макияж предполагал возвышенную строгость, их кавалеры в костюмах пятнадцатилетней давности моды, что были изъяты из шкафов лишь для похода в театр, семейные пары чиновников и люди гораздо проще – все лишались своих масок и обретали новые глаза. Лица становились увлечённо-гадательными, взгляды – если не ребяческими, то озорно-юношескими. Люди вновь попадали туда, где каждый бывает лишь один раз, – в детство.

А на сцене в эти минуты уплотнялся воздух, он то колыхался словно кисея, то изламывался плоскими гранями и начинал преломлять свет прожекторов, и мир, видимый через его ткань, преломленный сквозь новую, сказочную призму, становился иным.

Декорации переставали иметь значение. Их фигуры мутнели и размывались. Сцена наполнялась цветовыми пятнами, мазками и радужной пылью. Все эти радуги, переливы, всплески искр и хороводы цветных пятен – всё двигалось одновременно с действующим актёром, порою обгоняя его, словно желая предугадать его движение, его следующий жест.

А во тьме зрительного зала проявлялись сполохи миражей. Так мысли, угадки-фантазии, рождённые шёпотом безмолвия, обретали видимость, отрываясь от своих хозяев, свободно начинали жить под сводами театра.

Всё длилось не долго – одну-две минуты. Заканчивался эпизод, и мой герой уходил за кулисы. Исчезали миражи под потолком, декорации становились реальны и по-театральному скупы. У рампы опять раздавались голоса.

Как выстрелы, как взрывы, слова били наотмашь по щекам, грохотали в ушах и отдавались болью в голове. Люди в зале, ошарашенные, словно выдернутые из сна, из сказки чьим-то грубым окриком, недоумённо взирали на сцену, с усилием находя дорогу в обыденность.

Трудно сказать, хорошо ли всё это было или плохо. Но тогда казалось, что в этом есть какой-то смысл, значение. Люди выходили на вечернюю улицу после спектакля и по-другому смотрели вокруг себя. И, наверное, думали что-то не привычное, не колёсно-механическое каждодневное, без чего в принципе и не проживёшь.

Все мои слова о юности, о детстве сказаны выше не для того, чтобы умилить и донести красоты чудес описанных, нет. И детство, и юность, тоже тяжёлы и жестоки порой. Но в детстве и глаза глядят по-другому, и дышится с другим ощущением. И мне думается, что именно с такими чувствами выходили зрители на улицу, и им по-другому дышалось.

Архимед так и не сдвинул Землю. Классическая музыка не укрепила и не возвысила души до тех высот, чтобы мир стал несравненно лучше, а театр так и не воспитал зрителя. И тех, кто ему служит.

В рутине нового дня буфетчицы шептались, когда мимо них проходил Актёр. Они демонстративно отворачивались и мелко крестились, когда он оказывался к ним спиной. Верно, думали, что он, готовя свои роли, потрошит чёрных куриц по ночам.

А в курилке судачили мастера сцены. Мастера состоявшиеся и мастера начинающие. Тема была достойная. Они говорили о значении слова на сцене. И вообще о слове. Оно, получалось, было в начале всего. Молодые пытались вставить слово о «дель-арте» и площадном театре. Их авторитетно осаживали «неизбежной диалектикой развития». Но когда по коридору мимо них проходил молчаливый актёр, все деятели разом замолкали.

«Дешёвый авангард», – порою слышалось ему вслед. Авангард – не авангард. Дешёвый – не дешёвый. А зритель ходил. Зритель хлопал.

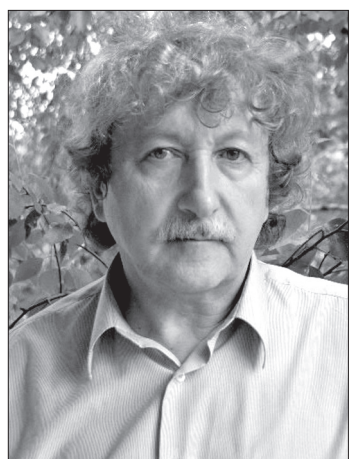
Коллектив театра раскололся на две философствующих группировки. Первые – были за слово на сцене. Они были против «всех этих пантомим» и призывали к уважению самого Театра. Следует обратить внимание на то, что это были уважаемые и любимые в городе люди. Они отвечали зрителям на любовь любовью, и поэтому честно старались. Из года в год они оттачивали своё умение красиво двигаться и красиво, выразительно говорить. Говорить и говорить. Это был их путь к зрительской любви и своему, простому, человеческому счастью. Вторые – те, кто, возможно, на тот момент ещё не нашли своё искусство, свой путь в нём. То искусство, которое Станиславский завещал любить в себе. Эти люди меньше спорили. Они редко перебивали монологи о «действенном глаголе, переходящем в речь». Они молча курили, когда заходил разговор о «чуждачествах режиссёра, не дающего работать профессионалам». Они лишь, порой растерянно, порой отчаянно, тихо переспрашивали о зрителе. О его поведении, о его состоянии. Как быть с этим? Тогда замолкали уже все. Ответа не было.

А затем наступили новые времена. В этих временах потерялись многие. Потерялся молчаливый актёр, и судьба его мне не известна. Пропали апологеты слова на сцене. Куда-то делись искатели новых форм. Осталась только накатанная дорога Театра. И ему было дано вздохнуть полной грудью лишь через долгие годы.

Во всей свистопляске новых времён потерялся и я. Завертелся, словно щепка на кругах омута, и с тех пор ищу себя.

Может быть, найду.

Николай КОЛЬЦОВ

В СВЕТЕ
БЛЕДНОЙ ЛУНЫНА ТЕАТРАЛЬНОМ ФЕСТИВАЛЕ
«СИБИРСКАЯ РАМПА»

Конец июля, остров Ольхон, посёлок Хужир, полночь. Только что закончился спектакль народного театра «Песочные часы» из Чуны, сценой которого стала лесная поляна. Для нынешнего театрального фестиваля «Сибирская рампа», проходящего в Международном летнем театральном центре «Ольхон», впрочем, как и для всех прошлых, это не было чем-то необычным.

По одной из дорог, идущих в посёлок из леса, люди весёлыми стайками расходятся по домам. Освещаемая небольшими карманными фонарями, взятыми с собой предусмотрительными зрителями, она плохо видна, и я стараюсь не отстать, чтобы ненароком не сбиться с пути и не угодить в грязь. Неожиданно я услышал:

– Товарищ! Можно мне взять у вас интервью?

Луч чужого фонаря вырвал из темноты стоящую на обочине миловидную женщину средних лет с перекинутой через плечо спортивной сумкой. Она приветливо улыбнулась и вопросительно посмотрела мне прямо в глаза. Луч соскользнул под ноги обогнавшей нас группе, и больше я ничего не разглядел.

– У меня? – на всякий случай переспросил я.

– Да-да, у вас.

Должен сказать: на фестивале сложилось особая и удивительно дружеская атмосфера, питаемая желаниями её участников как можно больше узнать о прибывших из разных концов страны театрах, посмотреть их спектакли, себя показать. Поэтому фразы: «Извините, мне сейчас некогда» или «А можно мы с вами поговорим об этом в другой раз...» – были не в ходу. Я согласился, и мы, теперь уже вместе, продолжили путь в темноте, на ходу обмениваясь мнениями о только что закончившемся спектакле.

Выйдя к посёлку, мы быстро нашли у одного из домов освещённую бледной луной скамейку, присели на неё и приступили собственно к интервью.

– В двух словах скажите: кто вы, откуда, к какой из театральных профессий принадлежите?

– Я Николай Петрович, из Иркутска, писатель, драматург. Скажем так – начинающий. Любезно приглашён на фестиваль его организатором – Александром Ивановичем Кононовым, которого я, годом ранее, познакомил с одной из своих пьес.

– Ваши пьесы ставят? Сколько их у вас?

– Пьес – три. Пока не ставят.

– Отчего же?

– Если бы этот вопрос мне задали до фестиваля, я бы ответил так: «Не понимаю, почему не ставят. А пьесы, кстати, современные».

– А теперь?

– Когда пообщался с режиссёрами, познакомился на семинаре по драматургии с лучшими образцами мировых и российских пьес, послушал их тщательный анализ, я, как мне кажется, теперь знаю слабые стороны своих работ.

– В чём вы увидели ошибки?

– Прежде я писал рассказы и когда приступил к пьесам, то не учёл всех различий между читателем и зрителем. Зритель требует к себе большего внимания, он капризен, всегда готов отвлекаться на разные пустяки, от долгого поиска в сумочке конфеты до банального подглядывания за рядом сидящими людьми. Порой пропустит такой зритель важный момент и ухватить суть пьесы уже не может. Зачем приходил? Для чего старались актёры? Поэтому требуется высокое мастерство по части удержания его внимания за происходящим на сцене. А это складывается в первую очередь с наличия яркого, мастерски написанного текста, в котором при минимуме слов достигается хорошее прочтение и образа героя, и идеи пьесы, а также с помощью особых драматургических приёмов постоянно подогревается интерес к происходящему. И второе, с пьесой должно быть легко и интересно работать актёрам и режиссёру, а поэтому нужно знать возможности театральной сцены, что может прийти только с практикой совместной работы над спектаклем в театре. Мастерство драматурга шлифуется именно там. За постановку сырой, до конца не продуманной пьесы сейчас никто не возьмётся и, наверное, это одна из основных причин прохладного отношения к моим работам.

– Это в теории, а на практике? Идея пьесы может быть и не всем интересна. Для нескольких людей хорошо, для массового зрителя «не очень». А «не очень» – это провал.

– Признаться, практики, лично у меня, нет, есть первые попытки стать востребованным театрами, независимо от статуса, пусть они будут любительскими или народными. И если мои произведения не привлекут внимание режиссёра, то не случится и мой «брак» с театром, и зритель ничего о моих работах и думах не узнает. Встретить «своего» режиссёра – великая удача для драматурга, однако заставить кого-либо полюбить свои пьесы невозможно, интерес к пьесе либо есть, либо его нет.

– Что вас заставляет писать?

– Сочинение пьес – это творчество, а значит, таит в себе неожиданность, тайну. Как тут удержаться? Интересно! Вот и пишешь, открываешь для себя и читателя тайны человеческих отношений. Мир ведь не чёрно-белый – цветной, оттенков отношений между людьми не меньше, чем оттенков цветов; окружающий нас быт быстро меняется, и только абсолютно «слепой» может утверждать: «Уже всё давно написано, прочитано и просмотрено». Хотя известно, вернёшься через два-три года к ранее прочитанной книге, а она, вдруг, откроется тебе новой мудростью.

– К сожалению, таких «слепых» становится всё больше и больше.

– Вы заметили? Одна из черт современного человека: торопливость, категоричность суждений.

– Если категоричен простой зритель, это можно легко пережить, если категоричен чиновник, это намного неприятнее. Так ли это? Ведь именно го-

сударственный аппарат выстраивает и стимулирует те или иные направления развития театра и культуры в целом.

– Ничего не могу утверждать, мало опыта, но, по моим наблюдениям, культура всё более обслуживает интересы преуспевающей в бизнесе части населения и власти; простой народ, который в наше время с трудом «сводит концы с концами», в академические театры уже почти не ходит. Стало гораздо больше откровенно развлекательных пустых произведений. Вы посмотрите, во что на центральных каналах телевидения превратились юмористические передачи. Их герои настолько примитивны и неадекватны, что уже подумываешь, а хорошо ли это, в течении многих лет с завидным упорством смеяться над «пациентами психиатрических клиник». Пусть бы этого было поменьше. Герой одного из моих рассказов, пенсионер, с горечью заметил: «Вот ведь, что получается: смеха в стране – пруд пруди, а радости, счастья простого не прибавляется».

И ещё: в стране, и при руководящей роли КПСС и теперь, люди искусства выносили на суд общества свои произведения с оглядкой на власть, которая легко могла не утвердить и не профинансировать постановку спектакля или кинофильма. Государственное финансирование сохраняется, а значит, и остаётся зависимость от чиновника. «Новый» чиновник, как оказалось, зачастую не лучше «старого». Здесь я хотел бы сказать о счастливом исключении. Театральный фестиваль на Ольхоне живёт на государственные деньги, курирует его чиновник, являющийся образцом своего отношения к тому, что он делает. Я слышал с каким уважением говорят о нём участники фестиваля. Говорят ему не в лицо, чтобы понравиться, а за глаза, между собой, выражая глубокое уважение профессионализму этого человека. Профессионализму не только в умении организовать, а ещё и тонкому профессионалу в театральных делах. Поэтому, ругая чиновников, я понимаю, есть и исключения. Дай Бог ему здоровья!

Ещё информация: профессий писатель, драматург, поэт – официально более не существует. Это хобби. В трудовую книжку вам напишут, что-нибудь иное, по договорённости.

Очень хочу научиться писать ярко, получится у меня или нет, покажет время. Сложно пробиваться современным драматургам к зрителю, ведь у режиссёра всегда есть альтернатива – проверенная временем классика. А между тем, всё чаще слышишь зрительское мнение: «Классики в театрах должно быть поменьше, народ устал смотреть одно и то же. Надоело. Уже и не спасает «новое» прочтение старых произведений».

Правда, я сам думаю, что талантливо поставленная классика всегда будет востребована.

– Кто платит, тот и заказывает музыку. Насколько это утверждение верно?

– Думаю, что за редким исключением, именно так всё и обстоит. Хотя ситуация с народными и любительскими театрами одна, а с академическими – другая.

– Что можете сказать о театрах, увиденных на Ольхоне, актёрской игре? Ведь у всех, практически без исключений, актёров, основные профессии не имеют отношения к театру.

– На одном из обсуждений спектаклей член жюри, заслуженная артистка России, отметив исполнение роли любителем, сказала приблизительно так:

«Браво! Я вдруг подумала о себе. А смогу ли я сама так точно и высокопрофессионально сыграть?» Как вам такая оценка? От себя добавлю, я у многих наблюдал на фестивале игру с полной душевной отдачей. Чего ещё желать зрителю, если почти никто не халтурит, играет настолько, насколько хватает душевных сил и понимания исполняемой роли? Много, очень много талантливых людей. Молодые, нынешние учащиеся школ, уже планируют поступление в театральные учебные заведения.

– Здесь все говорят о том, что фестиваль ещё и хорошая театральная школа.

– Так и есть, именно школа. Каждый день проходят семинары под руководством преподавателей московских театральных вузов по разным направлениям. Ведь члены жюри – это, в основном, преподаватели различных московских театральных «школ». Обучение бесплатное и очень качественное. Я, например, занимаюсь драматургией у Андрея Михайловича Зинчука – заместителя председателя гильдии драматургов Санкт-Петербурга, посещаю режиссёрскую лабораторию Татьяны Александровны Тарасовой – старшего преподавателя Российской академии театрального искусства.

– Вам повезло.

– Ещё как! Для всех участников фестиваля это стало незабываемым событием. Всё время отдано творчеству и любимому делу. Фестивальный Ольхон – это планета на планете, её на десять дней заселяют добрые, увлечённые театром жители, полные внимания и любви к друг другу и к своим зрителям, для которых они играют. Без любви, без настоящей страсти в профессии не будет и театра. На мой взгляд, всё это у участников фестиваля присутствует, а у некоторых даже и в избытке.

– Скажите, у вас есть муза, помогающая вам сочинять пьесы?

– Конечно! Думаю, у каждого она есть.

– Вы с ней знакомы? Как её зовут?

– И знаком и не знаком. Она присутствует в тонком мире. Свою я шутливо называю Музой Петровной. Кстати, я вам представился, а вы мне нет.

– Муза Петровна.

Прекрасная незнакомка мне мило улыбнулась и вдруг исчезла! Растворилась во тьме...

Весь следующий день я тщетно пытался её найти. Безрезультатно. Может, мне померещилось?

ПЕТРОВИЧ И ПОЭЗИЯ

Понятия большинства людей о поэзии так туманны, что туманность служит им определением поэзии.

Поль Валери

Лежание с книгой приятно не на скрипучей кровати второразрядного гостиничного номера, а дома на диване: так гораздо удобней и привычней. Упомянутая мною кровать предназначена для самых разнообразных целей, даже безаппетитного поедания на ней холодных и чёрствых беляшей, пирожков и прочей немудрёной командировочной снеди, но отнюдь, уверяю вас, не для чтения: неудобно, потому как слишком уж узко, да и освещение какое-то тусклое и рассеянное; кружку с горячим чаем – если бы она была – поставить, кроме как на тумбочку, некуда. Даже принуждённо вдыхаемый гостиничный воздух, лишённый домашних вкусных и просто запахов – сухой и самый что ни на есть казённый, – к чтению, тем более занимательному, побудить не может. Постояльцу поздним зимним вечером, к тому же в одиночестве, остаётся лишь полёживать себе на боку или просматривать газеты, или, если уж совсем нечем себя занять, решать кроссворды. Этим я, кстати говоря, и занимался, когда дверь номера, простонав несмазанными петлями, вдруг открылась.

Через порог легко перешагнул мужик невысокого роста, средних примерно лет, средней комплекции и ничем не примечательной – так мне поначалу показалось – наружности. Вскоре оказалось: украшением этой наружности была борода: чёрная с проседью, короткая, на манер шкиперской, она была не прямой и не раздвоенной, – словно бы отдуваемая неутихающим ветром, она росла и вперёд, и немного вправо, отчего и всё лицо мужика казалось искажённым, словно виденное в кривом зеркале. Но этот недостаток (совсем незаметный, если его, конечно, не высматривать) мужика не безобразил, а его глаза, – живые, с заметной лукавой хитринкой, – придавали ему вид уверенный, неуловимо чем-то даже и значительный.

Мужик поздоровался, поставил себе под ноги новую китайскую сумку, мельком, как всё временное, оглядел номер, заметил: «Ничего, жить можно!» – и стащил с нешироких плеч китайский же, повидавший виды, пуховик. Подошёл, протянул бугорчатую от закаменевших мозолей ладонь, представился:

– Меня в нашей деревне все Петровичем зовут. Я недалеко отсюда живу, немного двести вёрст не будет.

Узнав, что я обитаю от областного центра ещё дальше, чем даже он сам, и тоже – деревенский житель, Петрович хитро подмигнул и, промолвив: «Ну,

тогда, если мы, оказывается, свои, за знакомство не грех и выпить», — извлёк из сумки заткнутую пробкой бутылку, пластиковые стаканчики и поставил на столик у окна. Затем там же появились: каравай домашнего хлеба, увесистый кусок солёного сала, картошка в мундирах, пара луковиц, головка чеснока, пачка чая и, как бы завершением всего, соль в тряпице.

Я добавил остатки от своего ужина и бутылку минеральной воды.

Петрович сноровисто нарезал и разложил на недельной давности газете хлеб, сало и колбасу, причём ломтики сала и колбасы, припорошенные луковыми кольцами, он разложил на тексте интервью с Джорджем Бушем-младшим, поп-артовую пирамиду из картофеля соорудил на фотографии Барака Обамы, а худосочные прелести неведомой рекламной красоты присыпал солью, — одним словом, за какую-то минуту всё было им приготовлено. Осмотрев накрытый стол, он восхитился: «Ну, прям-таки по-царски!» — и одним ловким движением откупорил бутылку. Одурачивший смрад сивухи сейчас же опалил не только ноздри моего носа, но, как показалось, и уши.

— Нет, — поторопился я отказаться, — нет-нет, спасибо, минералкой обойдусь.

Петрович не стал настаивать, убрал бутылку.

— Да я, можно сказать, и не пью, это супружница бутылку в сумку засунула, — возьми, говорит, вдруг в дороге пригодится. (Он задумался на мгновение.) Пойду, кипятку у дежурной попрошу, — кишки можно и чайком пополоскать.

Вскоре он возвратился с электрическим чайником, сказал: «Добрые люди везде есть, да жаль, что не всем на глаза показываются», — насыпал в закопчённую жестяную кружку заварку и залил её кипятком. Натёр долькой чеснока ноздреватый хлебный ломоть (промолвив при этом занятии: «Люблю я чеснок: палючий, аж глаза выскакивают, — ах, ты! а с хреном ежели — так куда с добром!») и с нетерпеливостью проголодавшегося человека ввёлся в него, немедленно ухватил картофелину, кусочек сала и жестом предложил последовать его примеру.

Я попробовал сало; оно оказалось изумительно вкусным.

— Супружница сало солила, — заметил Петрович, увидев мой интерес к продукту. — Она по салу и вообще по дому — мастерица!

Незаметно для себя самих мы разговорились. Беседа наша, прерываемая пережёвыванием, неспешно продолжалась; но вот Петрович от общих фраз круто повернул на крестьянскую тему, и мне поневоле пришлось из собеседника обратиться в слушателя.

— Родители мои, — заговорил он раздумчиво, — потомственные хлеборобы. Их родители тоже издавна землю пахали. Ещё при Столыпине сюда, в Сибирь, из нечернозёмной полосы перебрались. Как дед мне, тогда совсем ещё пацанёнку, рассказывал, вроде бы откуда-то из-под Перми. Я сам, не хвалясь, скажу, что предков не позорю: на любой технике, хоть на тракторе, хоть на грузовике, работать могу. Ну да не в этом суть... Надумал я фермерством заняться. Сюда, в город, приехал насчёт кредита узнать: сколько дадут, и под какой процент. Если кредит дадут, можно бычков с тёлочками рóстить, тех же свиней. Пчёл разводить, говорят, прибыльно, да я в этом деле ни бум-бум... Короче говоря, чем-то заниматься надо, да как подступиться-то, с какого такого боку? И — самое главное — с кем? Братьёв у меня нет: все по городам разъехались, а одному фермерство никак не потянуть. А супружница — что она?

Баба и есть баба, её на трактор не посадишь. (Выбрав картофелину, он принялся сдирать с неё кожуру.) Картошка, даже и холодная, с салыцем, да ещё и лучком – пробормотал он, жуя и причмокивая, – это такая, прямо сказать, вкуснотища! А тут ещё перекупщики к нам в район зачастили: понравилось им, видать, мясо по дешёвке скупать. Так он, перекупщик-то этот, попросту говоря, пришей-пристебай, и половинную цену давать не хочет! Я одному такому сказал (в прошлом году это было): «Нет, не продам бычка задёшево! Ты посмотри, бычок-то какой справный, нигде кости не торчат, шкура вон лоснится вся!» А он заухмылялся во всю свою наглую рожу: «А мне какое дело! Ты, мужик, или бери деньги, пока дают, или расходимся; другие тебе за эту скотину побольше не отвалят, не жди!» Кулаки у меня так и зазуделись; спрятал их, от греха подальше, в карманы. «Надбавь хоть немного...» – прошу его. Так он повернулся да и пошёл от меня, будто и не слышит. Что ему со мной, думаю, рядиться-то? Я откажусь, так ему далеко ходить не надо: он у соседа моего, Фёдора Семёныча, пару тёлочек купит. Он, Фёдор-то, рад был за этих тёлочек хоть какие-то деньги получить, чем вообще ничего, ведь у него старшая дочь и сейчас в институте учится, а младшая в десятом классе тогда была, да ещё и сын в восьмой класс ходил. (Очистив вторую картофелину, он занялся ею.) Да и мне деньги позарез нужны были. Я и подумал про себя, что если бычка вот этому прощелыжнику сейчас же не продам, так придётся следующего поджидать, а приедет ли – вопрос! В соседнюю деревню, тем более она к трассе поближе, заглянет, соберёт всю скотину по дворам – и в город... «Ладно, так и быть, – говорю перекупщику этому, чтоб ему провалиться, – забирай бычка». Тот обернулся и снова, гляжу, ухмыляется: «Так бы, мужик, сразу и говорил, а то все вы, хитрованы крестьянские, нажиться на мне хотите, да только время зря тратите!» Деньги он мне отсчитал, а потом с этаким, знаете ли, гонорным видом ещё сто рублей сверху пришлёпнул. «Вот тебе надбавка», – говорит. Как я ему по роже тогда не съездил, сам удивляюсь... (Он обиженно посопел, теребя бороду.) Да вам, наверное, уже надоело мои басни слушать?

– Что вы, Петрович, – запротестовал я, – очень даже интересно! – И тут же поинтересовался, признаюсь, для поддержания разговора: – Почему вы сами свою продукцию в город не увозите? Колхоз был, значит, автомобили остались.

При моих словах лицо Петровича покривилось; он хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой; принялся было натирать долькой чеснока хлебную корочку, но отложил её в сторону.

– Какие там автомобили! Многие технику, какая им при разделе колхозного имущества досталась, продали ещё в начале девяностых, чтобы как-то выжить. Да и колхоз наш был – так себе, как говорится, ни мёртвый, ни живой, – полудохлый, правда, название было куда как звучное – «Знамя коммунизма». Так что техника у нас почти вся неходячая: ни запчастей, ни топлива. Вот есть у меня тракторишко, из хлама всякого, на свалках да под заборами найденного, моими руками собранный, – ну и что? Как я на ём зимой – кабина не отапливается – двести вёрст с коровой в телеге или пусть даже и с мясом, в город попрусь? Я только по деревне раскатываю, а за околицу боюсь: летом, если трактор сломается, – ещё туда-сюда, а зимой запросто на дороге замёрзнуть можно: за целый день две-три машины если по ней проедет – уже

хорошо. Ладно, что это я, как пацан сопливый, жалоблюсь... Давайте лучше чай пить.

«Недоговаривает он что-то», – подумал я, наблюдая, как Петрович разливает настоявшийся дегтярный чай по стаканчикам.

– Вот вы говорили – фермерство... – сказал я вслух. (Петрович пролил чай на стол.) – Пчеловодством не будете заниматься: не умеете. Это понятно. Не пойму, чем же тогда.

Петрович лишь вздохнул и снова принялся теревить бороду (его широкие клешневатые ладони постоянно были в беспокойном движении, и так и норовили ухватиться за что-нибудь; скоро я уже не обращал внимания на эту его странность).

– Да не с кем заниматься-то! Друзья разлетелись кто куда, а те, кто ещё остались, пьют без просыпу, как будто все с ума посходили... Ну вот, снова в жалобах, как в грязи, застрял! Вы, как я жаловаться начну, меня сразу останавливайте... Стареть, видимо, начинаю: уже позабыл, о чём и говорил-то... (Оставив бороду, Петрович взялся за лоб.) А, вспомнил! Работать не с кем стало, понимаете? Пробовал я уже, знаю: как только мужики первые деньги получают – и в загул... никакими словами, никаким дубьём их потом не остановить! Вот знакомый у меня был, можно сказать, что почти друг – Сашка... вот с ним-то можно было бы сейчас развернуться! Всем был хорош, только одно его портило: стихи сочинял.

– Что же в этом плохого? – удивился я.

– Не знаю даже, как вам и сказать... – замялся Петрович и в тягостном раздумье почесал бровь. – На иное дерево взглянешь, так оно стоит вроде бы высокое, ровное; можно, думаешь, на дом его пустить или на баню, или просто на дрова. А спилишь его – внутри червоточина такая, что голова пролезет. Вот и Сашка был с червоточиной... Он и в школе был... странный, но тогда над ним ещё не смеялись и не сторонились. Странности начались, когда он в колхоз устроился, трактористом. Водку вообще не пил; а таких чудаков в деревне, кроме него, не было, – уже, можно сказать, заметный, как таракан на блюде. Матерные слова в гараже или где-нибудь на гулянках тоже не употреблял. Ну разве это не странно?

Петрович замолчал, взглянул на меня вопрошающе; я кивнул.

– Если бы он в культурной какой семье вырос, где родители учителями или врачами работали, это было бы понятно, – ободрённый моим уже неподдельным интересом, продолжил Петрович свой рассказ, – а у Сашки отец всю свою жизнь трактористом вкалывал, а мать на ферме горбатилась. Культуры, какую в фильмах показывают, Сашка от своих родителей нахвататься ну никак не мог: шибко грамотными они не были, разве что и тот, и другая матерились без ошибок. Насколько я знаю, во всей его родове этих... интеллигентных-то, сроду никогда не бывало, он первый. Как мой дед говорил: посеяли дураки овёс – вымахала пшеница. И откуда у него что взялось, если он сам в школе на тройки учился – вот что я до сих пор понять не могу! (Он ухватился за бороду и долго молчал.) Потом вдруг слушок по деревне пошёл: Сашка стихи сочиняет. Я не поверил; спрашиваю его самого: «Болтают: стишки пишешь... врут или как?» – «Пишу», – отвечает. «Зачем?» – снова его спрашиваю. Сашка посмотрел на меня... ну, так, словно бы ему сквозь меня ставни на доме тётки Агафьи разглядеть захотелось, потом говорит: «Для

души, вот зачем». А где-то через месяц (на пахоте дело было) кто-то из трактористов подначил: «Почитай, Сашок, чего ты там втихую от нас пишешь». Ему бы сразу отказаться, мол, то да сё, на память не упомяну... Так у него, дурня, ума не хватило: начал читать, как на уроке литературы, с выражением. Про природу, птичек там всяких... про солнце... Ничего, складно так у него получилось... Два стишка, как сейчас помню, прочитал. (Он отпил остывшего чаю, сморщился, отставил стаканчик и посмотрел на часы.) Ого, как, однако, поздно уже! Пора и на боковую...

– Вспомните, понравились ли народу стихи, – перебил я его желание закончить разговор.

Петрович завздыхал, завоzilся на стуле.

– Ну, это трудно сказать... Народ слушал, переглядывался, похмыкивал... В ладошки, точно помню, никто не хлопал. Наверное, стихи всё-таки не понравились, если после этой читки начали в деревне Сашку сторониться.

– За безобидные стихи – едва ли не бойкот... Не понимаю!

Петрович принялся водить ладонью по крышке стола, расписывая её невидимыми узорами.

– Тут дело-то вот в чём... Везде люди занимают своё место в жизни: этот – тракторист, этот – зоотехник, а эта – учительница. И всем понятно, как к кому из них относиться, с кем можно и не здороваться, с кем – обязательно, а перед кем из уважения к его должности надо издалека шапку снимать... А бывают и такие люди, которых ни на одно место поставить нельзя: на какое ни попытаются их поставить, то обязательно если не на то и не туда, так мимо, ну что ты будешь с ними делать! В никчёмные таких не определишь, в значимые не поставишь; то ли с ними здороваться, то ли молча мимо пройти, – поди, угадай... И вот ещё что вспомнил... В нашей деревне была, как будто для человеческого комплекта, дурочка, Парашкой прозывалась; её вскорости в жёлтый дом увезли. Я к чему всё это говорю... Не знаю, как и сказать...

Я помог ему: договорил за него слова, которые он удерживал в себе, не решаясь выговорить.

– Нетрудно догадаться: Александр занял место Парашки.

Не возражая, Петрович продолжительно, шумно вздохнул и с силой, словно после долгого сна, провёл по лицу ладонями.

– Никто в нашей деревне стихи никогда не сочинял; в соседних, насколько я знаю, тоже. Народ задумался: Сашка – это кто? где его место? как к нему относиться? С одной стороны на него глянуть – поэт вроде бы, а если с другой стороны посмотреть – так он же обыкновенный тракторист! На двух стульях, значит, посиживает. И решил народ, что если у Сашки места как бы и нет, обходить его стороной. Дурачком его за глаза не называли, больше писакой или стихоплётом, но Сашка всё равно обиделся. А потом свои стихи по почте в нашу районную газету отправил. Решил, наверное, всем в нашей деревне доказать, что он всё-таки поэт, а трактористом работает по совместительству. Недели где-то так через три очередной слушок по деревне гулять пошёл: в газете Сашкины стихи забраковали, сказали: слабые. Я эту газетку, если и на глаза когда попадётся, не читаю, а тогда, помню, от корки до корки смотреть начал. Супружница сразу это дело заметила, говорит мне: «Надо же, какой ты, Вася, у меня стал молодец! Этак ты скоро и книжки читать начнёшь». Да толку-то, что смотрел я эти газетки, ведь не было

там стихов... Жалко им было хотя бы один стишок тиснуть, что ли... Это же районная, а не центральная газета, не «Известия» какие-нибудь. А мне хотелось стихи именно прочитать: на слух я только про движок могу сказать, карбюратор в ём подрегулировать надо или поршня поменять, или просто выбросить. Конечно, проще было бы попросить у Сашки тетрадь со стихами, но эту тетрадь, я знаю, он никому не показывал, даже от супружницы своей прятал. Хотя, если уж честно говорить, моё мнение такое: поэзия – штука совсем не нужная.

– Петрович! – только и смог я воскликнуть.

Лицо моего собеседника снова покровилось, он нахохлился и сделался похожим на изыбшего воробья, залетевшего с улицы в освещённую и тёплую комнату.

– Что с этой поэзии толку-то, скажите, пожалуйста? Вот, – он взял со стола ломтик сала и показал мне, – к примеру, обыкновенное сало... Его можно съесть и лечь спать не с пустым брюхом. – Он схватил сало крепкими зубами и начал разжёвывать его с такой быстротой, что борода чёрной челночной молчалкой задёргалась вверх-вниз. Звучно сглотнул, посмотрел на меня и хитро и вызывающе. – А прочитаю я стишок – и что? Где его теперь искать?

Он незряче вытянул руку и пошевелил пальцами, изображая попытку нащупать то, что чувствовал только он, но не дано было видеть мне, затем, вздрагивая волосатыми ноздрями своего длинного шишковатого носа, чутко обнюхал вокруг себя воздух, – настолько, как самая настоящая собака, правдоподобно и презабавно, что я, наблюдая его импровизированную пантомиму, невольно рассмеялся.

– Вам, я гляжу, смешно, а в жизни, если здраво рассуждать, стихи не кормят, денег в кармане не прибавляют. Как это говорится-то... суета сует, во! Да я и сам, если захочу, из баловства стишок придумать смогу, делов-то! Сейчас... (Он задумался.) Ага, вот уже и придумал! Как утро, значит, начинается... Слушайте.

Ночь густо изгадила небо
портяночной мозглостью туч;
вдруг вижу: людям на потребу
с горы прётся солнечный луч.

– Да вы, Петрович, поэт! – сказал я серьёзно. – Скажите, Александр тоже сочиняет нечто подобное? Кстати, вы почему-то не говорите, где он сейчас, чем занимается.

При моих словах с Петровичем произошла разительная перемена: его глаза потухли, стали колючими, неприятно жёсткими; он напоминал уже не воробья, а старого ворона.

– Если бы не поэзия, Сашка до сих пор был бы жив... Будь моя власть, я бы эту чёртовую поэзию вообще запретил, – его голос звучал глухо, надтреснуто, словно включили заигранную граммофонную пластинку. – А сочинял он, я вам скажу, так, что куда там до него не то что всяким другим, а и многим некоторым... Боже мой... – произнёс он вдруг шёпотом, и некоторое время просидел молча. – Боже мой, а ведь я только сейчас, будто мне по голове чем-то тяжёлым ударили, сообразил, что неспроста мне сегодня с самого утра Сашка вспоминается! Ведь это он помянуть просит.

С этими словами Петрович наполнил стаканчик самогоном.

Я поспешил налить в свой минералку.

Помянули, помолчали. Задумавшись, мой собеседник перебирал пальцами пустой стаканчик; казалось, он позабыл обо мне. Я уже и не надеялся на продолжение разговора, когда Петрович снова заговорил:

– Как случилась вся эта история с газетой, Сашка пить начал. Сначала потихоньку, а потом – будто с цепи сорвался... Интересную штуку я заметил: интеллигент выпьет – и начинает куролесить: вместо того чтобы, как все люди, посидеть, поговорить о работе, о бабах, или песню спеть, в разговоры про политику ударяется или критикует всех подряд, или начинает про себя говорить, какой он весь из себя непризнанный умник... Простой человек пропьянствует недели две-три, встряхнётся – и снова живёт, работает, а интеллигентный, если уж запил, то остановиться не может. Через год от его интеллигентности мало что остаётся, а ещё через год с него вся эта культура слазит без остатка, как змеиная кожа. Пить, короче говоря, не умеют, а, скорее всего, водка интеллигентных не любит – не для них придумана. Вот и Сашку, как запил, скоро было уже не узнать... (Стаканчик в его руке начал потрескивать.) Не то чтобы опустился он, а как-то потерялся, что ли... На гулянках в разговоры не ввязывался, просто пил и молчал, будто и нет его. К зиме в одиночку пить начал. Встретишь его на улице и думаешь: в деревне никакого праздника нету, все вокруг вроде бы трезвые, а Сашка уже едва на ногах стоит. Говорил ему, мол, что же это ты делаешь. Так он уставится на мою шапку или ещё куда-нибудь и молчит, качается... А потом Сашка тетрадь со стихами в печку бросил... (Петрович смял в кулаке запищавший пластиком стаканчик.) Супружница его успела тетрадь из топки вытащить. Тетрадь была толстая, сразу не вспыхнула, только по краям обгорела. Так Сашка дождался, когда супружница в магазин уйдёт, и тетрадь эту дожгёт... Хватит говорить, пора спать, – оборвал он себя и, взглянув на часы, выбрался из-за стола.

– Что же произошло с Александром? – поинтересовался я.

Петрович, разбирая свою постель, нехотя, словно по принуждению, ответил:

– В прошлом году замёрз на улице в ночь на второе января.

Улёгшись, он, наверное, решил не ждать моего вопроса, прибавил:

– Мужики, как рассвело, поехали в соседнюю деревню Новый год праздновать. Возле самой околицы на Сашку и наткнулись.

Взволнованный рассказом, я долго ворочался с боку на бок, стараясь заснуть. Поняв всю безуспешность своих попыток, подумал, как оказалось, вслух:

– Страшная история! Самое страшное – невыдуманная.

– Мгм... – вдруг отозвался Петрович сонным голосом.

– Жаль, конечно, Александра... И как жалко, что не догадалась его супруга спрятать стихи, – наконец-то высказал я мучившие меня мысли. – Кто она, кстати, чем занимается?

– Да замуж вышла... чем же ещё бабе в деревне заниматься... Год после Сашки прошёл, она и вышла... – совсем уже засыпая, невнятно пробормотал Петрович. – Её новый мужик тоже – Сашка, но стихи не сочиняет.

ДОЖДЬ

*Радугу, которая держится
четверть часа, перестают замечать.*

Гёте

На улице моросил дождь, обычный в осеннюю промозглую пору.

В коридоре он отряхнул зонт, сложил его, толкнул дверь.

Она сидела в своём любимом кресле прямо, словно на троне, уронив на стол узкие ладони; длинные пальцы при его появлении едва заметно вздрогнули, нацелились острыми ноготочками...

Ему вдруг почудилось: в сумрачной комнате её глаза затлели и вспыхнули двумя жёлто-золотистыми угольками, как у рассерженной кошки.

На втором шаге он как-то механически сказал: «Привет!» – на пятом услышал ответное «привет», повторенное тихим, сдержанным эхом, и, отчего-то не решившись сразу же подойти к ней и, как всегда, легко касаясь губами, поцеловать в тёплую макушку, свернул в сторону и присел в углу на стул. Помолчав, взглянул на неё быстро и пристально, сцепил зябкие, неприятно хрустнувшие суставами пальцы.

Она посмотрела на него – одновременно словно сквозь него, на оклеенную бежевыми обоями стену – прямым, чужим прозрачным и безразличным взглядом.

«Кажется, она хандрит вместе с погодой», – подумал он и сказал:

– Вот... зашёл к тебе.

Она посмотрела на него уже выжидательно, как бы говоря: зашёл – и что?

– Представляешь, на улице дождь, а я как раз мимо иду... – заговорил он и, услышав в своём голосе незнакомые ему самому дрожащие нотки, запнулся на полуслове.

Она не проронила ни слова.

– Дай, думаю, зайду... – снова заговорил он и потерянно замолчал, вертя в руках зонт.

Она взяла со стола какую-то бумажку и принялась её разглядывать.

– Электрики утром свет отключили, а я, как назло, телефон забыл зарядить, – заговорил он преувеличенно бойко, вдруг заметил, что она рассматривает бумажку с таким же интересом, с каким обычно рассматривают прошлогодний календарь, замолчал и попытался улыбнуться. Улыбка, кривая и жалкая, повела, перекосила лицо на одну сторону, и, злясь на себя, он поторопился сжать губы в бескровную нитку. Положил на стол размокший тяжёлый зонт и снова посмотрел на неё.

Она медленно подняла на него глаза, как бы говоря: забыл – так с кем не бывает?

– И вот, представь себе, остался без связи... – договорил он и снова замолчал, думая, что, похоже, здесь причиной не одна только хандра, и надо бы как-то расспросить её, расшевелить, но как подступиться к ней, сегодняшней, непонятно. – Без связи, говорю, остался, – повторил он каким-то не своим, осипшим голосом.

Она глядела в бумажку остановившимися глазами и не думала отвечать. «Да что же с ней сегодня такое?!» – тревожно подумал он. Покашливая, сказал:

– Походил по улицам... везде лужи да машины...

И, поняв, что говорит глупую невнятицу, замолчал.

Она не то поморщилась, не то подавила зевок; отложив бумажку, взглянула на него исподлобья, как на докучливого просителя.

«Странно!.. Помню, позавчера, когда расставались, она говорила о своей любви ко мне, – и ведь, я и сейчас уверен, искренне говорила! – а сегодня, видимо, случилось что-то такое, о чём я и не подозреваю...» – подумал он, глядя на её застывшее красивое лицо и сомнамбулические глаза, чувствуя, как где-то в середине головы начинает зарождаться тонкий, тысячеголосый, мерзкий комариный писк.

– Пойду, – сказал он, вставая.

Она продолжала молча смотреть на него, похожая в эту минуту на мраморное изваяние, замечательно олицетворяющее собою равнодушие.

Он двинулся к выходу на одеревеневших ногах; не оборачиваясь, проронил:

– Пока.

И толкнул дверь, не расслышав из-за комариного ора ответного «пока».

На улице проглянуло солнце, показались редкие прохожие.

Он засунул зонт под мышку и пошёл куда глаза глядят, говоря себе: я люблю её сильно, но спокойно, размеренно, – вот и успел наскучить за несколько месяцев... а ей, натуре пылкой, неуправляемой, подавай не мою смирную любовь, уже узnanную ею от первого и до последнего взгляда, поцелуя и прикосновения, а безумную страсть, подсмотренную в голливудских фильмах... и как это я не догадался, что рано или поздно, но её натура возжелает именно такую страсть: восторженные взоры, пламенные клятвы... а после, – она об этом или не знает, или не хочет ничего знать, – ревнивые вопли, показательное битьё кухонной посуды, угрозы покончить с собой, ну и вся прочая дешёвая аффектация... а потом, когда она оглохнет от грохота постановочной страсти, ей захочется вернуться в знакомую тишину, да вот только меня в этой тишине уже не будет...

Дождь заморосил мелкими редкими каплями.

Он побрёл напрямик по лужам, не испытывая ничего, кроме душевной пустоты и непонятного ему самому чувства обидного разочарования, словно утром зачем-то долго взбирался на гору, после полудня, задыхаясь от изнеможения, перевалил через её открытую всем ветрам иззубренную вершину, вечером спустился к подножию, издали приветливо зеленевшему яблоневыми садами, вблизи оказавшимися всего лишь зарослями мелкой и кислой яблонидички, для разведения его сада совершенно непригодной.

И вдруг мелькнула простая мысль встретиться с ней завтра, или когда кончится дождь.

Ободрённый ею, он раскрыл зонт и зашагал домой, обходя или перепрыгивая лужи, насвистывая попури из ранних «Битлз», когда они были не идолами, а простыми романтиками.

Всё огляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.

Гесиод

Наблюдая за ползущей по оконному стеклу жужжащей крылатой тварью, он лениво прислушивается к своим мыслям, не понимая, собственные они, или же он внимает словам, произносимым потусторонним размышляющим сознанием...

Посмотришь на неё – божество, да и только!

Ах, эта выверенная целеустремлённость, со всей возможной тщательностью скрытая за как бы бессистемной суетливостью, эта слегка небрежная воздушная манера передвигаться (что же я вот так – грубо – о божестве? Порхатъ, конечно же!) в едином со мной пространстве с помощью обыкновенных конечностей, но каких, бог и дьявол, соблазнительных конечностей, когда они выдвигаются, переставляются с совершенно потрясающей воображение грацией! Кажется, вся сила ума (а если вдуматься, то это так и есть) направлена не на что иное, как именно на передвижение... Нет-нет, ещё и на поддержание столь необходимого равновесия и удесятёрённую работу зрительного аппарата, когда глаза смотрят вроде бы в одну точку перед собой, а на самом деле обеспечивают этой особи широкоугольное панорамное зрение, позволяющее видеть ползущего в траве муравья и вздрогнувшую на макушке сосны хвоинку – всё вокруг.

Когда цель намечена, она преображается: подчиняясь древним, властным инстинктам, надвигается на обречённую (о, она так надеется на это!) жертву, а глаза неустанно продолжают отслеживать, отлавливать новые цели. Убедившись – жертва несъедобна, она устремляется к другой выслеженной мишени. И так – весь долгий, часто неудачный, день. Наверно, ей обидно: столько физических и нервных усилий потрачено, а спать придётся голодной!

Следующий день до мелочей повторит предыдущий до тех пор, пока жертва противоположного пола, купившись на постановочную загадку во взгляде и едва прикрытые лоскутом ткани конечности, не упадёт в её готовно раскрытые душающие объятия...

И вот она уже вытягивает из него жизненные соки, необходимые для создания потомства, которое, в свою очередь, разделится на охотников и жертв...

Кажется, я схожу с ума от этих мыслей, если уже не сошёл! Как можно так думать о моей несравненной Лили? Как я посмел невольно сравнить её с этой мухой? О, эти бесконечные в своей длине ноги, к которым так хочется упасть, пусть даже и сознавая себя глупой, заранее намеченной жертвой! О, эти глаза, в которых сосредоточилась вся мудрость и всё лукавство мира! В их синезелёные глубины хочется вглядываться и при дневном свете, и при свете звёзд, и, если смотреть долго, то замечаешь нечто такое... даже сокровенное.

Когда же мы познакомились? Сейчас вспомню. Это было, было... Да и не вспомнить уже, когда это было! Сначала заметил ноги, а потом и её саму... Так-так! А если бы я шёл с отключенными инстинктами, получается, увидел бы лишь особь, передвигающуюся на двух конечностях – и только. И миновал бы свою судьбу... или охотницу.

Что же это получается? Значит, я шёл навстречу ей уже как жертва? А если поменяться ролями, то есть самому выйти на охоту? Тогда, получается, она будет жертвой, а я охотником? Но это лишь перестановка слагаемых, не меняющая сумму. Ничего не понимаю!

Интересно, а что Лили думает обо мне? Да то же самое она и думает, если вообще способна размышлять! Вот и древние мудрецы утверждали, что женщина лишена разума и бессмертной души. Кажется, так оно и есть, ведь мудрые мысли древних женщин-философов до нас не дошли, да и современных что-то не слышно. Следовательно, их (не пойму, как правильно подумать – философичек или философовок?) и не было. Вывод кажется бесспорным и даже подобен аксиоме, но смущает одна странная особенность: всё напряжение своего ума большинство мужей почему-то направили не на осмысление и объяснение всего и вся, а преимущественно на лишённую разума женщину, вокруг которой, привязанные незримой верёвкой любопытства, как ходили кругами античные ещё философы, так и продолжают кружить их менее умные собратья по философическому цеху – наши современники.

Следовательно, женщина является стержнем, основой жизни, ведь о глупости, пусть и красивой, можно проронить несколько слов, но не говорить о ней от времён сотворения мира! Этот вывод тоже похож на аксиому, но, если вдуматься, красота бесконечна во всеобъемлющем времени и пространстве, и сколько бы ты ни говорил о ней, сколько бы ни находил всё новые грани и оттенки, найдут сказать что-то новое (мысль, как и глупость, также растворена в пространстве и времени) те, кто будут жить после тебя, привязанные всё к той же женщине.

Муха – тварь не безобразная, даже красивая, но никому не придёт в голову говорить о ней долго. Просто классифицируют – и всё. Осмотрят какую, скажут: великолепный образчик мухи цеце! И сейчас же, конечно, посоветуют: вы бы её того... поопасались бы!

Глянув мельком на другой экземпляр, обронят: а это муха мясная обыкновенная. Действительно – и что тут добавить?

Когда я смотрю на Лили, мне почему-то не приходит в голову отнести её к какому-то определённом классу, виду или подвиду. Я вижу перед собой... да, я вижу красоту, что тут скрывать! И – дичь (жареную курицу или утку – неважно), которую хочется немедленно сожрать вместе с косточками. Интересно, хочет ли сожрать меня Лили? Судя по её взгляду – да. Так что же, я – лишь добыча для неё, а она – для меня? Но это противоречит всякой логике: получается, мы просто съедем друг друга...

Проклятая муха! Она и не подозревает, какую бурю чувств породило её бессмысленное ползание. Да и такое ли бессмысленное? Её хаотичные передвижения по стеклу явились для меня причиной; а следствие – тут нечего и раздумывать – Лили.

Попробую взглянуть на что-нибудь другое. Например, на... да хотя бы на цветочный горшок, что ли. Смотрю, и возникает убеждение: форма горшка повторяет божественные формы Лили. А если посмотреть на стул? Ножки стройные, спинка выгнута – всё, как у Лили! И сам он поразительно похож на неё горделивостью классических линий и готовностью выдерживать тяжесть моего тела... Да это лилифобия какая-то, чёрт бы её взял совсем! Скоро я, по-

жалуй, стану видеть эту бестию во всём, что меня окружает, начиная с мухи и заканчивая доской в заборе... Может, я действительно влюблён? Вот ещё глупости! Впрочем, это легко проверить. Представлю – вот этого горшка с выглядывающими из него стебельками зелёного веника нет в комнате. И компьютера нет. И дивана, на котором я лежу. Вообще ничего нет! И что? Невелика беда – нет, да и не надо!

А сейчас представлю – нет Лили.

Не представляется! Помыслить даже не получается – нет её... Как это – нет, когда есть?

Зайду с другого бока. Представлю: вместо неё – другая. Теоретически все женщины одинаковы, и замена Лили на, скажем, Марли есть не что иное, как перемена тех же слагаемых.

Не представляется! Удивительно, но из всех женских особей ни одна (даже намного красивее, обаятельнее и умнее) не сможет её заменить. Странно! Если критически посмотреть на Лили, обнаружится масса недостатков: ноги не совсем прямые, а даже с лёгкой кривизной; колени торчат и лодыжки тонковаты; да и бёдра тоже. Лицо... да, лицо, как бы это сказать... не красавица, в общем, но улыбка выше всяких похвал. Грудь... нет, не стану критиковать её грудь! Фигура у неё... какая-то вот такая у неё фигура, что и сказать-то нечего. Ум... бывает, что произносит милые глупости, да вдруг как скажет что-нибудь такое-эдакое, так будто гвоздь вобьёт! Походка... разве что полёт мотылька может соперничать с ней, и даже когда Лили ходит по комнате, в движениях её столько природной грации, какой-то даже вальяжности (не самоуверенности, нет!), чего-то ещё такого, что и слов подобрать не могу! Вот, например, она двигает рукой... Другая дёрнет локтем, словно ударить хочет, а она как повернётся, как плавно поведёт ею – так словно лебедушка крылом взмахнула, ей-богу! Или достать тарелку из шкафа – чего проще, казалось бы? А она привстанет на носочки, вытянется в струночку – вот-вот взлетит! Ах, так и смотрел бы...

Одним словом, таких девушек, как Лили, штук десять на каждом углу насчитать можно, а вот поди ж ты – и не заменишь её ни на какую другую...

Значит, я всё-таки влюблён. Жениться?

Нет, я не женюсь на Лили. Будет обидно сознавать: каждый совместно прожитый день бездушно отрезает кусок от торта чувственных желаний и просто – чувств. Скоро (через месяц-другой – время, отведённое для любовной дури) мы посмотрим в пустую тарелку и поймём: вот и настала пора или терпеливо сносить друг друга всю оставшуюся жизнь, или прощаться...

И зачем мы встретились? Ей-богу – знал бы, что она идёт мне навстречу, так на другую бы сторону перешёл, в переулочек, во двор бы какой завернул!

От одной мысли, что Лили примется кружить по комнатам и жужжать всякую чепуху, у меня уже разболелась голова... Я всякому скажу: смешивать любовь и брак невозможно: из такого теста жизнь выпекает лишь чёрствые пресные лепёшки.

Эта муха окончательно меня раздражила! Встану, прибью негодницу...

Уже и свёрнутой вчерашней газетой замахнулся, а злость вдруг прошла.

И действительно, чего я так на неё ополчился? Ползает? Да и пусть себе ползает! Жужжит? Ну и что? Не без приятности жужжит, музыкально даже. Вот басом загудела, как будто автопоезд в гору взбирается: ужжжас, как тяжжжело!

Ввзззззз!.. – словно бы майский жук мимо уха пролетел.

Филин протяжно ухнул: уфф, угуу...

Вдруг словно бы птица какая певчая спросонья голос подала: пинь-чинь-пинь...

Бу-буммм, – прокряхтел струной задумчивый контрабас.

А вот уже майский жук обратно торопится: ввзззззз!

Стою, слушаю, а рука сама опустилась.

Пусть я сошёл с ума, но непостижимой сменяемостью образов эта муха напоминает мне Лили! Ладно, пусть ползает – божья тварь всё-таки.

Ага, притихла... Вот она – благословенная тишина! Так бы и Лили – молча... Нет, не представляю её с закрытым ртом! Молчащая Лили – это что-то жуткое, как бумажные цветы или невеста в чёрном платье.

Муха всего-то минут пять молчит, а от тишины в доме зазвенело в ушах. И почему она притихла, почему не бьётся головой в стекло, не понимаю! Телевизор, что ли, включить, – всё-таки будут какие-то звуки в доме...

Решено – я женюсь на Лили! Если торт чувственных желаний не резать поспешно ломтями, а отщипывать от него сладкие крошки, то надолго хватит – может быть, и на всю жизнь. А моё чувство к Лили так велико, что если представить его воздушным шаром и проткнуть, так, пожалуй, и состаришься, ожидая, когда он испустит дух.

Вспоминаю свою первую встречу с Лили и убеждаюсь: это само провидение вмешалось в наши судьбы: делать мне на той улице было совершенно нечего, да и шёл я по неотложному делу в сторону прямо противоположную – и тут вдруг меня будто развернули да и подтолкнули в спину: иди! Ноги, помнится, так сами и понесли...

Звонок! Немедля – такой же короткий, и – сверлящий длинный. Так в мою дверь звонит одна Лили.

У меня лишь несколько секунд на раздумье – делать ей предложение (которое она ждёт от меня уже давно) или нет. У Лили хватает ума не говорить мне об этом, что называется, в лоб, и только ей да мне известно, чего это ожидание ей стóит: когда мы идём мимо Дворца бракосочетаний, она вдруг замолкает и смотрит куда-то вбок; снова глазеть во все стороны, живо обсуждая всё увиденное, начинает, едва лишь мраморные колонны парадного подъезда Дворца останутся позади.

Наши отношения зашли уже так далеко, что непонимание её намёков (не сказал бы – тонких) – уже неприличность с моей стороны, и, как всякий честный человек, я должен...

Ах, как я не люблю слово «должен»! Хочется воскликнуть, мол, я никому ничего не должен (то есть быть самим собой), да что-то – может быть, совесть? – не позволяет. Одним словом, я должен предложить Лили оформить наши отношения на бумаге, узаконить их, то есть – закрепить. Мысль неуклюжа, да и не нова, хотя и верна по своей сути, но раздумывать об этом уже некогда – я открываю дверь и говорю:

– Здравствуй, счастье моё, горе моё! Здравствуй, Лили!

РАССКАЗ

Сергей Михайлович Амосов – наш иркутско-московский автор – в прошлом номере журнала привлёк внимание читателей своей повестью «Пролетарка». Года не прошло, а у него в издательстве «Российский писатель» вышла целая книга прозы «Ступени» под редакторством Николая Дорошенко. Мы предполагали опубликовать фрагменты его повести «Ступени судьбы», но затянувшаяся пауза между номерами внесла свои коррективы.

Спроси европейца, что он выберет, когда необходимость случится: поступить по инструкции или по душе? Ответит тот, ни секунды не размышляя: конечно, по инструкции. Иначе как? Что такое душа, кто её в руках держал или видел хотя бы во сне? А инструкция – вот она, чётко границы прочерчены: сюда можно, туда нельзя.

Иное русаку от природы досталось. Душа нараспашку – не пустые слова, всё в сторону, когда её охмелит какой-нибудь горький позыв судьбы, сладостно пожертвовать собою ради помощи хоть другу, хоть незнакомцу, пусть даже без пользы, не то что на ломаный грош, на золото-серебро не поменяет русский человек возможность решить дело по душе.

На лесоскладе, где калибруется по сортам спиленный лес, вальщик Федька Тимофеев по прозвищу Арлекина, именно с буквой «а» на конце слова, вечно напевавший только одну строчку из песни: «Арлекина, Арлекина, ааа...», после погрузки лесовоза, которым управлял его дружок Витя Чернокуров, подошёл и погладил длинные хлысты уже умерших сосен. Отнятая их жизнь жаловила Арлекину неизвестно отчего. Ещё недавно эти славные деревья ровно стояли и тихо названивали под ветром таёжные мелодии, подняв на зимнее яркое солнышко зелёные щёточки крон, затаив в себе густую, прозрачно-золотистую смолу, как живую, тёплую кровь.

Сам Арлекина и валил сосны сегодня, как и вчера, едва тайга освещалась утренним серебристым светом, вонзая чавкающую бензопилу в живое древесное тело. Разбрызгивая опилки, она то стонала, то ревела, меняя тон, но всегда доводя до конца поставленную, казалось, именно ей, бензиновой пиле, производственную задачу, умудряясь при этом своими рукоятями удерживать дробкие от недостаточной силёнки человечьи ручонки. Куда им, слепленным из неизвестно какого мягкого теста, до её неколебимой железной силы и воли.

Сделав своё лесовальное дело, Арлекина часто впадал в печаль. Не этим ему хотелось заниматься, но здесь, в таёжной глухомани, редко кто мог найти

выход на большую землю. Разве только очень способные и привороженные к чему-то иному, к несовместимому с тайгой делу, могли оторвать от себя мощные сосновые лапы и крючья кустарников, с малолетства вцеплявшиеся в каждого родившегося здесь. Причём одних способностей было маловато, требовался ещё и характер, чтобы преодолеть притяжение этого края. Большинство людей, не видевших ничего иного, кроме бескрайнего глубокого моря изумрудной зелени, волнами поднимавшейся на увалы и скатывающейся в распадки, упивавшихся невидимым, но необыкновенно напоённым ароматами трав, цветов и деревьев воздухом, под чистейшим, никогда не мутневшим городской болтанкой небом, — счастливы были именно здесь.

Таким счастливецом ощущал себя Витя Чернокуров, правда, никогда об этом не задумываясь, а только всегда чувствуя какую-то радость от своего пребывания на этой земле.

Друзья были молоды, только-только из армии, наслаждались своей свободой, когда уже уходишь из-под отцовской руки, но ещё не надел на себя семейного хомута.

Стоял декабрь, уже всюду подавляли морозы, укладывался через день да каждый день слоями молодой снег, сначала лёгкой опушкой, а потом всё плотнее и плотнее, наращивая сугробы, словно довольный собою боров наплавлял белое жирное сало.

Таёжники смену времён года переживали легко. Вовремя перестраивались на нужный лад, меняя одежду, образ занятий, да и жизни тоже, втаскивая в свои избы летом травы и ягоды, под осень — грибы, орехи, а на зиму — рыбацкую и охотничью добычу, всё то, что извечно отмеряла им сибирская тайга. Тем насыщались, не забирая больше, чем нужно, от дедов-прадедов зная: схваченное по жадности обязательно сгинет или превратится в труху, то есть умрёт, а использованное по назначению как жило, так и дальше будет жить, проходя путь превращений из одной сути в другую.

Витя, плотный, высокий, напоённый силой жизни в естественной природе, никогда не мёрз, разве что иногда зябко было, а всегда холода только бодрили, наливая щёки румянцем, осветляли белки его больших карих глаз чистейшим фарфором. Наброшенная телогреечка окрыляла Витины плечи, рукавицы чаще оставались в карманах, большие мясистые руки всегда были теплы.

Обходя нагруженный лесовоз, Витя похлопал его по капоту, ощущая, словно живую, отдачу автомобильной щеки, внимательно осмотрел крепёж длиннономерных хлыстов, улёгшихся толстыми концами на платформу машины, а тонкими — на двухосный прицеп-ропуск, прикреплённый жёсткой штангой.

Рядом с пассажирской дверцей его уже поджидал Арлекина. Ссутулившийся, с прядками длинных волос, топорщившихся на затылке из-под шапки, темноватый лицом, он источал какую-то печаль. Крест-накрест сложенные руки для тепла прятал подмышками, слегка переминался ногами, видно, мёрзли, хоть и утопали в мощнейших собачьих унтах.

— Витюха, ты в райцентр, на станцию, а когда обратно?

— Ещё два рейса должен срочно сделать — на станции платформа ждёт. Сейчас еду, разгружаюсь и обратно, сразу вторая ездка, в общем, сюда на склад завтра к обеду вернусь. Почти сутки за рулём, оплата аккордная, хозяин заказ в области получил, Петровича с утра поднял, по-быстрому сгоношиться едва успели, так что, хоть уже шестой час и темнеет, поеду.

– Потянет такая раскладуха, – Арлекина оживился, – я с тобой до дому, помоюсь в баньке да и выпью слегка, а то тоска опять заедать начала. Вторым рейсом обратно меня заберёшь. Всё равно с утра из-за мороза валки не будет.

– Чего тебе тосковать, живёшь тут на воле, сам себе король. Видно, паря, жениться пора, давай, выбирай невесту, глядишь, и я рядом с тобой остепенюсь.

Разговаривая, они уже уселись в остывшую кабину лесовоза. Витя завёл мотор, и тот звонко запел ровную песню, показывая, что он вполне здоров и даже скучает по настоящей работе.

Витя водил лесовоз мастерски, тронул с места плавно, и длиннющая сцепка покатила по зимнему просёлку, почти сразу подступающему к задам большой деревни Турунтай, где базировался, давно усопший, видимо, навсегда, леспромхоз, а не его месте теплилось ограниченное ответственностью общество с дивным для здешних мест названием «Пальмира Сибири». Учредитель этого общества, бывший инженер леспромхоза Аркадий Евдокимов, когда-то мечтал пожить на югах, но не удалось. Тогда он воплотил мечту в названии своего самостоятельного хозяйства, которое состояло из трёх лесовозов, другой кое-какой техники, лесосклада и бригады универсалов, готовых хоть деревья валить, хоть грузить, хоть стропалить – были бы заказы. Всеми делами на месте заправлял бригадир со значимой фамилией и именем: Горбачёв Михаил, но по отчеству – Петрович. От стойкой нелюбви к своему однофамильцу, запустившему страну не той дорогой, что надо, он представлялся всегда по отчеству, хотя был ещё далеко не стар, и раньше очень любил, когда его называли только по имени и фамилии.

Евдокимовское малое войско в дружбе и согласии выживало, основной объём заготовки выполняя зимой, когда застывали дороги до дальних делян. Петрович верховодил над лесорубами, а Евдокимов в райцентре и в области договаривался с покупателями. Печать «Пальмиры Сибири» носил всегда с собой в кармане обширных штанов и, заключая договоры, торжественно извлекал солидную, как толкушка, стучалку, погружая руку в штаны чуть не по локоть, а на появлявшуюся недоверчивость и неодобрительность таким примитивизмом контрагентов подымал ладонь, как католический ксёндз: мол, будьте покойны, договоры для «Пальмиры Сибири» святы.

Вечерело. Подсиненная чистым таёжным небом темнота легко укладывалась на землю. Лесовоз миновал длинную главную улицу деревни, довольно ровную, без больших ухабов, и со всей своей механической отчаянностью нырнул в зимнюю колею, тянувшуюся до самого райцентра.

Витя сбросил скорость, сдерживая биение руля, передававшееся от колёс, и весело заругался, как делал это много раз.

Приятеля закурили, пуская дым в щёлки над приспущенными боковыми стёклами, и молчали, каждый утопая в своих мыслях.

Лесовоз страдал, рыская по разбитой дороге, никогда не знавшей асфальта, и лишь изредка получавшей небольшие порции гравия. Витя изучил все ямы и колдобины, но и он не мог избавить своего железного друга от тягот таёжного просёлка, выставлявшего напоказ две глубокие колеи, продавленные даже зимой почти до голой земли, и нарастившего ноздреватый хребет между ними. Лесовоз, тем не менее, под Витиными умелыми руками ходко шёл вперёд, рыча и отплёвываясь, его крепкие, ещё советские, мосты выдерживали нагрузку – словно весь механизм понимал, что создан именно для такой езды.

Арлекине скоро наскучило качаться и скакать:

– Витёк, у тебя выпить есть? Все шофера по-зимнему с собой спиртягу возят. Может, и у тебя бутылочка спиридона найдётся?

– Есть, – охотно сообщил Витя. Ему тоже не впервой случалось выпивать на дороге. Ехать веселее, как-то разнообразнее. Тем более, дорожная автоинспекция на эту дорогу, да ещё вечером, никогда не заглядывала. В райцентре есть несколько гаишников, но в тайгу они не суются. Ещё не хватало свой транспорт уродовать ради контроля редких лесовозов.

– Когда в райцентр припылим, все инспектора уже спать завалятся, нужда им на морозе неизвестно кого караулить. Так что тормозни, выпьем чуток, – Арлекина повеселел, достал из бардачка кружку и в пакете кусок засохшего хлеба. – Ого! И закуска есть!

Витя остановил машину, откуда-то, словно из-под себя, достал полулитровую бутылку спирта и пластиковую – воды.

– Как пить будем, разведём или чистого примем? – Витя вопросительно взглянул на Арлекину.

– Чистого, конечно, чистоганчика, – заулыбался тот, – мягко проходит, тактично, колом не встаёт. Я, когда в армии служил, простудился как-то, в санчасть положили. Вечером сидим, ещё кирюхи были, анекдоты травим, медбрат с нами. Ну и стали его раскалывать: принеси да принеси спиртика. Уговорили. Сходил, откуда-то кружку полную несёт, почти пол-литра, ну, может, грамм четыреста, и глюкозы несколько ампул. Глюкозу в спирт слил и смесь эту всем нам в стаканы плеснул. Выпили. Ты знаешь, ничего приятнее больше не пил. Ни коньяк, ни виски сравнить нельзя.

– Текила тоже ничего, – Витя открывал спирт.

– Наш самогон лучше, – продолжал щеголять знаниями по выпивке Арлекина, – первачок можно довести градусов до восьмидесяти, а старичок вообще прелесть, сорок – сорок пять.

– Что за «старичок»?

– Это, парень, вторая перегонка той же самой барды. Не знал, что ли? Темнота! – Арлекина взял протянутую другом бутылку, плеснул спирта в кружку и, не разводя, вдохнул воздух, одним глотком выпил, выдохнул, запил водой прямо из горлышка. Налил Вите и, пока тот настраивался, захрустел сухарём.

Неразведённый спирт проскальзывал мгновенно, без сивушного водочно-го вкуса, только обжигал горло, и сразу же по всему организму разносил тепло. Выпили по второй.

– Две – к покойнику, – проговорил уже веселее Арлекина, – таёжный закон: давай по третьей.

– Хватит, – остановил его Витя и забрал бутылку. Но только отъехали, от выпитого захорошело, он опять притормозил:

– Ладно, давай по третьей, в тайге законы надо соблюдать, особенно зимой, да ещё к ночи.

Ночь уже действительно окутала тайгу, тучи скрыли луну и звёзды, только свет фар лесовоза чуть-чуть оживлял замертвевшую округу.

– Не считается, – сварливо заявил захмелевший Арлекина, – теперь по новой опять три раза выпить надо, иначе фарта не будет. Сам знаешь, Витёк, по одной вообще пить нельзя, мараться только – это городские тетюхи так закладывают, в тайге выпивают по-настоящему, солидно.

– Убедил, – согласился Витя.

Друзья, не задерживаясь на разговоры, пропустили по три порции неразведённого спирта, на последний заход воды оставалось всего ничего, только по плотку задавить огонь-питьё, сухарь исчез уже после первой кружки. Закурили на закуску. Витя поболтал бутылку, спирта оставалось на пару сантиметров от донышка.

– Ну, даём мы с тобой, Арлекина, считай, по бутылке водяры выдули, и ни в одном глазу!

– Мороз, – глубокомысленно изрёк тот.

Поехали. На самом деле, хмель обуял обоих, в головах заструились приятные мысли друг о друге до такой степени, что можно обняться даже двум мужчинам и расцеловаться от таких чувств.

Лесовоз уже без заботливого Витиного внимания ехал словно сам по себе. Мотор ворчал с укоризною, но друзьям было всё нипочём.

Вдруг на каком-то повороте лучи фар, сойдя с дороги, высветили подножие леса и брызнули на лежащего в снегу человека.

– Тормози! – не своим голосом закричал Арлекина, хватаясь за руль и толкая Витю. Но тот и сам давил тормоз так, что длиннющие хлысты сосен, затаренные на лесовоз, закрипели, двинулись на кабину и едва удержались в крепеже.

Оба лесозаготовителя выскочили из кабины. Не очень-то лёгкая жизнь шла в таёжных деревнях и посёлках, народ здесь всегда плодился лихой, отчаянный, но чтобы убить кого – это случалось очень редко. Подраться, расквасить носы, наставить синяков – всегда пожалуйста, с нашим удовольствием. Но убивать – нет, отойди-подвинься, мы народ мирный.

В сугробе на боку лежал недвижимый человек. Когда друзья перевернули его на спину, рука упала, как плеть.

– Мёртвый! Откуда только он здесь взялся? Может, в другом месте ухайдокали, а сюда привезли и выбросили? – подытожил беглый осмотр тела Арлекина. – Я же говорил, что два раза выпить – это к покойнику.

– Мы же по три усандалили, – возразил Витя.

– Повторный раз не считается. Говорил тебе сразу: давай по третьей, – так ты своё: хватит. Хватило вот. Что делать будем?

– Бросать нельзя, не по-христиански. Да и вообще, в тайге, сам знаешь, и живому всегда помогать надо, если что, а тут покойник. Только куда его взять-то? В кабину?..

– Я с покойником в обнимку не поеду! – вскинулся Арлекина.

Но Витю уже и самого передёрнуло от такой мысли. Он начал рассуждать практически:

– Грузим его на хлысты, зацепим за крепёж, а в райцентре сдадим в морг.

Дружки, не замечая, что их развезло от спирта и пошатывало, за ноги волоком потащили тело к машине.

– Ещё вроде тёплый, недавно помер, несчастный, – бормотал Витя, втапливая с Арлекиной покойника на хлысты позади прицепа, где тонкие вершины сосен свисали над дорогой пониже. Кое-как прицепили за одежду, слетевшую при волочении шапку подобрали и плотно натянули на голову. Покатали дальше, уже трезвее от такого случая, и до самого райцентра обсуждая, что же произошло на самом деле.

– Он не замёрз, – значительно рассуждал Арлекина, – если бы замёрз, то был бы, как колода мёрзлая, фиг мы его на хлысты бы вздрючили. Тёплый ещё был. Значит, прибили, а крови нет – значит, задушенный. Вот беда так беда. Нет, не врут законы таёжные – взялся выпивать, пей не меньше трёх стопок!

– Да, – соглашался Витя, – старики рассказывали ещё и не такие случаи, если приметыв человек не соблюдает, всегда делается то, что судьба обещает. В прошлом году сосед по райцентру, Митрофанов, рыбачить собрался, лодку уже от берега толкает. Глядь, сын бежит, Лёха, одногодок мой. Возьми, кричит, папа, возьми с собой. Отец ни в какую. Ты, мол, пьяный, а река пьяных не любит. Так и не взял.

– И что случилось? – любопытствовал Арлекина.

– Живы остались, вот как мы с тобой. Живут и дальше, в баню ходят. А поплыли бы вместе рыбачить – обязательно или оба утонули бы, или кто-то из них. Соблюдать законы, соблюдать нужно.

– Правильно, – поддержал его Арлекина и стал разъяснять, как надо по местным законам выбирать невесту и ладить свадьбу.

Эта злободневная для них тема отвлекла от покойника, но Витя, как и задумал, на автомате подкатил к районной больнице, где находился морг.

Интересный разговор о невестах пришлось прекратить. Оба ходко выскочили из кабины и каждый со своей стороны заковыляли, разминаясь после долгого сидения, к прицепу.

Покойника на хлыстах не было! Друзья замерли от такого наваждения, трясли головами, не решаясь ругаться, суетливо несколько раз перекрестились, путая правое плечо с левым и выдыхая в мороз густой спиртовой перегар. До Господа такие крестные знамения, конечно, дойти не могли. Оробев и не веря самим себе, они враз каждый про себя подумали, что так пить больше нельзя. Тем более неразведённый спирт. «Я выпил спирт неразведённый у неразведённого моста... а... а...» – затянул неведомую песню неизвестный голос в голове музыкального Арлекина.

– Не мог же покойник сам с лесовоза прыгнуть, – наконец начал соображать более хладнокровный Витя. – Значит, отцепился при тряске. Или мы его спьяну вообще не закрепили. Арлекина, ты труп цеплял?

– Нет. Кажись, ты цеплял.

– Может, и я, не помню, но вроде ты. Короче, всё ясно, как белый день: скатился у нас покойник с хлыстов, и все дела. Что делать будем?

– Что делать, что делать, по таёжным нашим законам покойника в тайге оставлять нельзя, медведь сожрёт.

– Медведи в берлоги залегли на зиму, лапы сосут, а вот росомаха издалека мёртвых чует, ей первое дело убоинкой закусить. Волки, соболя, да мало ли мясоедов по тайге зимой голодных шастает. Как рассветёт – вороны налетят, поклюют мертвяка, и не распознать потом, кого тут смерть застала... Сколько сейчас времени? – Витя глянул на часы. – Ух ты! Уже девятый час, а я ещё лес не выгрузил. Опять же время терять – точно обглодают звери покойника, одни кости оставят, а то и кости растащат. Обычаев нарушать нельзя – несчастье скараулит. Видишь, оступились, мелочь, кажется, только по два раза выпили, а уже покойник есть. Нет. Едем обратно к Турунтаю, искать будем. Глаза протри и не моргай, выглядывай его, я тихо поеду.

Лесовоз с длинномером еле-еле развернулся на площадке возле районной больницы и как бы нехотя, вопреки его автомобильным планам, покатиł обратно. За последними домами опять нырнули в разбитый просёлочек, свет фар запрыгал то вверх, то вниз. Не замечаемая по пьянке тряска сейчас раскачала у обоих все внутренности, бултыхая по пустым желудкам редкие куски бывшего сухаря.

Покойника нигде не было. Друзья водили взглядом вслед за светом фар, вглядывались в боковые сугробы. Везде разливалось недвижимое сонное царство, надёжно покрыв снегом тайгу. Несколько раз Витя останавливал машину, выходили на дорогу, осматривали подозрительные предметы, то коряжину, то пенёк, издали хоть чуть-чуть напоминающие человека.

Отчаивались всё больше, а вдруг медведь-шатун какой-нибудь уже утащил тело вглубь тайги. Косорукие, не могли как следует закрепить тело!

Вдруг свет упал на шагающего навстречу человека.

– Вот он! Вот покойник! Ожил стервец, сам навстречу чапает! – закричал Арлекина. – Останавливай бронепоезд, покойника опять грузить будем!

– Чокнулся ты, паря, мертвецы не ходят! – вскричал Витя, сам удостоверясь, что вставший теперь на свету человек – и есть их тот самый покойник.

Чуть опасаясь какой-нибудь чертовщины, они выбрались из кабины, а Витя на всякий случай прихватил с собой монтировку, которую всегда держал в кабине, ловкую и ухватистую. Но покойник, теперь уже явно живой, закричал, что он свой, из деревни, не пугайтесь, не разбойник.

– Заблудился, не знаю, куда иду, где деревня, где райцентр, в какой стороне. Подпил лишнего – все ориентиры потерял. Ни ружья с собой, ни ножа. Думал, подохну, а тут вы – значит, спасся, поживу ещё. Спасибо, мужики, у меня теперь перед вами должок, обязательно надо вам праздник устроить, моё спасение обмыть.

Спасённый оказался турунтаевским мужиком, Володей Макаровым, задубевшим на морозе до такой степени, что когда они все трое взгромоздились в кабину, его начала трясти крупная дрожь. Оставшегося в бутылке спирта хватило, чтобы бывший покойник стал оживать и рассказывать свою историю.

– Напился я, братцы, сегодня по-серьёзному от обиды на жену. Надо же ей было вспомнить, как она меня обманула, да ещё больше десяти лет назад. Помните, Горбачёв выпивку запретил?

– Какой Горбачёв, Петрович, что ли? – заинтересовался Арлекина.

– Да нет, не Петрович, а московский Горбач, который страну поломал. В общем, пропала водка из торговли, а я всю жизнь при магазине. И тогда тоже товароведом в потребсоюзе работал. Имел доступ к бакалее. Решил подзаработать, стал в райцентре водяру покупать, с наценкой, конечно, не без этого, а у себя в деревне тихонько, прямо из дома продавать ещё дороже. Хорошо торговалось, наварчик капал – будь здоров, Федя, не кашляй, но враз это доходное дело прекратить пришлось. Однажды в почтовый ящик за газетками сунулся, а там письмо в официальном таком конверте из толстой бумаги, без картинок. Марка заковыристая наклеена, адрес мой и я сам не рукой, а машинкой пропечатаны. Не подозревая ничего, мало ли какие официальные письма в деревню приходить могут, открываю конверт, а там всего один листок бумаги, и тоже машинкой печатан. От прокуратуры нашего района мне письмо, название посередине: «Предупреждение», – а дальше грозно так написано, мол, ты,

товарищ Макаров, нарушаешь противоалкогольный закон, распространяешь водку среди мирного населения деревни Турунтай, если и дальше будешь этим заниматься, то арестуем и посадим в тюрьму, прокурор такой-то. Подпись и печать. Главное, печать необычная: вся синяя, а буквы белые, и не круглая, а фигуристая, – она меня больше всего и напугала. Короче, бросил я этот бизнес. Доход, конечно, потерял. Сейчас-то опять торгую помаленьку, теперь можно. Но так тогда испугался, что ни водки, ни сигарет больше не вожу, одну бакалею: конфеты, консервы, крупы разные. Магазинчик в Турунтае – это мой. А вчера днём с женой и тётчей разругался, причина плёвая: начали мне указывать, какие конфеты возить, какие не возить. Я сам знаю, какие, главное не ассортимент, а цена в опте, где какую выгоду можно взять. Тёща капризничает: я, мол, карамельки мятные люблю, а ты их редко возишь, назло, не любишь маму жены, сладким не потчуеться, а сам на готовенькое к нам в дом припёрся и жену за собой притаранил. Тут меня занесло. Жена, говорю, моя, но дочь-то она твоя, как я её припереть могу, когда она тут из тебя выскочила, да всю жизнь здесь соплю пускала. Жена, как услышала про соплю, так совсем озверела и про себя забыла. Давай кричать: ты такой, сякой, рыба душа, это, значит, меня рыбалкой попрекает, ну и в запале выскочила из неё заноза давняя про то письмо грозное. Это, кричит, я тебе то письмо написала, ты же водкой спекулировал и сам подпивал, ханыга! Вот и черкнула я своё сочинение с подружкой Тонькой, почтаркой. Прямо на почте сварганили, там же на машинке отстучали и печать пятиугольную вклеили, которой сургуч на пакетах шлепают, смазали слегка, чтоб не ясно, какие буквы оттиснуты. Конверт нашли ещё старый, чуть ли не сталинских времён, жёсткий, не рвучий. Там же в райцентре в почтовый ящик спустила. Когда ты, дырка от макарона, читал и морду то в крапинку, то в полосочку делал, мы с мамой от хохота чуть не померли. В общем, прокусила тебя под самые жабры. Ну, мужики, тут я по-зверски взъерепенился: подлюга ты, Лидка, а не подруга жизни! Какого бизнеса лишила, американские гангстеры на водке состояния делали, а потом в правительства залезали. На самом подлёте меня срезала. Она опять в хохот и пальцем в меня тычет: гангстер, кричит, гангстер, теперь тебя только так звать буду и по всей деревне развоню, чтобы прозвище это, как к собаке, прилипло. Дура ты, Лидка, дура! Я в ответ весь из себя выворачиваюсь, нутрями наружу лезу, дочери две у нас взрослые в городе живут, тоже гангстерками звать будешь? Короче, драться не дрались. Ясное дело, двое бы они меня ухайдокали. Плюнул, сел за стол и бутылку водки за три захода хлопнул. Без закусона. Полушубок схватил – и на двор. Всё, кидаю вас, как шелуху в огород. Пошёл к маме в райцентр, по дороге, думаю, попутку поймаю. Иду и планы строю: отставлю я это подержанное бабье, переведу торговлю в город, женюсь заново и – Вова не горюй! Легко как-то на душе стало, радостно. Шёл, шёл, долго шёл, тут и заусило, крепко опьянел. Сошёл с колеи, чутко, думаю, посижу, покурю, ну и отключился. Очнулся: что такое? Лежу на брёвнах, еду куда-то, сучок бок теребит, на ухабе как подкинет меня, да ещё раз! Тут и скатился в снег, не разбился, правда.

– Мы же тебя, как покойника, прицепляли, вроде, к крепежу, но, видать, не крепко. Распутало по дороге, – Арлекина посожалел, что слабо прикрепили, повинился перед воскресшим Володей.

– Так это я на вашей машине ехал? Ну дела! И опять еду. Куда пилим-то?

– В Турунтай, куда же ещё, обратно, вон уж огни показались, – подал голос Витя.

– Мне же в райцентр, к маме, мне в Турунтай нельзя.

– А как я здесь развернусь лесовозом? – Вите стало смешно. – Едем в колеса по самое брюхо, как поезд по рельсам, только в Турунтае разворот сделать можем.

Замолчали, закурили, наполнив кабину дымом до осязаемой густоты. Спустили боковые стёкла, и чистейший таёжный дух настоя на сосняке и ельнике ворвался в кабину и щедро опоил эту пусть далеко не святую троицу. Вдруг Володя, что-то, видимо, для себя решив, заявил:

– Мужики, если бы не вы, то наверняка застыл бы в снегу, как боров под Новый год подбитый и замороженный. Вы спасли, к жизни вернули, спиртиком разогрели, так что второе рождение праздновать к себе приглашаю. Тёща, дай Бог ей здоровья, пельменей мешок накачегарила, объединенье, а не пельмени. В бульончике, когда он бурлит и пенится, с жирком, перчиком и лавровым листочком, а то и печёночку туда подложит, да рюмочку водки калгановой, сохранилась у меня, берегу, как пропустим – куда как не в небеса душенька воспарит.

– Ты же концы здесь обрубил, в город подался, – съехидничал Арлекина.

– Да ладно, чего в жизни не бывает, особенно по пьянке. Я сам виноват, упёрся в эти конфеты, привезу я им, какие хотят. Здесь у меня всё налажено: и рыбалка, и охота, торговля, главное, идёт потихоньку. Никому ничего не должен, а в городе на пустом месте начинать. Нет, ну к чёрту. Лидия, жена моя, хорошая баба, привык я к ней, спать лягу, так никого и не надо, всё путём. Тёщенька – так вообще одно развлечение с ней, как скучно станет – полаемся, глядишь, и занятие нашлось.

– Я же на разворот еду, уже одиннадцатый час, ночь хреначит. Вторым рейсом идти должен, а я первый обратно практически на лесосклад везу. Петрович узнал бы – от смеха помер, – Витя проговорил это как-то неуверенно, очень уж пельменей горяченьких захотелось, да под рюмочку – чего ещё надо в морозную ночь!

Арлекина, которого не давила служба, горячо стал уговаривать Витю зарулить хоть на часок к бывшему покойнику Володе.

– Всего-то делов, час один. Не спасёшься, всё равно опоздали. Заскочим, Витюха, жрать хочется, спасу нет, сухарь когда мы схрустели, следа от него в животе нет, а ещё в райцентр почти три часа пилить в ночь, да голодными. Лучше переест, чем недоспать, так говорит закон таёжный. Рули, Витя, к пельменям, а ты, воскресший, показывай дорогу.

Арлекина убедил Витю, и тот повёл лесовоз по боковой улице вглубь Турунтая, куда показывал Володя. Подкатили в темноте к большому крепкому дому, сложенному из кругляка в обхват на высоком фундаменте.

– Новый дом срубил, год назад, старый разобрал, только что на дрова пошёл, – с гордостью пояснил хозяин.

Лесовоз грозно газанул, останавливаясь, рывкнул для форса. В темноте острорылая кабина и вытянувшийся за ней мощный хвост сосновых хлыстов превратили его в огромного крокодила. Словно глаза, сверкнули фары, и он затих. Тут же захлопали двери дома, и настежь от крепкого толчка распахнулась калитка. На улицу выскочили две женщины, можно было предположить – жена и тёща несостоявшегося беглеца и покойника. Так и оказалось. Они захо-

потали вокруг него, словно встречали после долгой разлуки, хотя расстались всего несколько часов назад. Володя, втягиваемый неодолимой женской силой в дом, оглянулся на скромно топтавшихся возле механического крокодила своих спасителей и объявил, что это его самые дорогие гости, которых следует приветить и накормить. Женщины тотчас бросились к ним и, не обращая внимания на отнекивания, схватили за рукава и втащили в дом. В сенях, уже тёплых, помогли раздеться, снять унты, на ноги достали, невесть откуда, глубокие войлочные монгольские домашние туфли, ноги в которые окунулись, словно в специальный подогрев, мгновенно поднимая от оживающих ступней по всему телу уют крепкого сибирского дома.

В большом зале, напоённом ярким светом люстры, прямо посередине, словно влитый в широчайшие плахи золотистого под лак пола, заждался гостей могучий стол, уже накрытый домашней снедью: осклизлыми пухлыми груздочками, пластинами мраморного с прожилкой сала, ярко-красными маринованными помидорами, обложенными крепенькими пупырчатыми огурчиками, на большом блюде гордилась поджаристой коркой свежая, ещё тёплая буженина. Вокруг этого великолепия витал такой ароматный дух, что друзья-лесовики вмиг забыли и лесовоз, и свои другие дела, ощущая возможность вот сейчас, сию минуту войти во врата рая.

Володины женщины приготовили всё специально. Когда он, кое-как одевшись, выскочил после их ссоры прочь из дома, выкрикивая, что никогда не вернётся, они ещё минуту горячились, сияя глазами от своей победы над ним, но тут же, остыв, впали в жалость, таким одиноким и несчастным он им теперь показался, обиженный по пустякам, единственный их кормилец, надёжа и опора всей жизни. Ощущение того, что его больше не будет рядом, хоть и не верилось в это, наполнило их таким страхом, что жена и тёща, не сговариваясь, стали энергично хлопотать, устраивая его несомненное, так им хотелось, возвращение. Каждая из них, ещё недавно с упоением кидалась в него взявшимися словно ниоткуда обидными словами, теперь в раскаянии только и думала: хоть бы поскорее вернулся, и уж тогда обязательно угодить ему.

А Володи всё не было и не было. Быстро стемнело, время покатило к ночи, но на улице за калиткой стояла обычная зимняя тишина. Лишь гулкие деревенские звуки изредка долетали откуда-то издалека.

– Истопим баню, мама, придёт с мороза, погреемся, – устав от ожидания, предложила Лида. Опять две женщины засуетились, найдя отдушину затянувшемуся ожиданию. Как раз к тому моменту, когда баня созрела, шумнула с улицы автомашина, остановилась точно у ворот, звонко лязгнув металлическими частями. Тут уж без слов они выскочили на улицу, не сомневаясь, что Володя вернулся. От враз похорошевшего настроения и от всего вовремя приготовленного к встрече забылась и ссора, и её причина. В суете и суматохе это вылетело из головы и у Володи.

– Мужички, намёрзлись, натрудились, примите по рюмочке для согрева, закусите солёненьким, да в баньку, обычай у нас такой таёжный, а мы к вашему приходу пельменей наварим побольше: и в бульоне, и со сметаной, и в маслице, – Лида хлопотала так, что, казалось, с одним словом трижды оббегала своего Володеньку. Витя и Арлекина почувствовали, как затомились все их жилочки, стали чуть ли не вслух постанывать натруженные за долгий зимний день косточки, и враз потерялось задание начальства. Время остановилось,

ёмкие рюмки калгановой обжарили голодные желудки, сопливенькие груздочки, по ломтику сала с пышным деревенским хлебом чуток утолили голод, и ноги сами понесли в баню.

Напластавшись берёзовыми вениками, напарившись не до седьмого, а, наоборот, до семнадцатого пота, отдыхая в прохладном предбаннике, наша троица ещё раз прошла по следам сегодняшних удивительных событий. Когда вернулись в дом, об этом уже не вспоминали: тема себя исчерпала, и разговоры пошли про жизнь, про политику, про важные деревенские дела.

Не заметили, как опустела уже третья полулитровка, а пельмени в организме встали в очередь, заполнив всё внутреннее пространство желудков, отказывающихся их переваривать. Веки слипались, головы сами падали, не держась на шее, но Витя упрямо настаивал ехать на станцию.

— Надо. Задание имею, план. Два рейса к утру сделаю — премия светит, — порывался он встать.

Женщины давили ему на плечи, усаживали на место, а он опять силился подняться. Наконец тёща заявила:

— Закон такой есть, когда выпил, если по одной половине пройдёшь — то всё, можешь за руль садиться. Если не пройдёшь, то отоспись, потом езжай.

Витя загорелся доказать всем присутствующим, что он не только по одной половине пройдёт, а ещё и спляшет на табуретке матросский танец «Яблочко».

Расчистили место от стены до стены. Витя ступил первый шаг по половине, потянулся вторым, но его неудержимо понесло в сторону, и он повалился на пол. Подняли его женщины со смехом, подцепив под руки и ласково приговаривая о необходимости отдыха, уже не сопротивлявшегося отвели в гостевую комнату, помогая улечься на кровать прямо в одежде.

Витя заснул мгновенно, скоро на другой кровати, напротив, засопел Арлекина. Где-то в своей спальне устроился Володя, а жена и тёща, стараясь не шуметь, убрали со стола, помыли посуду и тоже легли спать, довольные тем, что такая яростная ссора окончилась, как будто её и не было вовсе. Володя за весь вечер о ней не вспомнил, увлекаясь разговорами с гостями. Вскоре спал крепким сном уже весь дом, все его в обхват брёвна, трёхрамные, затворенные ставнями окна, столы и стулья, изредка только скрипом постанывали половички невесть отчего. То ли от своих каких-то деревянных болячек, то ли тихий домовый нечаянно задевал разохшуюся плаху.

Чёрный, как сажа, крупный сибирский кот по кличке Поручик, весь вечер терпеливо томившийся в укромном местечке, дождавшись темноты, бесшумно вышел на простор. Потянулся и, невидимо тёмный в темноте, мягко ступая, стал отыскивать, где бы тоже устроиться на ночлег. Обошёл хозяев, но от них наносило сивушным духом, которого Поручик не переносил. Заглянул в гостевую, но там, кроме перегара, витал ещё и запах бензина. Кот брезгливо поморщился и отправился в пустую комнату, где запрыгнул на кресло, которое считал неудобным по сравнению с кроватью, но зато здесь не было муторных запахов. Потянувшись, Поручик свернулся калачиком и уснул.

Спал весь таёжный мир. Не до сна было лишь Петровичу, он пребывал в полнейшей тревоге. Отправив в половине шестого гружёный лесовоз на станцию, он стал ждать его возвращения порожняком, чтобы загрузить на второй рейс и к утру обеспечить необходимыми кубами леса железнодорожную платформу, которую затем маневровым тепловозом подогнать на сортировочную

станцию, где как раз формировался товарняк, следующий в нужном направлении.

Петрович ждал звонка от экспедитора со станции, который оставался там, чтобы обеспечить разгрузку и позвонить по стационарному телефону, когда лесовоз пойдёт в обратный путь. Но звонка не было. Ни в назначенное время, ни через час. Тогда Петрович позвонил экспедитору сам и не сразу поверил ему, что лесовоз на станции ещё не появлялся. Подождали ещё с полчаса. Мир на этом кусочке таёжной земли затаился в темноте недвижимо, не то, что огромный лесовоз, а и малая птаха не беспокоила величавую морозную ночь.

За долгие годы работы на лесоповале Петрович помнил немало происшествий на зимних дорогах. Случится поломка, и водитель может замёрзнуть, если не разведёт костёр. А если авария, и он ранен, обездвижен? Тогда спасения нет. Мобильная связь брала только в райцентре, тут, в тайге, её не было в помине.

Тревога подкинула Петровича со стула, он засуетился, заспешил. На всякое «ЧП» у него всегда был готов УАЗ-«буханка» с полным набором ремонтного инструмента. Но сначала заехал за рабочими, при аварии могла понадобиться помощь, а если всё нормально, и лесовоз встретится в пути, все вместе отправятся на погрузку.

Микроавтобус быстро, насколько позволяла дорога и ночь, двинулся к райцентру. «Хорошо, пурги нет, дорога просматривается, не врежемся, если в колее стоит, – давя на газ и ворочая бьющей на ухабах по рукам баранкой, размышлял Петрович, прогоняя всякие иные мысли об аварии, в какой и не сомневался. Но диво, уже прошли всю трассу, показалась окраина райцентра – лесовоза не было нигде.

«Может, уже разгружается?» – с надеждой подумал Петрович. Но и на площадке перед станцией было тихо. Навстречу «буханке» вышел экспедитор, замахал руками, мол, подъезжайте сюда.

– Где лесовоз? – вопрос прозвучал у обоих одновременно.

– Всю трассу прошли, свернуть ему негде, кругом тайга и сугробы по уши. Может, в райцентре затерялся?

Посадили экспедитора и долго колесили по поселковым улицам. Наконец подъехали к дому Виктора. Разбудили отца с матерью. Те, в свою очередь, переполошились, как и положено родителям неженатого сына. Отец заматерился на всё сразу: шоферскую судьбу, холостяцкое житьё, новую власть и коммерсантов. Мать, готовая уже всплакнуть, предположила с надеждой:

– Может, у дружка, Федьки Тимофеева?

Съездили к Федьке. Того дома не оказалось, но и беспокойства у родни не было, раньше субботы не обещался. Мобильный телефон Виктора по-прежнему был недоступен.

Экспедитор, немного подумав, с уверенностью опытного жулика заявил Петровичу:

– Налево лес погнал водитель, в область. А иначе как, не могла же его нечистая сила испарить.

– Может, инопланетяне утащили? Информацию какую-нибудь снять, – высказал параллельную гипотезу один из грузчиков. Но Петрович от него только отмахнулся, а экспедитору ответил уверенно:

– Чтобы Витя Чернокуров да налево груз увёл! Нет. Наши таёжники на воровство не пойдут. Закон тайги: чужое взять, только когда смерть за грибок возьмёт. Нет, – повторил он, – я скорее поверю, что здесь нечистая сила сработала. Или, я когда сюда со склада гнал, проглядел где...

Петрович снова решительно уселся за руль «буханки».

– Поехали обратно, – скорее себе, чем жавшимся по углам холодного салончика машины такелажникам, приказал он. – Смотреть в обе стороны, не спать!

И снова всю дорогу, шурясь, крутя головой, всматривался в сугробы по сторонам. Впустую добрались до склада, лесовоз исчез.

– Всё, будем ждать утра, в темени этой всё равно ничего не увидим. Как рассветёт – прошерстим опять дорогу до райцентра и, если не найдём, тогда в милицию заявим, – Петрович в самом уголке сознания стал подумывать, не украден ли лес в самом деле.

Скоро рассвело, потому как отъездили они взад-вперёд почти всю ночь. К девяти объявился тракторист-трелёвщик.

– Слышь-ка, Петрович, – спросил он, – а чего это наш лесовоз на низах Турунтаю ночует? Вроде как на станцию лес везти должен.

– Где лесовоз?! Где ночует? – Петрович взвился от такого известия. – Вези в деревню.

Тракторист ездил на работу на своём, самом подходящем для таёжных дорог газике ещё советских времён и, поскольку что-то забыл дома, с удовольствием повёз Петровича.

Лесовоз, заиндевевший налётом снежной пыльцы, проявился перед ним, как сказочный коняга Сивка-Бурка перед Иваном-дураком. Для порядка он не обошёл, оббежал вокруг – всё на месте, повреждений нет, и уже через минуту забарабанил в дверь дома. Первой проснулась теща, глянула через окно, узнала известного всей округе Горбача, открыла.

– Где шоферюга? – не здороваясь, заорал тот.

– Спит.

– Спит?! Буди заугольника! – и сам потопал за ней, не снимая валенок.

Витя посапывал, вольно раскинувшись в тепле. Не замечая Арлекину, Петрович рванул его с кровати. Тот свалился на пол, не понимая спросонья, что происходит, сел и первым делом, увидя начальника, попросил мирным, воскресным тоном:

– Петрович, дай закурить, – про свой гружёный лесовоз он ещё не вспомнил.

Петрович заругался страшным матом и потянул парня за руку на подъём. Тот уже начал соображать, что натворил непоправимое, и, страшась расправы, стал суетливо одеваться. Петрович погнал его на улицу пенделями, поддавая ногой в валенке, как по футбольному мячу.

– Чаю не попьёте ли? – прокричала им вслед ничего не понявшая в происшествии теща. А Арлекина даже не проснулся.

– Что же ты наделал, заугольник, что же натворил, ты сорвал поставку, бизнес загубил, – Петрович сопровождал получившуюся в рифму приличную укоризну таким матерным кудрявым припевом, какого не выдавал раньше и не смог повторить потом. Довёл Витька, крепкого физически, но ранимого душой, до слёз.

Петрович сам сел за руль:

– Я поведу лесовоз на станцию, а ты пассажиром сиди, трезвей, – он опять начал стружить и заливать провинившегося водителя гневными ругательствами, не замечая, что тот уже почти впадает в обморочное состояние. Но за дорогой надо было следить в оба глаза, и Петрович скоро умолк, а Витя стал постепенно приходить в себя, но сохранял закаменевший в груди ледяной страх от своего проступка.

Обратно на склад лесовоз вёл уже он. Молодой здоровый организм легко справился с похмельем, и вторым рейсом со склада на станцию управлял вполне трезвый водитель Виктор Чернокуров. Выспавшийся Арлекина проводил друга, повторяя, как какое-то кино, их ночные приключения: законы тайги, покойника Володю и их бесшабашную удалую жизнь, другой какой и не надо.

– Не горюй, друг, – утешал Витю Арлекина, – опоздали к поезду, зато к человеку успели, жизнь ему наладили. Подумаешь, на пару-тройку дней позже уйдёт платформа с лесом, ничего же не случится. Поезжай, а я пойду Петровичу поклоняюсь, может, злобу-то ему и порастрашу.

Петрович, не спавший всю ночь, чувствовал себя нездоровым, как будто был то ли во сне, то ли в бреду, но только не в реальном нормальном времени, когда всё делается по плану, ровненько, одно следует за другим, и всё складывается правильно, по-человечески. А тут всё наперекосяк. Вздыхая, но что делать, надо, стал звонить хозяину. Аркадий Евдокимов, пребывавший по делам в областном центре, сначала ругался, но, когда услышал ночную историю про покойника, который ожил, свалился с лесовоза и упоил своих спасителей от замерзания, а они, бросив дело, загуляли на радостях, сбавил тон и даже развеселился.

– Выгоняю я обоих, а расчёта не выдам. Пусть-ка теперь без работы побегают, нет им, заугольникам, места на лесозаготовках, где дела серьёзные и деньги большие.

Аркадий смеялся:

– Брось, Петрович! Прощаю их. Сколько зато удовольствия им привалило: человека спасли и на радостях погуляли. А как же иначе? Ведь душа наша лесная всегда нараспашку. Что до штрафа за задержку отгрузки, так заплачу – не убудет. А расскажу железнодорожникам – и их повеселю. Небось, со смеху от штрафа откажутся. А нет, так пусть в скуке своей копеечной чахнут. Нет, Петрович, да за такой анекдот никакого рубля не жалко. Пойми, старик, мужики душой жили, а не рассудком!

Петрович улыбался, всё он понимал, должность требовала на всякий случай погавкать. А так, простили ребят – и ладно.

Почему хозяин так сказал, что руководило им в эти минуты? Тот и сам затруднился бы ответить. Бизнес требовал пресечения расхлябанности, разгильдяйства работников. Только жёсткая дисциплина позволяла обеспечить рациональное и доходное ведение хозяйства. Значит, отступники от этих правил подлежали ответу и не заслуживали прощения. Такой подход к делу выработан давным-давно миром чистогана.

Но почему он не вспомнил об этом, когда узнал, что сорвана его фирмой срочная поставка леса по сделке, которая сулила хорошую прибыль? Кто вложил ему в сознание весёлую бесшабашность, словно соучаствовавшего в трагикомическом происшествии на таёжной дороге удальца, готового щедро разбрасывать в народ пригоршни серебра и злата? Ответ один: русская душа.

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Действующие лица

Дед.

Молодой солдат.

Пожилой солдат.

Никита, сын пожилого солдата.

Характеры, костюмы, декорации

Дед – старый крестьянин, под маской простака скрывает лукавый крестьянский ум. По ходу действия ему нужно будет играть на гармошке (можно на каком-либо другом народном инструменте) простейшую плясовую мелодию, плясать, а вернее, изображать, что пляшет. Одет в простую крестьянскую одежду, обут в лапти.

Молодой солдат (М.С.) – уверенный в своей правоте во всём, очень эмоционален, иногда в разговоре жестикулирует и ведёт себя, как на митинге. Одет в выдавшую виды форму солдата Первой мировой войны. Обут в хорошие сапоги.

Пожилой солдат (П.С.) – тоже уверен в своей правоте, но ведёт себя спокойно. Одет как и молодой солдат, но обут в разбитые сапоги или в обмотки.

Никита – молоденький крестьянский паренёк. Скромный, рассудительный. В красивом русском народном костюме.

На сцене: перепутье – просёлочная дорога идёт из глубины сцены и у авансцены расходится в обе стороны. Справа от дороги – большой поклонный крест, на нём маленькая икона. Слева – большое бревно или подобие скамейки для путников.

Паузы в пьесе не нужны. Импровизация желательна.

Сибирь. 1918 год.

ЯВЛЕНИЕ I

Из глубины сцены идут два солдата.

П.С. Нет-нет, я с тобой не согласен. Вот будете вы строить свой коммунизм, а на какие деньги? Я до конца этого не могу понять.

М.С. В том-то и дело, что при коммунизме денег вообще не будет, а всё будет общим. Это, во-первых, а во-вторых, я сам тебя не понимаю – то ты за кадетов, этих конституционных демократов. А то ты, вдруг, за социал-демократов. Ты на этой буржуазной демократии помешался.

П.С. Да ты пойми, голова садовая, империя рухнула, страна идёт к пропасти. Нужны демократические реформы (*крестится на икону*).

М.С. Ну что, давай прощаться. Почти пришли домой. Теперь тебе туда – в Верхнюю Русаковку, а мне сюда – в Нижнюю. Эх, четыре года дома не были. Как говорится, маленький марш-бросок и...

П.С. Не спеши. Я так устал, еле ноги волочу. Давай посидим, покурим.

Садятся на бревно.

М.С. Нет, земляк, курево кончилось ещё на станции. Зато тут, в вещмешке, чекушечка припрятана. Забыли совсем про неё со своим спором. Четыре года вместе, и ни разу не спорили, а тут раскричались. Хорошо, что в разных ротах служили.

П.С. Хорошо, что не спорили. С такими спорами и до драки недалеко. Иные и за оружие схватились. Зачем весь этот сыр-бор нам, крестьянам? Нам это не надо. Зачем нам твои коммуны?

М.С. А что надо? Ты знаешь? Погоди-ка. Вон, гляди, мужик идёт. Вот он нас и рассудит. Да он ещё и с гармошкой. Вот весело-то будет! Спросим, что ему как трудовому человеку ближе – коммунизм или твоя демократия.

П.С. Лучше закурить спросим, может, найдётся.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Дед.

Дед. Здорово, солдатики! Закурить не найдётся?

П.С. Доброго здоровья. Нет ничего.

М.С. Здравия желаем. Садись, дед, с нами. Посиди.

Дед. Чо сидеть-то, ежели курева нет. *(Подходит к поклонному кресту, крестится и продолжает путь).*

М.С. Ну, доставай, наливай!

Дед сразу замирает, медленно оглядывается и возвращается к солдатам.

Дед *(поёт под гармошку).*

Если нечего курить,
Можно так поговорить.
Надо было вам, ребята,
Приглашенье повторить.

Я, пожалуй, отдохну маненько. Можно тут с краешку посижу?

П.С. Что с краешку? Садись в середину. Дед ты, видать, весёлый. Сыграй нам на гармошке, соври что-нибудь весёлое. Радость у нас, наконец-то вернулись с германского фронта живыми-здоровыми в родную Сибирь. *(Достаёт из мешка чекушку и наливает водку в солдатскую кружку).* Вот, держи, выпей за наше благополучное возвращение.

М.С. Заодно и наш спор рассудишь. Можешь быть судьёй?

Дед. Я? Да на семь вёрст кругом лучше меня судьи не найдёте. Как суд вести, всё знаю. Ну, за вас, как gritца, за защитников! *(Пьёт).*

П.С. Дед, рассуди нас. Вот он говорит: Россия после гибели империи идёт к добрым переменам. А я считаю, что она к пропасти идёт.

Дед. Эх, и хорошо же она пошла!

П.С. Куда хорошо пошла? К пропасти или к чему доброму?

Дед. Хорошо пошла *(глядит живот).* Как по маслу. А? Чо? Ты чо-то спросил?

П.С. Я спросил: ты кружку нам отдашь или так и будешь к груди её прижимать?

Дед. Кружку? А зачем она вам?

М.С. Как зачем? Нам-то выпить надо или нет?

Дед. Конечно, нет. На суде все должны быть тверёзыми. Все!

М.С. Судья, а сам-то ты выпил.

Дед. Дак я как сказал? Пью за защитника. Значит, пьяный кто? Защитник, адвокат. Я его удаляю из зала суда. На суде всё должно быть по правилу.

Забирает у солдата чекушку и ставит на землю перед собой.

*Солдаты засмеялись. Дед с подозрением взглянул на них
и переставил её поближе.*

П.С. Как зовут-то тебя, дед? Куда путь держишь?

Дед. В Трошиху иду. Свадьба там, а гармонистов обоих в армию мобилизовали. Просили поиграть, обещали за это коня на три дня дать. У меня-то коня реквизируют. Худо без коня. Эх, добрый мерин был.

П.С. А как зовут?

Дед. Дак я его просто так и звал – Мерин.

П.С. Как самого-то тебя зовут, дед?

Дед. Дак меня просто так и зовите – Дед.

М.С. Дед, откуда ты знаешь, как правильно суд надо вести?

Дед. Да как-то вляпался я со своими частушками куда не следует. Неграмотный я, вот это меня и спасло. Всю жись мешало, а тут в позапрошлом годе на суде помогло.

М.С. Как это помогло? Ученье – свет, а неученье – тьма.

Дед. Вот и у нас говорят: ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу. А с судом дело вышло так. Я ить частушки сочиняю на ходу. У меня их в запасе ого-го сколько! Я тогда на святках в городе у зятя много всяких частушек напел, даже политических. Один студент некоторые записал и на заборах расклеил. Там у него да у его друзей много всяких делов было понаделано, кроме этого. Вот их судили и меня вызвали. А я говорю: простите неграмотного, частушки сам не сочинял и как пьяный пел – не помню. На суду, как свидетель, не один день торчал. Я тогда шибко переживал. Думал, если уж и загреметь на каторгу, так на наши сибирские рудники, благо, что они рядом, в десяти верстах. А, вдруг, как у нас ведётся – нашего брата, сочинителя, ссылат на Кавказ, отправят к чёрту на кулички. Страхи божьи! *(Поёт под гармошку).*

Хорошо, что я в Сибири
На далёких рудниках.
Не страдаю в Кисловодске,
Не гнию в Ессентуках.

Так что, как суд вести надо, всё запомнил. Прошу встать!!! *(Солдаты вскочили).* Суд идёт. Прошу сесть! Суд пришёл.

М.С. Ну ты, Дед, и орёшь! Пугающее нашего ротмистра. Лучше б спел свои политические частушки для начала.

Дед. Э-э-э, солдатики, тут петь мои частушки нельзя *(кивает на крест).* У меня в них такие завороты! Даже на суде их не стали вслух читать. Кроме вот этой... *(Поёт).*

Эх, чиновники царя
Все воруют почём зря.
Из-за них моя Расея
Вся гнилая изнутри.

М.С. Хорошая частушка. Политически правильно выверена. Тебя, наверно, в деревне все за это уважают.

Дед. О-о-о, шибко уважают! Я ить из-за них сколько раз с фингалами ходил. Больше меня в молодости никто не получал. Потому как, истинно сказано: у слова большая сила.

А частушка это... Это ЧАСТУШКА. Понял? Вот возьми всех поэтов наших. Они насочиняют всякой всячины на тыщу книг, а вот частушки никто не сочиняет. Почему, спрашивается?

М.С. Почему?

Дед. Кишка тонка. Потому как тут не грамота нужна, а ум. Хотя, думаю, Пушкин бы потянул. Тоже, говорят, башковитый был. Но, опять же, он много иностранных слов писал, а это дело очень опасное. По себе знаю. Я за иностранные слова сам чуть жизнью не поплатился.

М.С. Что, Дед, на дуэль тебя вызывали?

Дед. Не, Бог миловал. Помню, в молодости пошёл я на свадьбу к лучшему другу. На лицо-то он не красавцем был, ну и невеста тоже. Я решил сочинить частушку, как поэт, с иностранными словами. Хотел назвать невесту красавицей, какой-нибудь греческой богиней. Ну, вот и назвал, да, видать, не богиней. Уж лучше б не пел.

М.С. Что, гостям не понравилось?

Дед. Как раз гостям-то и понравилось. Правда, мало кто понял, но хохотали все. Вот другу-то, жаль, не понравилось, а характер у него – кипиток! Хорошо, успел я сразу в окно выскочить. Дома три ночи не ночевал, знал – искать будет, пока не остынет. У соседа прятался, друг и туда приходил искать, да не нашёл.

М.С. Надёжный у тебя сосед, не выдал.

Дед. Не, не надёжный. Он ить и не знал, что я у него в бане живу. Я ж и про него частушки сочинял. Знал бы он, так подпёр бы дверь и – бегом за моим другом. Эх, и тяжела на Руси жись нашего брата-сочинителя.

П.С. А что за частушка-то? Забыл, поди?

Дед. Не-е-е. Эту частушку я на всю жись запомнил, хоть никогда больше её не пел.

П.С. А нам споёшь? Друг далеко.

Дед. Пусть у вас идиллия
Прёт от изобилия.
Нет у нас красивше баб,
Чем твоя рептилия.

П.С. Да, в самом деле, гадкая частушка получилась.

Дед. Вот и я говорю – гадкая. И всё из-за иностранных слов. Реформы, коммунизм, демократия... Какая гадость, какая гадость, эти ваши иностранные слова! То ли дело наши родные матюги. Тут получил в глаз, так хоть знаешь за что.

М.С. Дед, мы от сути дела отошли. Ты ж собирался нас рассудить.

Дед. Ах, да! Заседание суда продолжается. А прокурор нам нужен?

П.С. Зачем нам прокурор?

Дед. Понял *(наливает)*. За прокурора! *(Выпивает, солдаты смеются)*. Что, солдатики, страшно было на германской войне?

П.С. Очень страшно.

Дед. Так знайте – пьяный прокурор страшнее германской войны. Но вы его не бойтесь, я его удаляю из зала суда.

М.С. Ой, спасибо, избавитель ты наш! Мы вот хотели бы от тебя услышать – с кем сейчас крестьянство в основной своей массе, в первую очередь, беднейшее? Вы с коммунистами? Коммунизм это главная цель мирового пролетариата. Или ты такой же, как этот, сочувствующий то конституционным демократам, то социал-демократам. Он помешан на буржуазной демократии...

Дед. Чаво-чаво? А вы сами-то кто такие?

М.С. Да мы, по сути, такие же крестьяне, как и ты. Только я – крестьянин, сочувствующий партии коммунистов, а он – крестьянин, сочувствующий демократическим партиям.

Дед. Ну это хорошо, что крестьяне сочувствуют партиям. А есть такие партии, чтобы сами сочувствовали крестьянам?

М.С. Есть такая партия! Сам товарищ Ленин так сказал. И я так считаю.

П.С. Он сочувствует коммунистам, потому что коммунисты хотят у всех всё отобрать, а у него и отбирать-то нечего. Вот у меня крепкое хозяйство. Одних коней пять.

М.С. Спрошу проще: вот ты, Дед, лично за светлое будущее трудового народа?

Дед. А как же, я всегда за светлое будущее.

П.С. То есть, ты против конституционной демократии, против капитала?

Дед. Да ты чо такое говоришь? Да чтобы я и против этого самого... против капиталу? Не-е-е.

М.С. Так ты за светлое будущее или за капитал?

Дед. Я?.. Я вишь чо кумекаю... значитца так... я считаю – чем больше в кармане капиталу, тем светлее светлое будущее.

М.С. Нет, ты нам объясни, что тебе, как крестьянину, сейчас, на данном историческом этапе больше всего хочется?

Дед. Сейчас? Мне шибко курить хочется.

М.С. Подожди, Дед. Вот красные партизаны у вас – это те же крестьяне, что и ты. А кто, как не они, знают чаяния народа, кто, как не они, знают, как народ накормить, одеть, обути? (*Смотрит на лапти*). Поверь мне на слово, Дед, коммунисты скоро всех вас обуют.

Дед. Дак красные уже обули меня. Вот в эти лапотки. Глянь, какие форсистые. У нас же в Сибири лапти редкость. Внучек как увидел их, так обрадовался! Бегаёт, всем хвастает: «А мой-то дедулька в новых корзиночках ходит».

М.С. У тебя что, не было обуви, и красные сплели эти лапти?

Дед. Не, они у меня сапоги новые икспоприировали, а старые развалились. Вот и пришлось так приобуться.

М.С. Как?! Вот так просто пришли, забрали и всё?

Дед. Не, не просто так. Обещали, что как коммуны построят, так и обулки у всех будет ого-го сколько.

М.С. Правильно обещали. При коммунизме лаптей вообще не будет. Да их и носить-то, наверно, запретят.

Дед. Да-а-а, сапоги отберут, лапти запретят. Эх, чует моё сердце, солдатики, обуется со временем вся Расея в китайские тапочки.

М.С. Дед, как ты не поймёшь, что всё должно измениться к лучшему. Не осуждай партизан. Они, как сознательные крестьяне, первыми пойдут к коммунизму и...

Дед. Погодь, погодь. Пойдут к коммунизму в моих сапогах?

П.С. (*Хохочет*). Нет, Дед, коммунисты поедут к коммунизму на твоём мерине.

Дед. Как, на моём мерине? Мерина-то у меня белые реквизируют.

М.С. Ты слышал? Это вы в свою демократию поедете на чужом мерине. Или, скорее всего, на твоём, Дед, горбу. Но мы этого не допустим.

П.С. Как... как так? Просто пришли и забрали?

Дед. Не, не просто так. Расписку оставили, с печатью гербовой. (*Достаёт бумагу*). Смотрю я на эту расписку, а как запрягать её в телегу – не знаю. Не подскажешь?

П.С. Ты её в кармане носишь?! Береги расписку, Дед, это важный документ с гербовой печатью. Как к власти придут наши, ты его предъяви, и тебе вернут коня получше прежнего.

Дед. А ты, милоч, не врешь? Точно вернут?

П.С. Да вот те крест. Бумага же с печатью. Вишь, печать-то гербовая. Да тебе скакуна вернут! А может, и два коня получишь за одну клячу. Считай, что это не бумага, а два добрых коня.

Дед. Ну теперь поверил. Слышь, я чо кумекаю, мил-человек, возьми-ка ты этих двух добрых коней себе, а мне дай своего самого захудалого коня. У тебя ж их пять. Согласен? Мне – клячу, тебе – двух добрых.

П.С. Да ты что, Дед?! Одурел от водки?!

Дед. А чо я такого сказал, что ты так взъерепенился? Ты только глянь, печать-то гербовая. Или у нас с тобой жизнь по демократии не получается?

М.С. Вот тебе, Дед, и вся демократия. Придут они к власти, всё добро себе, а народу – всем по бумажке с печатью: берите, мол, по этой бумажке вы получите по два коня. А откуда их взять? Вот коммунисты мыслят реально – в одиночку нам нужду не одолеть. Жить нужно коммуной. Значит, всё нужно сделать общим. Всё. Жить по принципу: не твоё, не моё, а наше. Даже деньги не нужны будут. Скоро денег вообще не будет. Понял?

Дед. Понял. А у меня денег и сейчас нету.

М.С. Как ты не поймёшь? Если всё общее, зачем деньги? Пойми, что деньги сами по себе – это зло.

Дед. Эх, дал бы мне кто-нибудь в долг зла на хорошего коня.

М.С. Да будут у всех кони, только общие. А вот денег не будет. К тому времени даже воровства не будет. Понял?

Дед. Понял. К тому времени уже всё разворовано будет.

М.С. Дед, как тебе ещё объяснять? Вот, к примеру, сегодня – коммунизм. Ну, представь, на денёк. Конечно, крестьяне в основной своей массе к этому ещё не готовы – сделать всё общим. Несознательный, отсталый элемент не готов. Но есть передовая часть пролетариата. Вот я, например, готов...

Дед. Погодь. Почему крестьяне не готовы? Ежели ты готов, то и я готов. А раз мы оба готовы, то давай сегодня поживём при коммунизме.

М.С. Как это?

Дед. А вот так – выпрыгивай-ка из наших сапогов! Поносил и будя, сегодня моя очередь их носить. Я что, на свадьбу в лаптях явлюсь?

М.С. Постой, Дед, а я что, домой босиком явлюсь?

Дед. Почему босиком? Ты мне сапоги-скороходы, я тебе лапти-самоплясы. Ты только глянь на них!

Эх, топну ногой,
Да притопну другой!
Разведусь я со старухой,
С этой Бабою-Ягой!

Придёшь домой, сбациаешь. Бери, пока я не передумал. Таких форсистых лаптей даже в Париже не найдёшь.

П.С. Бери, бери, что примолк? Покажи нам свой коммунизм. А мы посмотрим на него.

М.С. Да вы что, мужики? У меня ж кроме этих сапог ничего нет. Приду к брату, а он бедняк. Он из-за этого, можно сказать, до сих пор не женится, из-за нашей бедности. Он ведь такой гордый.

Дед. А кто твой брат?

М.С. Степан Зубарев с Нижней Русаковки.

Дед. Это Степан-то, с Нижней-то? А я слышал, что он женился.

М.С. Когда? На ком? Он мне ничего не писал.

Дед. Да он ещё весной женился на мельнице.

М.С. На ком? На мельнице? Мельница – это фамилия такая?

Дед. Мельница – это где зерно мелят.

М.С. Дед, ты что городишь? Как это можно взять в жёны мельницу?

Дед. Обнокновенно. Просто, чтобы жениться на мельнице, нужно было взять в жёны вдову-мельничиху. Или наоборот? Я, кажись, запутался... Значитца, так: чтобы взять в жёны мельницу, надо жениться на мельничихе. Ну, это не важно, главное, обвенчались. Хорошо он устроился, легко живёт, при деньгах. Приезжие у вас большую мельницу поставили, а хозяин умер.

М.С. Вот это да! Ну, Степаха, ну и выкинул же фортель! Значит, взял жену с лёгкими деньгами?

Дед. Ага, с лёгкими деньгами. Но с тяжёлым карахтером. Ну, не жена, а прямо кобыла неезженная.

М.С. Что, характер очень тяжёлый?

Дед. Карахтер тяжёлый, но не очень. У неё рука очень тяжёлая. Как чо не по ей – ка-а-ак звезданёт Степана с правой. И бьёт всегда только с правой.

М.С. Только с правой?

Дед. Ага, только с правой. Мельника-то она с левой случайно зацепила, царство ему небесное. Она ить левша. Сам-то я не видел, но люди сказывали: придёт Стёпка с мельницы, весь в муке. Зайдёт в ограду, да как гаркнет на жену! А она к-а-ак ответит ему молчком! Ничего не слышать, ничего не видать, а только мучная пыль, говорят, шибко высоко над забором вздымается. Стёпка-то ить теперь всегда весь в муке ходит, лицо совсем не моет.

М.С. Почему?

Дед. Фингалы не так видно.

П.С. Вот оно наше деревенское бескультурие. Стать бы побогаче, я б своего сына на дворянке женил. Породниться с дворянами с детства мечтаю. Культура, положение в обществе... Эх!

Дед. А кто твой сын?

П.С. Никита Лыков с Верхней Русаковки.

Дед. Микита-то? Это с Верхней-то? Да он же, говорят, два месяца назад женился. И говорят, что на дворянке.

П.С. Да ты что, Дед, говоришь? В самом деле дворянка – голубая кровь?

Дед. Люди сказывали – голубая-голубая. Аж вся синяя.

П.С. Ты что городишь? Как кровь может быть синей.

Дед. Не, какая кровь, не знаю. Говорят, она сама была пьяная-пьяная, аж вся синяя. Она с офицерами на тачанке приехала. Её Микита у ездового выменял, пока не протрезвилась, на бутыль самогона.

П.С. Жену-дворянку и за бутыль самогона?!

Дед. Да ты успокойся, лишка не переплатили. У Микиты не ubyло, у него этих бутылей и дома, и во всех постройках – ого-го! На батальон дворянок хватит. Одной бутылью больше, одной меньше – ерунда. Он со своим самогонным аппаратом не пропадёт. Он этот аппарат шибко бережёт.

П.С. И всё таки я не пойму, как у нас в деревне появилась чистокровная дворянка?

Дед. Ну, может, и не совсем чистой дворянской породы, да только дворянское воспитание и барские замашки от людей не утаишь. Живут они душа в душу. Она его человеком считает. Люди сказывают, проснётся она в обед, стал быть, ей завтракать пора, как гаркнет: эй, человек! А он – тут как тут: чего изволите, моя дворяжка? А она: подать мне в постель кофэ с салом! И ковшик бражки на десерт. Сразу видно – чистая дворянка. Простая баба сама бы до кадки сбегала, а этой пришлось потом прямо у изголовья кадку поставить, чтоб не изволила гневаться.

П.С. Ну, Дед, и ошарашил же ты меня такой новостью. В родной дом возвращаться расхотелось.

Дед. Это в какой дом?

П.С. В свой родной дом.

Дед. А как ты в него возвратишься, ежели он сгорел?

П.С. Как сгорел?!

Дед. Дотла, говорят. Всё-всё сгорело. От всего хозяйства – куча углей.

П.С. А сын-то как?

Дед. Да, говорят, в одних подштанниках выскочил. Ошалел, стоит вот так вот в обнимку и смотрит на пожар.

П.С. Жену обнимает? Жена-то хоть целая?

Дед. А чо ей сядет? Она, как втихушку подожгла, так сразу и сбежала к своим офицерам.

М.С. Так кого же он тогда стоял и обнимал?

Дед. Дак я и говорю, вот так вот стоит и вот так вот обнимает его.

П.С. Значит, всё сгорело ясным пламенем?

Дед. Не, не ясным. Синим – самогонка же во всех углах. А как первач взрывался! Иные аж в голос рыдали, а подойти тушить боялись – вдруг контузит.

П.С. Да-а-а. Значит, я погорелец? Хорошо, что у нас с тобой, паря, мельница есть. Даст Бог – выкрутимся.

М.С. Не у нас с тобой, а у моего брата.

П.С. Вот и устроим свою маленькую коммуну. Получается – у нашего общего с тобой брата есть наша общая мельница. Не моё, не твоё, а наше. Или не так? Где же твои коммунистические принципы?

М.С. Там же, где и твои демократические. Ты ж сам кричал, что частная собственность это святое. Просто, если сейчас мельницу сделать общей, то её попросту растащат. Пусть она временно побудет у брата. А потом, со временем, можно и конфисковать.

П.С. Не со временем, а прямо сейчас. Правильно, Дед? Отобрать – и никаких гвоздей!

Дед. Чо отобрать-то?

П.С. Мельницу.

Дед. Дак её ж ещё на прошлой неделе отобрали.

М.С. Как отобрали? Кто?

Дед. Коммунисты. Главное, мельницу забрали, а мельничиху оставили. Лучше б наоборот. Ох, и скандал же был, доложу я вам. Мельничиха главному комиссару все зубы выбила.

П.С. Ну что? Слышал? Вот тебе твои коммунисты. Доволен?

М.С. Как бы там ни было, а я всё равно, если придётся выбирать, пойду за красных.

Дед. Да как же ты пойдёшь за красных, ежели твой брат пошёл за белых?

М.С. За белых? Не может быть! А я его считал сознательным элементом. Но он ведь у меня очень гордый. Это, скорей всего, жена подсказала: мол, ты мужик или не мужик? Я комиссару, мол, все зубы выбила, а ты, как телёнок. Думаю, на это дело его подтолкнул её подлый удар по его гордыне.

Дед. Ага, люди так говорили, что это был её подлый удар по его печени. Да и чо ему у красных делать? Пошёл к белым, они ему обещали мельницу вернуть.

П.С. Вот видишь, паря, твой брат и то понял, на какой стороне нужно быть крестьянину. Если меня это коснётся, то я, как твой брат, пойду только к белым.

Дед. Дак как же ты пойдёшь за белых, ежели твой сын пошёл за красных?

П.С. Никита за красных?! Да быть такого не может!

Дед. Вот и я говорю: не может. А люди сказывали: вот так вот в обнимку стоял, стоял, смотрел на пепелище, а потом повернулся да так прямо и пошёл в лес к партизанам, вот так в обнимку.

П.С. Да с кем в обнимку-то, чёрт побери?!

Дед. А с ним, с этим... Как его... Со своим самогонным аппаратом. Но ты за них не переживай, их там так хорошо встретили! Как родных. Их же обоих сейчас партизаны уважают больше, чем командира и комиссара.

П.С. Ну и дела! Не зря Александр Фёдорович Керенский говорил...

М.С. Да отвязись ты со своим Керенским. Ленина надо слушать. Он всю правду говорит.

Дед. Не ругайтесь, солдатики, не надо. У меня про это всё есть частушка. Давайте лучше споём!

Мне Керенского не надо,

Мне не надо Ленина.

Мне отдайте сапоги

Да верните мерина.

П.С. Дед, отвязись со своим мерином. Я совсем без коней остался, а у тебя-то хоть есть бумага с печатью. Какой-никакой, а документ. Частушечник в судейской мантии, помни – документ это великая сила.

Дед. Ой, совсем запамятовал. Хорошо, что ты напомнил про документ. Мы что протокол-то не ведём? Тоже ить документ.

П.С. Какой тебе ещё протокол?

Дед. Понял. *(Наливает).* За секретаря! *(Выпивает).* Секретаря я тоже уда-

ляю. Зачем нам тут этот забулдыга с протокольной рожей? Солдатики, давайте объявим перерыв в суде, споём да спляшем!

Эх, суд-пересуд!
Нынче фабрики крадут.
На суде таких прославят,
Аж до неба вознесут.
Эх, суд-пересуд!
Булку хлеба украдут.
На суде того ославят,
Прямо в клочья разнесут.

Солдаты силой его усаживают на место.

Дед. Итак, мы продолжаем. Излагайте.

М.С. Вот, Дед, по делу ты нам ничего не сказал. Как будто у вас здесь не идёт классовая борьба, будто ты ни одной из сторон не сочувствуешь.

Дед. О-о-о, милоч, да у нас тут такая борьба, такая борьба! То одни, то другие полкают на наших конях туда-сюда. То эти налетят на тех, то те налетят на этих. Палят из ружий почём зря, бьются. А их-то мне шибко жалко.

П.С. и М.С. (вместе). Кого жалко?

Дед. Да коней, говорю, жалко. Скотина-то пошто страдает?

П.С. А людей тебе не жалко? Ведь белая гвардия бьётся и за твою свободу, за свободу личности.

М.С. За капитализм вы бьётесь, за власть денег. А за свободу народа бьются красные, большевики. Кого ты, всё таки больше жалеешь?

Дед. Мобилизованных мне жалко, добровольцев чо жалеть? А Расею всего жальчей. Эх!

Нет свободы личности,
Если нет наличности.
Если денег нет в кармане,
Вы уже не личности.

Мужики, не хотите петь, так давайте хоть спляшем!

П.С. Дед, гляжу, тебя что-то совсем развезло.

Дед. Да? И с чего бы это? Мужики, гляньте, парень к нам идёт. Может, у него курить найдётся.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Никита.

Никита. (Подходит к поклонному кресту, крестится). Здравсьте, люди добрые... Отец, ты?!

П.С. Никита, сынок! А я тебя и не узнал. Как вымахал! Ты как тут оказался? (Обнимаются).

Никита. Это как ты сам тут оказался? Что ты тут делаешь? Почему домой не идёшь?

П.С. Какой дом, Никитушка? Мне ведь уже сообщили, что всё у нас сгорело. Горе-то какое!

Никита. Как это сгорело? Как всё стояло, так и стоит. Дай Бог, ещё сто лет простоять. Я ведь только что из дома. Вот иду на мельницу. Урожай нынче добрый будет, надо заранее с мельником договориться.

П.С. Дед, ты нам ничего сказать не хочешь?

Дед. Не, сказать ничего не хочу. Я курить хочу. Слышь, Микита, у тебя махорки не найдётся? У меня, гляди, и бумага есть. Даже с печатью.

Никита. Нет, дедушка, я не курю.

Дед. Жаль. А то бы сейчас на четверых искурили б моего мерина. Тебе б часть с гербовой печатью.

П.С. А что пешком, сынок?

Никита. Отец, у нас коней отобрали. Оставили одного Чалого, то, что он немного хромает. Я его пока берегу.

М.С. Белые отобрали?

П.С. Красные?

Никита. А я и не понял кто такие. Отобрали и всё тут.

Дед. Да тут и понимать ничего не надо. Ежели у тебя коней реквизиrowали, то это белые, а если у тебя коней икспоприровали, то это красные. Проще простого.

Никита. Я говорю: отобрали. Вот и всё.

Дед. Э-э-э, дружок, такого не бывает. «Отобрали». Тебе что дали? Обещание, что при коммунистах коней вернут или расписку с печатью дали?

Никита. Ничегошеньки не дали.

Дед. Странно. Не по закону это. Ничего не дали... Может, это зелёные? Слушай, а в морду-то тебе хоть дали?

Никита. В морду дали.

Дед. Точно – зелёные! А говоришь ничего не дали. Значитца, так – у тебя коней не красные икспоприровали, не белые реквизиrowали, а зелёные конфисковали. Так что всё по закону.

Никита. Но мне-то от этого не легче.

Дед. Как это не легче? Вот мне дали бумажку, я весь испереживался, ночей не сплю, гадаю – вернут коня, не вернут. А ты, Микита, можешь спать спокойно – тебе точно не вернут. Зелёные, они ж такие.

Никита. А кто такие зелёные?

М.С. Зелёные это те, что нейтральные, ни за красных, ни за белых.

Дед. Не, зелёные это те, что нагрябят, продадут и пьют до зелёных чёртиков.

П.С. Сынок, а сам-то ты не спииваешься своей самогонкой.

Никита. У меня никакой самогонки отродясь не бывало. Правда, к своей свадьбе наливочку поставил. Я ведь, отец, жениться в Покров надумал. Хорошо, что ты вернулся.

П.С. Женишься, значит? На дворянке?

Никита. Ты что, отец? На какой дворянке? На Нюрке Петуховой. Нашёл дворянку.

П.С. *(крестится)*. Слава тебе, Господи, что не на дворянке. Слушай, да она же ещё маленькая.

Никита. Ага, была маленькая, а теперь с тебя ростом. А какая красивая стала! Ну что ж, отец, идём домой. С мельником я как-нибудь в другой раз договорюсь.

М.С. Эх, жаль, что у моего брата в Нижней Русаковке рано мельницу забрали, а то я бы замолвил брату слово за тебя. И идти никуда не надо было б.

Никита. А в честь чего это в Нижней Русаковке вдруг мельница объявилась? Какая там мельница?

М.С. Как какая?! Большая, новая!

Никита. Чтобы большую мельницу ставить, нужно, чтоб речка большая была. А там ручеёк, да и тот в жару пересыхает.

М.С. Ну, значит, ветряная мельница там. Это же мой родной брат на мельничихе женился!

Никита. Там и ветряной мельницы нету. Была б, я бы знал. А на какой такой мельничихе он женился?

М.С. Что не слышал что ли про мельничиху, которая главному комиссару все зубы выбила? Брат с этой мельничихой даже в церкви обвенчался.

Никита. А-а-а, вон ты про какую Мельничиху. Конечно, про неё слышал. Вся волость теперь её знает. Хотя... Ну, что он на ней женился, это я ещё как-то могу представить... Но чтобы в церкви с ней венчался!.. Вот так времена настали! Чудеса.

М.С. Какие чудеса?

Никита. Как какие? Ведь Мельничиха – это ж кобыла.

М.С. Дед, Мельничиха это ж кобыла! Ты что тут наплёл?!

Дед. Как наплёл? Я ж тебе так сразу и сказал: Мельничиха это кобыла не-езженная, она ить буланая, белая, как мука.

М.С. И мой брат на ней женился?! А у Никиты дом сгорел? Это ты тут нам битый час сидел и врал? Эх, Дед, был бы ты помоложе, дал бы я тебе прикурить и без махорки. Надо ж так наврать.

Дед. Э-э-э, солдатик, погоди. Дело-то как у нас было? Вот послушай, Микита. Иду я, значитца, на свадьбу, мне коня там обещали на три дня за гармошку. А они мне: садись, мол, в серёдку да соври нам что-нибудь весёлое. А как добрым людям отказать? Я и рад стараться. Сижут тут, веселю их, там на свадьбе меня ждут, а они – то им соври, то развесели, то рассуди, то им спой, то им спляши. Я же и виноват остался. Вот и делай после этого людям доброе дело.

П.С. Ага, он нас развеселил. Да я тут чуть не поседел от твоих баек.

Дед. Ну, простите старика, перестарался. Маненько переборщил.

Никита. Слышали? Дед «маненько переборщил». Что просили, то получили. Так что не судите его строго.

Дед. Что? Меня судить? Да я же сам здесь судья. Это они меня упросили рассудить их, а я сдуру согласился. Прошу встать!!! (*Солдаты вскочили*). Суд ушёл, садитесь. Ну что ж, опосля суда и самому судье не грех оскоромиться. (*Выливает в кружку остатки водки*). Ну, за судью. (*Выпивает*).

М.С. И это всё?

Дед. Не знаю. Ежели у вас там, в мешке, ещё какие-то вопросы имеются, то доставайте, обсудим, обмозгуем.

П.С. Нет там ничего.

Дед. Ну, на нет, как грицца, и суда нет.

М.С. Ну что, Дед? Чекушку только нашу приговорил, а рассудить-то нас не рассудил. Никудышный из тебя судья. Закончил суд, а свой вердикт не вынес.

Никита. А что за суд у вас тут состоялся? О чём спорили?

Дед. Да вот, Микита, они спорят что лучше – итить с красными к коммунизму в чужих сапогах или ехать с белыми к демократии на чужом мерине. Ты-то сам как думаешь?

Никита. Я думаю – лучше всего ехать на свою пашню в своих сапогах и на своём коне. Мне нет разницы – красные, белые. Хрен редьки не слаще. А кто из них хрен и кто редька – пусть сами выбирают. Я просто живу и работаю. Кто-то должен же кормить этих дармоедов.

Дед. Микитка, молодец! Микитка, твоя микитка (*стучит себе по голове*) правильно микитит! Дай хоть я тебя расцелую!

М.С. Не слушай его, Никита. Просто у нас с твоим отцом разные понятия о правде. Мы хотели докопаться до истины. Думали, что Дед подскажет, а он видишь какой. Сейчас ведь вся Россия ищет правду.

Никита. А что её искать? (*Показывает на иконку на кресте*). Вот вам и правда, и истина. Правильно, Дед? Что молчишь? Тебе плохо?

Дед. Мне, Микитка, очень хорошо. Плохо мне будет завтра утром. Я так рад, что у нас на Руси есть ещё такие мужики, как ты. А вам, солдатики, что сказать?

Когда-то в детстве побежал я вечером в огород срезать подсолнух. Глядь, а подсолнухи-то все, от солнца отвернувшись, стоят. Я бегом к своему деду: дед, почему наши подсолнухи от солнца отвернулись? А он мне: видишь, солнышко на закате, вот-вот за лесом спрячется. Вот подсолнухи и повернулись на восток, чтобы рано утром его встретить.

Вы говорите, что империя наша на закате, а с какой стороны будет восход? Не знаете? Вот и смотрите в разные стороны, вот и спорите о прошлогоднем снеге. Ни черта вы не знаете. А вот он знает! И не будет у нас ни правды, ни богатства, пока мы все, как подсолнухи к солнцу, не повернёмся к Богу. Все. А мельницы и прочее богатство счастья вам не принесут. Всё на свете где-нибудь да кончается, а у жадности конца нет. Если жадному отдать всё золото, что есть на земле, думаете, он будет счастлив? Не тут-то было. Он спать не будет, будет глядеть на луну и страдать: а вдруг и она золотая, раз так блестит. А как достать? Так что моё слово вам такое: богатство должно быть вот тут, в голове, а правда должна быть вот тут, в душе. Тогда и Бог нам будет помогать, тогда и достаток у всех будет. Эх, Микитка, не хотят они петь, давай с тобой споём! Про что споём? У меня про всё частушки в запасе есть.

Никита. Я не буду петь. Нам домой пора.

Дед. Э-э-эх, Микитка!

К коммунизму мы пойдём,
Лапти новые сплетём.
Всех отсталых элементов
На дороге подождём.

П.С. Дед, ты сегодня до свадьбы-то сможешь дойти? А то лошадёнку проворонишь.

Дед. Дойти не смогу, я дотуда доплясать смогу!

В демократию попрём
Со слепым поводырём.
Кто на ком верхом поедет
По дороге разберём.

П.С. Ну что, пора по домам. Засиделись мы тут. Так что, дорогой сослуживец, не поминай лихом. Даст Бог, свидимся ещё.

М.С. Непременно свидимся. Доброго пути.

Солдаты обнялись на прощанье.

Дед лезет в середину, всех обнимает, целует.

Дед. Родные вы мои, я вас всех так полюбил, так полюбил! Микитка, ты молодец! Ты правильно живёшь. И вы тоже живите правильно. Куда вы, мужики? Давайте на прощанье спляшем!

Никита. Всё, Дед, прощай. Живи долго. В Покров приходи ко мне на свадьбу, там и спляшем.

Дед. Приду, припляшу. Эх, уходят ребятки по домам. Не хотят плясать.

Все, кроме Деда, уходят.

Нам что красный,
Нам что белый,
Мы не видим разницу.
Не мешали бы нам жить,
Да шли б они все в задни...

Ой, Господи! Прости меня грешного! (*Опасливо оглянувшись на икону, крестится и вприплясочку уходит по дороге вглубь сцены*).

Позабыли Бога,
Стали жить убого.
Эх, деревня моя,
Медвежая берлога!

Занавес.

«ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОСЕНЬ». ЧИТА

Этот адрес писателям знаком с сентября 1965 года. Иркутские литераторы вспоминают тот год и месяц так часто, что, наверное, и уточнять не стоит, в связи с чем... Но мы уточним. Конечно же, в связи с появлением «иркутской стены» – неформального такого объединения внутри официальной организации! Ведь тогда в Чите состоялся и первый семинар молодых литераторов Восточной Сибири и Дальнего Востока, в котором приняли участие около 50 известных и более 70 «неизвестных» авторов. Из тринадцати начинающих, рекомендованных по его итогам в члены СП СССР, семеро оказались иркутянами: А. Вампилов, Л. Красовский, Г. Машкин, В. Распутин, Ю. Самсонов, Дм. Сергеев, В. Шугаев, а также и Р. Филиппов, ставший иркутянином позже. Там же были замечены Б. Лапин, С. Иоффе, Г. Пакулов. Семинар сыграл свою роль не только в выявлении этих достойных имён, но и в создании важного ощущения – единого литературного пространства, когда Филиппов или Вишняков в Иркутске были настолько же «своими», как Гурулёв или Суворов. Однако семинар ушёл в литературную историю, а литературный праздник «Забайкальская осень» остался. Перечислять громкие имена писателей, за 49 лет принимавших участие в этом «золотоосеннем» читинском торжестве литературы слишком долго, да и захлестнёт ещё, пожалуй, ностальгия по утерянной в начале 1990-х единой советской литературной родине. Писатели стали столь не нужны новой власти, что их быстренько лишили профессии, а затем и государственной поддержки. Естественно, что «пригласа» и «Забайкальская осень» – она проводилась на областном уровне до 2006 года, когда читинский праздник книги вновь получил статус общероссийского. От иркутян тогда в нём принял участие В. Козлов. Гостями из г. Иркутска были также: в 2011 году главный редактор журнала «Сибирячок» С. Асламова, в 2012 году – Т. Ясникова, в 2013-м – С. Корбут, то есть автор этой заметки, и меня прежде всего порадовало участие в нём большого количества читателей, людей, проявивших серьёзный интерес к литературе, её проблемам, готовых выражать и отстаивать своё мнение. Это начитанная, умная и думающая аудитория.

Общение участников литературного праздника проходило не только на заседаниях, но и в неофициальной обстановке, так что узнать друг друга удалось неплохо. Читали стихи, говорили о прозе, обсуждали наболевшие вопросы писательского бытия, случалось, подшучивали друг над другом. С главным редактором журнала «Слово Забайкалья» О.Г. Петровым (он же председатель ЗКОПО) мы договорились об обмене публикациями, поскольку считаем, что расширение кругозора наших читателей в условиях ограниченной «видимости» – ограниченной финансовыми возможностями обмена делегациями и книготорговой политикой – задача не менее важная, чем пропаганда своих-местных авторов. Да и единое литературное пространство восстановить хочется. Правда, здесь мы уже в долгу, поскольку читинский журнал публиковал иркутян не раз (рассказы К. Балкова, пьесу Т. Ясниковой и др.). В этом номере «ИП» мы свой «долг» возвращаем.

Олег Димов

НЕБЕСНЫЙ ВОИН

Забайкальский писатель Олег Афанасьевич Димов (14.04.1951–16.05.2013) родился в селе Усть-Дурой Шилкинского района. Многие годы работал в геологических экспедициях. В 1986 г. окончил Литературный институт им. Горького и возглавил Читинское отделение Восточно-Сибирского книжного издательства. С середины 1990-х был литературным консультантом Читинской областной писательской организации. Олег Димов был членом Союза писателей России и автором сочинений: «Маршруты вдоль светлой реки», «На исходе тревожного лета», «Берег волчьей ягоды» и др. В 2011 г. Димов стал лауреатом премии имени Михаила Вишнякова.

РАССКАЗ

Всю зиму стояли такие калёные морозы, что земля потрескалась. Не укрытая снегом, высохла, разделилась на каменной твёрдости тёмные плиты. На степных дорогах колёса телег, двуколок и кибиток гремели и рокотали, будто далёкие бубны шаманов: бом, бом, бом... Кони и верблюды ломали ноги, всадники вылетали из сёдел. Если небо не смилуетя, наступивший год будет страшным. Скот падёт на сухих пастбищах, ничего не возрастет на пашенных полях. С далёкого севера, из-за хребтов, оленные тунгусы привозили мало пушнины, жаловались на бесснежье. Их племена, промышлявшие по чернотрупу, жили впроголодь.

Город, лежащий на границе ковыльных холмов и тёмного леса, был устроен вблизи развалин древней столицы народа, обитавшего так давно, что память о нём затерялась в веках. Место исключительно удобное для поселения: топливо, камень и лес – под рукой, в степи кормовые пастбища, в перелесках – пахотные земли. Как любой ураган, налетев на скалу, умиряется, оседает пылью, травой, мёртвыми насекомыми, так орды завоевателей, приходящие из степи, разбивались о стену леса. Тут и там видны полуразрушенные временем захоронения кочевников, окружённые каменными плитами, вросшими в землю, возле которых стоят камни-стражи с плоскими лицами.

Но вот рядом в степи пролегли торговые пути, и тихое поселение ремесленников, скотоводов и землепашцев превратилось в торговый город, многоязычный и многоголосый.

Горожане хоронились от мороза за стенами войлочных юрт, деревянных изб, каменных торговых палат, складских рядов, заезжих дворов, ночлежек, дворцов, церквей, мечетей, буддийских дацанов... Днём город принимал караваны, торговался, горланил, а вечером ватаги из перекупщиков, купцов, авантюристов, воров, наёмников, погонщиков скота гурьбой валили в кабаки,

публичные дома, опиумокурильни, где до утра предавались пьянству, блуду, дракам, поножовщине. Убитых выбрасывали на улицу. Городская стража собирала их утром в арбу, собаки грызли у мёрзлых трупов лица...

Сумеречно, выдыхаемый воздух шелестит, оседает инеем на меховых одеждах. Не редкость увидеть на дороге замёрзшую птицу. Только ростовщики, менялы и продавцы дров спешат в это раннее время занять места в своих лавках.

Налетали шурганы, выдувавшие тепло даже из деревянных изб. По ночам было слышно, как от мороза рвутся земля и лёд на реке. В степи начался падёж скота.

С пасеки приехали пчельники обменять мёд на товары; татарский мурза с двумя братьями украли у них на торжище большеглазую девочку. Всю ночь глумились над ней в юрте. Когда уснули, перепившись вина, она убежала, повесилась на пояске в древних развалинах. У девушки был сводный брат – крещённый оленный тунгус. В татарском улусе на ночь выставили охрану, а утром нашли мурзу и братьев его зарезанными. Пошли по следу, ведущему в лес, числом пятьдесят всадников – и ни один не вернулся. В отместку татары сожгли выселки: пасеку и мшаники с ульями. Благо, сами пчельники спрятались в русской слободе.

Жить возле самого леса, если не обижать доверчивых и не воинственных тунгусов, можно, но жить, не зная, проснёшься утром или нет, непросто. Род мурзы снялся с насиженного места, ушёл из татарского улуса в голодную степь со всем скотом.

Учитель музыки Всесвет недавно приехал из Китая, в гостинном дворе сошёлся с иеромонахом Никодимом, ждущим попутного каравана в Поднебесную. Никодим с поручением от митрополита пробирался в Пекин, к православным миссионерам. Искусства Всесвета искали местные князьки и мурзы, городская знать для своих детей, которым он давал уроки музыки. Учитель рассказывал иеромонаху о Китае, а тот ему – о событиях на родине. Интерес к долгим разговорам был обоюдным. И как не поговорить о том, что происходит вокруг.

– Быть беде! – прорицал Никодим. – Воздаст Господь сему граду за грехи, как воздал Содому и Гоморре.

Склонившись к самому уху Всесвета, шепнул, жарко дыша в щёку кислой капустой и чесноком от китайских огородников:

– Кликуши уже поговаривают, что видели Небесного воина...

Всесвет отстранился, с усмешкой спросил:

– А чего ты, брат, шёпотом заговорил?

– Так ересь сие, – смутился иеромонах. – Как есть ересь... Если бы это ангел был, иже посланный десницей Господней, так объявился бы, огнезrachный, сообразно чину своему, во всём подобающем ему величии. Зачем бы ходить ему между нами, грешниками, увещевать язычников и слугителей бесовских культов.

– И Господь нетленный не гнушался быть между нами, пока не вознёсся, – напомнил Всесвет.

Никодим удивлённо взглянул на него, высказал подозрение:

– Как-то мало ты похож на учителя музыки. Не молод, а телом дебил и крепок, и без сабельки-то не ходишь. Поелику ты воин или соглядатай?

– Уж поверь, брат Никодим, что саблей я владею не хуже, чем смычком и струнами. Иначе бы давно в земле лежал, не отпетый. В Италии, куда я был в отрочестве увезён, меня знатные мастера учили не только музыке, но и фехтованию. Сражаться мне приходилось много раз. Счёту не знаю, сколько стран я прошёл и народов. Любопытно было знать, как другие люди живут. Не нашник я, не бойся. Скажи: Воин небесный – это кто?

Они сидели, откушав ужин, в подвальчике при гостинном дворе, месте тихом и пристойном, назначенном для постояльцев и прочим горожанам или гулёнам с улицы недоступном.

– Се прелесть вражия, – ответил Никодим и почему-то вздохнул. – Сказывают, что появляется он там, где много грешат, и назидает к жизни праведной. И нет для него различия в народах, коим слова молвит, и в религиях: со всеми одинаково глаголет. И в любые храмы вхож: будь то синагога, или мечеть, или церковь, или языческое капище. Вот оно как. И будто бы знамение бывает, как ему прийти. И, побыв среди людей, уходит, и аще ли не исправляются, окаянные, от сласти живота, то быв учинение им сени смертной, в коей им углебати: мор или глад грядут, чума или оспа. Всё равно, как если бы град сей самого Господа Вседержителя прогневал.

– Страшные дела ты, брат Никодим, говоришь, – сказал Всесвет и перекрестился. – Чума!..

Потрясённые испугом и страшными предположениями, они какое-то время молчали.

Однажды ночью, когда морозы были особенно лютыми, из степи пришёл страшный гул, и город встряхнуло, на стенах зданий повисла паутина трещин. Земля за городом лопнула и поднялась: тяжёлая морщина пробороzdила лицо степи. Чёрный мрачный вал отгородил город от мира. Страшно стало тем, кто проснулся в это утро в городе. Звонили колокола, кричали верблюды, выли и лаяли собаки, метались люди. Днём на площадях появились цыганки, волхвы, дервиши, жрицы, шаманы: гадали на костях, картах, петушином пении, куриных потрохах, бараньей требухе... Кликуши известили, что кто-то видел Небесного воина, который пришёл избить людей. Пополз слух, от которого деревенели губы: чума!.. В слободе взбесившаяся собака до смерти загрызла хозяина, перекусала соседей, убежала в лес.

Ещё вчера просмеяли и конскими катышами закидали бы попа-расстригу, пропитого, с разбитым в кровь лицом, который кликушничал на площади. С безмолвным страхом расступались перед ним, ползущим на коленях к церкви.

– Идите в храмы и кайтесь! Погрязли вы, как свиньи в грязи, в жадности, блуде, пьянстве, чревобесии, воровстве, наветах, обмане... По ваши чёрные души пришёл Небесный воин! Если не отмоете их покаянием – камня на камне здесь не останется. Земля не родит вам ни колос, ни траву, псы бешеные будут грызть ваши трупы!..

Чёрными обмороженными пальцами он скрёб землю, посыпал ею обнажённую голову.

– Небесный воин воздвиг вал пред вами, а за спиной у вас – лес чёрный и мёртвый. Разве есть куда бежать? Кайтесь! Идите в развалины, копайте землю, черепа и кости найдёте там прежде избитых за грехи смертные. Не думаете ли

вы, сатанинское отродье, что первые здесь будете умерщвлены как негодные Богу? Вон они, руины, – какие вам ещё нужны доказательства, что здесь поколения грешников покаяются?

Со страхом в глазах люди смотрели на развалины, нависавшие уродливыми стенами над окраиной города. И верно: какие ещё нужны доказательства?

Ползли слухи, что Небесный воин, в одежде простолюдина, ходит между жителями; коснётся нераскаявшегося – на муки обрекает, а скорбящих устремляет к покаянию. И храмы наполнились так, что были невместимы для всех кающихся. Служба шла дни и ночи, священнослужители падали в обморок от усталости. Гудели набатом колокола над православной церковью, гремели барабаны в буддийском дацане, скорбно и высоко пели в католическом храме. Даже язычники воскорбели и просили милости у своих духов и божков, возлагали жертвы на капища, их жрецы и шаманы стучали в бубны. Торговые ряды пусты, и уже никто не подвизался на улицах в поисках наживы.

Наконец, уставшие от высокого напряжения чувств, горожане стали возвращаться к обычной жизни. Но где перекупщики, ростовщики, менялы, за всегдатаи кабаков и увеселительных мест, падшие женщины, воры, игроки, грабители? – Нет их! Пустовали кабаки, игорные и публичные дома, курильни опиума. У купцов не востребовался перекупщиками товар, и они откочёвывали из города к торговым путям. Вслед за ними тронулись потерявшие к городу интерес цыгане, актёры и шуты-скоморохи, китайцы-спиртоносы, продавцы опиума, воры, солдаты-наёмники, женщины с рогожами, менялы, ростовщики, конокрады, работоторговцы... Уползали, как змеи, с проклятиями в адрес города и горожан, храмов и священнослужителей, Небесного воина... Их обозы и караваны уходили из города. И будто поощряя их к этому, устраивая, чтобы они быстрее оставили город, сдали морозы. А однажды в полдень белёсо-голубое, вымерзшее небо затянула серая пелена, и огромными хлопьями полетел снег. И только вокруг солнца, ясного, здорового, голубело тёплое оттаявшее небо, и необычно это было: хлопья снега, летящие с неба в солнечном свете. На колокольне колокола ударили такой мелодичный перезвон, будто звонарь не только звонил, но ещё и отплясывал. А снег шёл и шёл невесомыми пушистыми хлопьями, засыпая в степи следы ушедших обозов. Стало совсем тепло.

Учитель музыки Всесвет и иеромонах Никодим бродили по городу до полного изнеможения всех членов, наблюдали перемены.

– А ведь я двадцать лет тому назад здесь три года прожил, – сказал Всесвет. – У меня женщина была... Не крещёная, из монголов. Нрава дикого, красоты буйной. В степь вернулась. Это был тогда совсем другой город... Слыхивал ли ты, брат Никодим, изустные предания, бытующие в народе, о стране свободы и присносущного счастья Беловодье? О земном рае? Вот здесь и был этот рай.

По тем временам город числом населения был вполовину от настоящего. Центр его населяли ремесленники, люди зажиточные, уважаемые, мастеровые; изделия от трудов рук их не залёживались в торговых рядах. Не просто было тогда хотя бы цех кузнецов исчислить. Если ты воин и надобно тебе оружие – ищи кузнеца-оружейника, а коли бронь добрая нужна – иди к кузнецам-бронникам, а если чего из украшения желаешь сладить, чтобы девушку прельстить – спрашивай кузнецов-златоделов. А по берегу реки ряд кузниц, где в очередь стоят коней

ковать, экипажи чинить... Куда проще, если покупатель не требовательный, тот в ряды торговые заглянет, чего себе готовое присмотрит: гвозди кованые, скобы, оси тележные, навесы, замки, колокольцы, заступы, ломы, топоры, пешни...

Так и в цеху столяров: мастеров от искусных краснодеревщиков, ларцы режущих, до мебельщиков можно найти. А коли купить лес или дом срубить, или баньку, или клеть – это надо к древним каменным развалинам ехать, там, на площади, томно от запаха смолы древесной и нагого долготья в штабелях. Летом плотники в прохладе развалин хоронятся, а зимой – у костров. Здесь же тебе срубят, что на заказ. Утром обсудишь подряд, вечером – забирай, знай плати торовато.

Не бедные ряды и у гончаров. Редко кто, быв в городе, не заедет к ним за покупками. Уж такая это утварь, посуда, что имеет свойство биться. Особенно, если жена бранчливая или нерадивая, или детишек много в семье. Тогда уж ты у гончаров первый покупатель, они тебя в лицо знают. Ещё издали смеяться начинают по-доброму, потому как рады. «Вон, – кричат, – Фаридка едет, опять его татарчата голодные сидят, потому как всю посуду жена перебила о Фаридкину голову».

А купив посуды, как не заехать в ряды огородников, где приветливые и улыбчивые китайцы разложились с овощами. Здесь витает стойкий дух чеснока, укропа, огурцов, квашеной капусты, лука... Покупать – покупайте, но приберегите мошну, потому как дальше уже зовут вас пчельники, которые свои мёды в кринках и туесах выставили, душистые мёды от тёмных цветов до янтарных. Ходи, пробуй ложкой, три дня потом сытый будешь, если не боишься животом расслабиться.

А дальше тяжёлый дух крови: мясники разложили убоину. Конина, баранина, говядина, медвежатина, оленина, птица, битая стрелами. Здесь же можно сторговать шкуры, накинутае на вешала. Если кому свинина нужна, про то есть отдельное место, куда татары не ходят. А дальше, на торговую площадь, и вы не ходите, чтобы совсем без мошны не остаться, ибо торговли там голову вскружат вам, обольстят, заговорят, задёргают... И найдёте вы себя, обретя разумение, наряженным в китайский халат вышитый, с японским веером в руке, с монгольским малахем на голове, стоящим на тунгусских лыжах лесных, к ногам вашим, обутым в меховые торбаса, прикреплённым, посреди лета красного, без последних денег в кармане и при голове, полной недоумения – зачем всё это купили.

Ещё про рыбные развалы мы ничего не сказали, и про фруктовые ряды, и про лавки с восточными сладостями, и про Тунгусий ряд, где всё от леса: ягоды, орехи, грибы... Есть всё, чего душа пожелает. Здесь всего так много, что озабочены больше не те, кто зашёл или издали приехал купить чего-либо для хозяйства или стола, а те, кто приехал продать. Как бы домой с товаром не вернуться – вот какая заботушка первая.

Цены – ценами, а особенно в спросе у торговцев было, чтоб покупатель покуражился, поторговался. Чтoб уговаривал с дрожью и со слезой в голосе, чтобы гневался, ногами топал, кулаком грозил, шапку оземь кидал, уходил и возвращался – как такому не уступить? А ближе к вечеру, заморенные солнцем или ознобленные морозом, продавцы и сами готовы скидывать. Китайцы-огородники вялую вечернюю зелень раздают даром. А овощи, не проданные днём, – за полстоимости. Зимой сильно падает в цене мясо. Монголы – боль-

шие любители облавных охот, в свои языческие праздники, сговорившись с лесными тунгусами, обкладывают загонщиками целые речные долины и пади. Их князьки и знать, натешившись, избив стрелами и копьями до тысячи оленей, кабанов, волков, лисиц, разъезжаются по стоянкам, а битая дичь отвозится в город, раздаётся даром – праздник...

Но не пора ли нам выбираться из торговых рядов, чтобы осмотреть весь город. В центре здания устроены из камня древних развалин, вторым кругом-опояской идут избы деревянные – всё это на холме, за насыпным валом. На площадях в разных частях города стоят храмы: православная церковь, мечеть, синагога, буддийские дацаны. Многочисленные язычники собираются в своих молельных домах – никто этому не препятствует и не чинит им препон. Всяк верует в своё, а обычаи чтит и чужие. Так, если у христиан праздник какой случится, поздравляют и мусульмане, и буддисты, и монголы-язычники; так и христиане поступают по отношению к друзьям-иноверцам. Нет в этом дивного: у людей разной веры общего больше, чем у безбожников.

Извне вокруг вала притулились слободки, стойбища, улусы, дальше, в перелесках, видны выселки пчельников и людей пахотных, а ещё дальше, в самой степи – пастушьи кочевья. Вдоль реки тянутся огороды китайцев, а по закрайке леса – поля.

За порядком досматривала стража из наёмников, которую содержали на сбор от горожан и подати с торговли. Степь считала город своим и разбоев против него не чинила. Оленные тунгусы были разобщены и малочисленны, чтобы воевать.

Прежде Всесвет и не представлял, что бывают такие места благодатные: тихие, безопасные, сытые, будто специально устроенные для счастья. Его поразили порядок, чистота, строгость правил, бытующих здесь, когда каждый знает, как себя надлежит вести и чего нельзя делать. Определившись с жильём и найдя заработок, уставший от кочевой жизни, полной опасностей (не единожды Всесвет был полонён, бит и ограблен на дорогах), он наконец-то обрёл в сердце покой, предался ленивой и созерцательной жизни. Но недолго она длилась.

На площади объявился пастух-монгол – он продавал дочь. Они пришли из степи пешком. Уже в этом была необычность, потому что монгол без лошади – только мёртвый монгол. В городе продавали всё, но не людей, стража прогнала пастуха, он ушёл с дочерью в развалины. Рассказывали, что за долги у него отняли всю семью – четырёх сыновей и жену, – если не принесёт выкуп, их продадут мусульманам в рабство. У Всесвета были небольшие сбережения, и он купил девушку. Как покупают птицу, чтобы выпустить. Но оказалось, что от денег избавиться легче, чем от покупки. Девушка весь день преследовала его, как тень, и он был вынужден о ней позаботиться.

Так они стали жить в одной комнате. Имя её – Бальджи. Была она невысокой и тонкой, двигалась легко, бесшумно. Длинные глаза, чёрные блестящие волосы, тёмная гладкая кожа. Юная, красивая, спала на волосяном матрасе в кладовке для вещей. Всесвету казалось, что там живёт чёрная, зеленоглазая, грациозная дикая кошка, выходящая украдкой погулять и поесть. И когда однажды ночью она прокралась к нему в постель, он не знал, зачем пришла: ластиться или перерезать горло. Так у Всесвета появилась женщина: тоскующая и бессловесная. Кроме уроков, которые давал днём, он играл по вечерам

в домах городской знати, часто оставался там до утра и не представлял, чем занимается Бальджи.

Минула зима. Ближе они не стали. Зацвела степь, озеленились леса. Вечерами звонко пели птицы, голову кружили чудесные запахи, прилетавшие из цветущей степи. Бальджи поднималась на земляной вал, часами смотрела вдаль, неподвижная, как плосколицый каменный идол, охраняющий древние захоронения. Домой приходила ночью, проскальзывала в свою камору, иногда ложилась к Всесвету. Он уже привязался к ней и совсем запутался в своей жизни.

Богатый просвещённый китаец, ценитель итальянской музыки, уезжающий осенью в Поднебесную, приглашал учителя следовать с ним. А Всесвет весной, из добрых чувств к Бальджи, в татарском улусе купил небольшую юрту. Бальджи как подменили: будто отныне жизнь её приобрела смысл. Дом из жердей и юртового войлока был частью её прежнего счастливого мира, с которым теперь она снова соединилась. Бальджи повела Всесвета в торговые ряды, заставила купить посуду, светильник, постель, низкий столик, кошму... Наняли телегу.

В юрте, расставив всё по своим местам, Бальджи взялась тушить в казане мясо с овощами, потихоньку напевая какой-то степной протяжный мотив. Голос у неё звонкий, как у жаворонка.

Мир, где они жили, не был родным ни девушке, ни учителю, они, дочь степей и сын Московии, общались между собой на немыслимом языке, состоящем из монгольских, русских, татарских и китайских слов.

Летом часто гуляли. Изучив город и развалины, стали уходить в ближние леса, иногда оставались ночевать на выселках у пчельников и китайцев, где завели друзей. На лошадях уезжали в степь, стреляли в цель из лука, боролись – Всесвету не было ещё тридцати, а Бальджи – почти отроковица. Скакали наперегонки, находили источник, жарили на углях мясо, овощи, ночевали на кошме под звёздами. В степи, среди спящих трав, под тёмным бархатом неба, натянутого над горизонтами, Бальджи отдавалась учителю самозабвенно.

Проснувшись ночью, Всесвет слышал рядом доверчивое дыхание девушки, смотрел в тёмную бездну, разверзшуюся над ними, изукрашенную лучистыми звёздами: будто перемигивались золотые пауки на тонких лапках. С холмов, где паслись кони, струился тёплый воздух, переносивший цветочную пыльцу, душистыми волнами омывал лицо. Ветер бескрайних просторов, солнца, птичьего пения в трепете крыл... Стрела, пущенная в цель, в конце полёта достигает её, ударяется и замирает. Какая цель у жизни в степи, если протекает в её бескрайности, а горизонты недостижимы? Жизнь в степи подобна летящей стреле, пронзающей воздух и поющей от наслаждения полёта. А цель? Может быть, эта каждодневная жизнь среди цветущих долин и ковыльных холмов, на душистых ветрах, под ласковым солнцем, между красивых кобылиц, жеребят и коней, в кругу любимых людей, исполненная свободы и мужества, не требует цели? Разве у счастья, подобного птичьему пенью и трепету крыл, может быть цель?

Думы прогоняли сон. Всесвет чувствовал, что происходит непоправимое: он всё больше и больше привязывается к девушке. Делает ей дорогие подарки, устраивает поездки, чтобы только увидеть, как всполохом радости озарится её милое лицо. Если бы она постоянно не тосковала по семье, их жизнь можно

было бы назвать счастливой. Но эти вечера и ночи, которые она проводит на городском валу, подставляя лицо ветрам, веющим со стороны родных стойбищ... Что больше нужно сердцу: свобода или любовь – если они не могут быть вместе? Если бы она оставила дом взрослой, но отец увез её от кизячного дыма очага, родных юрт, от матери, братьев, любимых забав, друзей, ещё не зрелой духом. Иногда Всесвет, приходя домой, заставлял её заигравшейся: «цок-цок-цок», – как синичка, звонко цокала Бальджи и толкала по юртовому войлоку, постеленному у очага, четыре костяных бабки – это её братья, скачущие наперегонки.

Может быть, всё бы определилось, если бы она понесла от Всесвета ребёнка. Или согласилась бы покреститься. Ласковая, во всём послушная Всесвету, она замыкалась, становилась злой, едва заводил речь о крещении. Или крещение ей казалось последним шагом на пути забвения родного очага, семьи? Значит, не так уж и сильно любит Всесвета. Во всяком случае, не больше надежды вернуться к родным кочевьям.

Думы в голове, беспокойные, как эти золотые тонконогие паучки на небе, не дают спать.

Если, предавшись лени и слабости, жизнью своей не заниматься, приходит время, и она сама развязывает все узелки и ставит перед неизбежностью выбора пути.

Прошло лето, знатный и богатый китаец-меценат предупредил Всесвета, что через две недели покидает город – за ним уже отправлены караван и охрана из Поднебесной – и ещё раз пригласил поехать с ним.

В воскресенье священник отказал учителю в исповеди и прогнал из церкви, не допустив к причастию. Сокрушённого Всесвета нашёл пономарь и объяснил, что если хочет остаться в лоне православной церкви, то должен расстаться с язычницей или обвенчаться, покрестив её.

И последний узелок: вечером, придя домой, Всесвет увидел у коновязи двух сильных монгольских жеребцов, едва ли объезженных, а в юрте – сидящего за низким столиком с чашкой чая отца Бальджи. Это была их первая встреча с тех пор, как расстались в развалинах. Наверное, через сородичей, бывавших в городе по разным нуждам, отец знал, как сложилась жизнь дочери. Одет пастух бедно, но приехал с подарком: на кошке лежала сабля в дорогих ножнах, изукрашенных серебряной чернью и чеканкой, золотыми нитями.

Взволнованная Бальджи сбивчиво объяснила, что мать задавил упавший верблюд, она хочет видеть дочь. Последнее желание умирающей. Но не только печаль увидел Всесвет в глазах девушки: они, лихорадочно взблёскивающие, выдавали потаённое и наболевшее, связанное с долгими думами на земляном валу, ночными тайными слезами. Спросил Бальджи: может быть, ей совсем уехать с отцом? Безвозвратно... Она ничего не сказала, пожала плечами.

Как он не любил в ней это бесстрастное выражение на лице, как у плоских истуканов.

Утром Всесвет попросил у покровителя-китайца жалованье золотыми за полгода вперёд. Царедворец охотно выполнил просьбу, добавил ещё и от себя толику: уж очень хотелось, чтобы учитель расстался с дикаркой и уехал с ним в Поднебесную. Эти немалые деньги, двух прекрасных коней, купленных весной, юрту со всем скарбом Всесвет передал Бальджи. Пастуху пришлось нанять телегу.

От сабли учитель отказался под предлогом, что это слишком дорогой подарок, чтобы его везти в Китай. Пообещал забрать на обратном пути. Когда? Когда-нибудь весной. Обязательно весной, по цветущей степи, вернётся с караваном. Пусть Бальджи хранит его саблю.

Прощание было лёгким: поцеловал девушку в лоб, посадил на высокого жеребца. Отец в телеге, беспокойно оглядываясь, отъехал уже далеко. Бальджи погналась за ним. Бег коня и её посадка в седле были лёгкими, вольными, словно они плыли по воздуху, как летящие над ними птицы, и вся степь, волнуемая ветром, с приклоненным ковылём, неслась вдаль, к горизонту, навстречу белым облакам.

Вскоре Всесвет уехал в Китай на долгие двадцать лет.

Вечером в подвальчике заезжего двора, изрядно опустевшего, состоялся прощальный ужин. Завтра Никодим, как некогда Всесвет, с караваном уходит в Поднебесную. Расставание было немного грустным и светлым.

– А ты камо грядеши? – спросил Никодим учителя.

– Пока никуда не иду. Никто меня на родине не ждёт. Да и где она у странника... Останусь здесь пожить до весны.

– Царство небесное – наша родина, поелику все мы здесь странники.

– Оно так, – согласился Всесвет.

– Если Бог даст, я весной думаю быть здесь из Китая. Может, вместе домой, на Московию, двинемся?

– Может быть, – согласился Всесвет. – А может, и нет. Как Господь сподобит.

– Загадками говоришь, брат.

Всесвет рассмеялся:

– Сам разгадываю загадку. Ходил я в татарский улус посмотреть место, где стояла моя юрта. Конечно, меня там никто не помнит. Но рассказали удивительную историю. Якобы каждую весну из степи приезжает богатая монгол-ка, ставит в ауле юрту, встречает все караваны, приходящие из Поднебесной. Говорит, что ей нужно отдать какому-то русичу саблю. И саблю эту у неё видели, чудной работы, дамасской стали, в богатых ножнах, червлёных серебром, изукрашенных кованым золотом. Раньше она приезжала с нукерами, охранявшими её, а последние вёсны бывает с двумя сыновьями-близнятами. Могучие батыры, не по-монгольски рослые, светлоголовые и голубоглазые... Вот такая сказка, брат Никодим.

– Не хочешь ли ты сказать...

– Ничего не хочу сказать, – перебил Всесвет, – кроме того, что неведомы нам пути Господни и его планы на наши жизни. Разве не так?

– И то верно, – согласился иеромонах. – Надеюсь, что поелику весной свидимся здесь, и мне, грешному любопытством, неведомое откроется.

– Дай-то Бог!

Договорились, что весной здесь свидятся.

Побывать на встрече этого замечательного поэта с детьми, а приглашают его читинская детская библиотека и школы так часто, словно это его работа или «святая» обязанность, значит, получить своеобразный урок общения вкупе с большим удовольствием от ярких, проникнутых любовью к миру и добрым юмором, строк. Многие стихи вроде бы и специально для детей написаны, а ложатся на душу взрослому человеку с не меньшим успехом.

Именно такой и должна быть настоящая детская литература, а не скопищем модной среди бесталанных авторов и, к сожалению, благожелательно воспринимаемой читательской средой абракадабристики, помогающей телевидению и Интернету разрушать неокрепшее сознание. Почитайте стихи Николая Ярославцева, пожалуй, наиболее близкого по духу Юрию Черных и Анатолию Горбунову, и вы сразу почувствуете, в чём разница.

ГДЕ ЖИВЁТ ВЕТЕР?

Где твой дом, скажи мне, ветер?
Ты гудишь, свистишь, поёшь.
Я тебя сегодня встретил,
Только где же ты живёшь?

За лесами? За горами?
За рекою? За прудом?
Может быть, за облаками
У тебя построен дом?

Я пришёл домой к себе –
Ты гудишь в печной трубе.
Я пришёл с Маринкой в поле –
Ты резвишься там на воле.

Вот по саду я иду –
Ты шуршишь листвою в саду.
Хитрый ветер, ты кругом,
У тебя повсюду дом!

КОТЁНОК МИНЬКА

Я любить не перестану
Своего котёнка Миньку:
То налью ему сметану,
То ему поглажу спинку.

И в меня влюблён котёнок,
Любит, словно маму-кошку:
То зовёт меня спросонок,
То лизнёт мою ладошку.

ЧЕМ ПАХНЕТ ХЛЕБ

Пахнет хлеб не просто хлебом.
Пахнет солнышком и небом.
Пахнет он весенним лугом,
Ветром, трактором и плугом.

Пахнет сеялкой и жаткой,
Пахнет он работой жаркой
На полях и на токах,
В хлебобулочных цехах...

И когда перед обедом
Все его приносят в дом,
Пахнет хлеб не просто хлебом,
А заботой и трудом!

РАДУГА

И солнце, и дождик!
Что может быть лучше?
По тонкой дождевке
Спускается лучик.

Спускается лучик,
А следом другой...
И вспыхнула радуга
Яркой дугой

Над озером синим,
Над пашней и лесом.
И смотрит на мир,
Как малыш, с интересом!

НЕЗАБУДКИ

Голубые незабудки
На полянке – там и тут.
Их совсем не ради шутки
Незабудками зовут.

Потому их так назвали,
Чтоб от Родины вдали
Мы с тобой не забывали
Красоту родной земли!

ЗИМНИМ УТРОМ

За оградой снег по пояс –
Не пройти и не пролезть.
Только я не беспокоюсь,
Потому что лыжи есть!

По нетронутому насту
Полечу, как ветер, я:
– Здравствуй, солнце!
Утро, здравствуй!
Догоняй меня, лыжня!

САМОЛЁТ

Легкокрылый самолёт
У меня впервые.
Запущу его в полёт
В дали голубые.

Я его сегодня смог
Сделать из газеты.
Пусть читает ветерок
Новости планеты!

ДЕДОВО ЛЕКАРСТВО

У меня болезнь такая,
Что бессильны доктора, –
Раньше всех я засыпаю,
Сплю до позднего утра.

Только я глаза открою,
Только руки сполосну –
Уж еда передо мною.
Съем её, опять усну...

К нам из города Балея
Погостить приехал дед,
Посмотреть, чем я болею,
Чем страдаю с малых лет...

И, представьте, утром рано –
Не поверите, друзья! –
Умываться стал под краном,
Стал зарядку делать я.

Зубы чищу мятной пастой,
Мою обувь каждый день...
Дед мне выписал лекарство,
Называется – ремень.

В ТАЙГУ ЗА СТИХАМИ

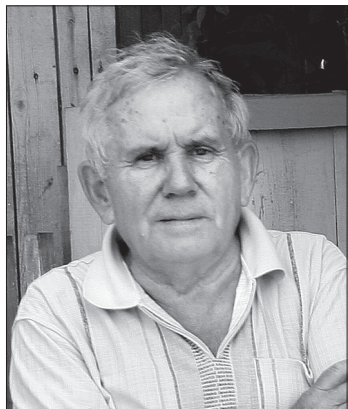
Я встану пораньше –
Почти с петухами,
Чтоб снова поехать
В тайгу за стихами.

Сложу всё, что нужно,
В походный рюкзак,
Как делает это
Любой сибиряк.

На сопке высокой
Поставлю палатку,
Открою свою
Голубую тетрадку.

И снова –
И солнце, и небо, и птицы
В тетрадку попасть
Захотят на страницы.

Я воздухом свежим
В тайге подышу...
И свежие детям
Стихи напишу!

МЕСТА ВОКРУГ РОДНЫЕ

Бабке Агафье далеко за семьдесят, но на ногу быстра, а уж ягодница – поискать надо.

Не уродилась в прошлом году возле нашей деревни земляника. Ну просто ни ягодки. Леса же у нас дремучие. Смотришь из окна и не верится: как так – ни ягодки?

...Оставили сын с невесткой бабу Агафью с внучкой Алёнкой нянчиться, дом стеречь.

– В лес не ходи. Нет там ни ягодки.

Не усидела Агафья. Молодые – за ворота, а она пятилетнюю Алёнку одела, обула – и в лес.

...Три дня и три ночи шумела деревня. Кто на машинах, кто пешком бабу с внучкой искали. Лишь сын с невесткой на крыльце сидели, встать не могли – беда придавила.

Четвёртые сутки пошли. Возвратились люди из леса оборванные, усталые: всё обыскали, нет, поминки готовить надо.

А тут к дому машина подъезжает. Вылезает из кабины бабка Агафья, и шофёр, парень из дальнего села, подаёт ей улыбающуюся Алёнку и ведро с ягодой. Полное ведро, косыночкой сверху аккуратно повязанное.

Увидела бабка собравшихся людей, опухшую от слёз невестку и бледного, заросшего полуседой щетиной сына.

– Чё случилось? Чё люди-то собрались? Чё такие бледные да страшные?

Развели люди руками:

– Вас же днём и ночью искали. К поминкам уж хотели готовиться.

Рассердилась бабка, насупилась:

– Рановато вы меня и Алёнку хоронить захотели. Мы на могойтуйской ферме у доярок гостили, попутную машину ждали, время зря не теряли – места там ягодные.

– Да разве ж можно так, мама! – пришёл наконец в себя сын. – Леса у нас вон какие глухие – и заблудиться можно, и погибнуть...

Усмехнулась бабка:

– Милые вы мои, хорошие, леса у нас, это точно, дремучие. Да места вокруг родные...

Так до сих пор и гадают в деревне – то ли бабка Агафья всё же заблудилась и на могойтуйскую ферму по счастливому случаю вышла, то ли для неё тридцать километров пройти и внучку на руках пронести – действительно за прогулку считается. Пробовали выяснить у Алёнки, да что ребёнок скажет!..

– Долго шли. Бабушка меня на ручках несла. А ночью, когда темно и страшно было, бабулечка мне сказки рассказывала и песенку пела:

Не плачь, Алёнушка,
Не плачь, голубушка.
Места вокруг родные...

ДЕЛО – ТРУБА

Нет, что там ни говори, а прогресс этот самый не остановишь. Он и до нашей деревни докатился. Вот, к примеру, колодцы. Где они? Тю-тю. Раньше в каждом дворе журавли поскрипывали, а теперь у одной Пронихи журавль над огородом торчит, да и тот бездействует, вот-вот на дрова пойдёт. Вода же в дома наши по трубам идёт, как в городе почти. Залил ковшичек в насос, качнул пару раз, нажал на кнопку, включил «Каму» и – хочешь пей, хочешь поливай. Ни забот, ни хлопот лишних – благодать!

...Недавно мы с Ванькой Ветровым да Алёшкой Поповым у Севастьяновых трубу забивали. Грунт такой попался – два дня к воде пробивались, пять бутылок водки выпили, барана съели. Андрей Прокопьевич Севастьянов – мужик хороший, щедрый.

– Пейте, ешьте, – говорит, – ребята. Мне в молодости приходилось трубы на Колыме забивать. Знаю, что это такое.

Уважительный человек.

И хозяйка у него, Наталья Андреевна – баба правильная, не прижимистая. Моргнёт он ей глазом – стол накрыт.

Ну, а таких людей и нам уважить хочется. Лупим – искры летят. Труба, как струна гитарная, поёт. Метра два за полдня проходим. И вдруг, на вторые сутки – стоп. Хлещем, хлещем молотом – ни сантиметра. Из сил выбились – сели вокруг трубы на пол, все косточки ноют.

Андрей Прокопьевич с Натальей Андреевной чуть не в слёзы:

– Не уходите, мужики, постарайтесь. Возраст у нас... Силы не те... Пропадём без воды...

Вдохновились мы, озверели. Хлопнули по стакану водки и, не закусывая, на трубу навалились. Ну и лупили – пудовый молот в шаньгу превращаться стал. И что вы думаете – пошла труба. Пошла! Чем дальше – тем легче и быстрее.

Опустили мы в неё, как положено, нитку с гайкой, вытащили – гайка мокрая. Вода!

Наталья Андреевна аж прослезилась.

Установили насос. Присоединили шланг. Вывели конец шланга в дверь. Включили насос. Есть вода. Фонтаном бьёт. Вода, конечно, для начала грязная, с песочком. Потому её и откачивать надо.

Сели мы за стол. Выпиваем, закусываем. Впечатлениями делимся. Довольненьхоньки все. Ещё бы – скалу гранитную, видно, одолели, насквозь прошли.

Алёшка Попов – помоложе нас, первый подзакосел. В Афганистане он воевал, контуженный. На тосты его потянуло. Встаёт со стаканом в руке и гордую речь начинает:

– Не такие преграды брали, не такие скалы пробивали...

И вдруг вижу: побледнел он и, уж чего с ним никогда не бывало, водкой из стакана в холодец плескать начал – рука затряслась. Сам же в окно неотрывно смотрит...

Взглянули мы в окно и тоже оцепенели. За окном, метрах в пяти от стены дома Севастьяновых огромная лужа была. И зимой и летом не исчезала. Примечательная-таки лужа – хоть карасей разводи и лови.

...Ещё минут десять-пятнадцать назад на месте лужа была, а тут – нет её.

Андрей Прокопич, человек бывалый, грамотный, до пенсии в школе лет двадцать пять учителем географии проработавший, и то удивился:

– Никогда подобных природных явлений не видел...

Умно так сказал, по-грамотному. И уже в дверях, куда мы все кинулись, что-то про разлом земной коры добавил.

Выскочили мы на улицу, подбежали к тому месту, где лужа была, видим – торчит из грязи кончик какой-то трубы и последние капли всасывает.

Забегал Ванька Ветров в дом, насос выключил и, не подходя к нам, на крыльцо сел:

– Дело – труба!

Путано сказал, неграмотно. Но нам сразу всё понятно стало. Наша это труба. Упёрлась она в каменную плиту, загнулась и, спасаясь от ударов, не туда, куда надо, вышла.

Вот и всё. Посмеялись, конечно, в деревне над нами, посудачили и забыли. А вот Ванькины слова «дело – труба» почему-то до сих пор к месту, не к месту все повторяют. Увидят, например, новые «повышенные» цены на хлеб и мясо, и тут же кто-нибудь крикнет:

– Дело – труба!

Прихватит кого-нибудь с чем-нибудь налоговая инспекция, и опять хором:

– Дело – труба!

Посмотрят мужики по телевизору очередную драчку в Государственной Думе, покрутят головами и вздохнут:

– Дело – труба...

И чем эти слова людям понравились – не понимаю.

...Такой уж народ у нас... Забавный народ. Уж если попадёт ему какое словечко на зуб, считай: дело – труба...

ГЕРКА И ГЕНКА – МУЖИКИ ХВАТКИЕ

У Герки и Генки не только имена созвучные. И хотя они лишь друзья и одноклассники, а никакие не братья и даже не дальние родственники – друг на друга и внешне похожи. Оба зеленоглазые, веснушчатые, коренастые. А уж энергии в каждом: шнур в рот – лампочка загорится!

Желания у Генки с Геркой тоже часто бывают одинаковыми. Захочется, скажем, одному на рыбалку – второй уже червей копает. Захочется одному по грибы – второй с корзинкой у крыльца стоит. Потому они, наверное, и друзья закадычные, и уже седьмой год в школе за одной партой сидят, и ни разу не поссорились. Ко всему сказанному надо добавить: Герка и Генка – парни упрямые и, как их с недавних пор в деревне стали называть, мужики хваткие. И называть так стали не случайно, а заслуженно.

А дело было так.

Кто первый, кто второй – сейчас они и сами уже не помнят – возмечтали Генка и Герка велосипеды заиметь, и не какие-нибудь там подростковые – настоящие взрослые, чтобы сами велосипеды чёрными были, а шины на колёсах красные, и чтобы на каждом по фонарю дальнобойному.

Возмечтать-то возмечтали и сами же вначале друг над другом посмеялись: это в наше-то время – велосипеды. Тут вон на книжки денег не хватает, а некоторые пацаны в школу голодными приходят...

Но мечта есть мечта. От неё, как от комара, мухи, – не отмахнёшься.

Думали-думали Герка с Генкой, как им велосипеды настоящие, взрослые заиметь, и придумали. Попросили весной в прошлом году отцов своих сгородить им отдельный огород и землю в огороде под картошку вспахать. Посмеялись сначала отцы, а потом рассудили: «А что, пускай занимаются делом. Всё, глядишь, летом меньше будут по улицам шмонать, собак дразнить да у старших пацанов-хулиганов курению-матам учиться».

Огородили, вспахали, семян выделили:

– Выращивайте свою картошку. Вырастите – продадим, так и быть, покупайте себе велосипеды. Их вон в райцентре в магазинах навалом, на любой вкус.

Надо добавить, Генка и Герка – парни открытые. О своей мечте отцам, матерям сразу рассказали. Может, ещё и потому отказа не встретили. Не на дурное дело деньги заиметь захотели.

...Всё лето и всю осень Герка и Генка со своего огорода не отлучались. Пололи, окучивали, копали.

А тут и сам Бог, видимо, пацанам помог. Картошка уродилась – ого-го, что ни куст – ведро.

Пожелтели на берёзах и тополях листья, приехали в деревню машины военные – зелёные, огромные. В каждой машине по два солдата да по прапорщику – тоже зелёных, то есть в зелёных формах-одеждах, и у Генки и Герки, как и у многих других сельчан, картошку купили.

Ну, а потом был тот жёлтый от жёлтого солнца и жёлтых листьев торжественный для Герки и Генки день. Выехали они оба на центральную улицу деревни на настоящих взрослых велосипедах. Сами велосипеды чёрные, а шины на колёсах красные. И на каждом велосипеде – фонарь настоящий, дальнобойный.

И смотрели на Генку и Герку даже взрослые пацаны с завистью.

И говорили про Генку и Герку мужчины и женщины, цену труду крестьянскому с малолетства знающие:

– Ну и молодцы – молодчаги. Настоящие мужики – хваткие. Вот на таких и земля держится...

Сейчас Генка и Герка в седьмом классе учатся и уже не о велосипедах – о мопедах и даже о мотоциклах мечтают.

А что, мужики они хваткие...

ДОМ ДЛЯ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ

Одноногому фронтовику-инвалиду Семёну Марковичу Прохорову недавно исполнилось восемьдесят. Живёт Семён Маркович один. Жену схоронил лет пятнадцать назад. Единственный сын Семёна Марковича, бывший колхозный инженер Виктор Семёнович, сразу же, как только замаячила на горизонте перестройка, будучи человеком грамотным, последствия её предугадал точно и срочно перебрался в город. Устроился хорошо, куда-то по торговой части.

Перевёз семью – жену, двух ребятишек Ваньку да Веньку – внуков Семёна Марковича. Звал и его. Но упрямый старик категорически отказался:

– Здесь родился, здесь крестился, здесь и помру!

Поначалу Виктор Семёна Марковича навещал часто, с женой и детьми. Заботился. Привозил кое-что из одежды, обуви. Как-то привёз целый ящик сладковатой американской тушёнки и ананас:

– Попробуй, отец. Эта штукавина сейчас в городе в большом почёте...

Попробовал Семён Маркович ананаса, не сплюнул: действительно вкусно и солнышком пахнет. Но мнения своего не изменил:

– Нечего мне там, в городе, делать. Бывал, знаю. И эти самые бананы уже пробовал.

Похлопотал Виктор Семёнович перед деревенской властью, заботу об отце проявил – добился, чтобы к тому сестру милосердия прикрепили, и уже надолго уехал и опять жену свою и внуков Семёна Марковича с собой надолго увёз.

Нет-нет, отца не забыл, не бросил: просто в каких-то там кризисах да кредитах, как в паутине, запутался – не до поездок, того и гляди самого, куда добровольно не ездят, увезут...

...Погрустил, погрустил Семён Маркович, попил разок-другой чаёк со своей сестрой милосердия – вчерашней школьницей, ласковой и внимательной девчушкой Тамарой Никитиной – и заскакал на своей деревяшке по селу. Поговорил, поторговался с кем надо, и потянулись к пустырю, что рядом со старым домом Семёна Марковича каждое лето окрестных свиней первосортной крапивой обеспечивал, подводы и машины с брёвнами, досками и даже листами шиферными, очень похожими на те, что раньше колхозную ферму от дождей и ветров укрывали.

...Прошёл год... Прошёл другой... И встал на бывшем чушечьем пустыре сруб золотистобокий, а около месяца назад мужики на него уже и матицу положили.

Народ из деревни нашей кто куда может разбегается. У четверти домов уже окна досками заколочены. А тут – на тебе – новостройка.

И, конечно же, все кому не лень Семёна Марковича по этому поводу спрашивают:

– Неужто, Маркович, ты на девятом десятке жениться собрался – новый дом себе строишь?

– Неужто, Маркович, ты себе занятие полегче и поинтересней не нашёл? На девятом-то десятке да на одной ноге по брёвнам с топором лазить... Того гляди – за ненормального сочтут. Кто же в наше время-то в деревне дома строит? Их вон брошенных – бери не хочу...

– Не себе строю, – отвечает Семён Маркович, – внукам своим да правнукам. Вот вернутся они в родные места, не в брошенных же им халупах жить, не с палаток же начинать...

– А вернутся ли?

– Вернутся. Я вон в своё время аж до Праги дошагал, смерти в глаза заглянул, на одной ноге дополз, допрыгал – вернулся. И они вернутся. А тут до города – рукой подать. Зов-то земли родимой куда слышней. Услышат... Поймут... Вернутся...

Вячеслав Вьюнов

ЖИЗНЬ СБЫЛАСЬ...

* * *

Розовые полоса заката
 Обещают следующий день.
 Тишиной дремотною объято
 Озеро, наполненное всклень.

Просто так заброшу в воду камень,
 И пойдут круги.
 И в тишине
 Слышно, как они перетекают
 В золотые кольца на сосне.

* * *

В окно влетает пенье птичье,
 По стенам блики егозят.
 А у тебя такие нынче,
 Такие майские глаза!

И мы смеёмся в это утро,
 Печенье мятное жуём,
 И так прозрачен дом, как будто
 В аквариуме мы живём.

И всё ж от окон до порога,
 Мы это чувствуем слегка,
 Везде присутствует тревога
 Необъяснимая никак.

Вот так в аквариуме зыбком
 Под электрическим лучом,
 Резвясь, посматривают рыбки
 На притаившийся сачок.

А кто-то с замыслом неясным
 К стеклу склонился и затих.
 И слишком долго и опасно
 Зачем-то изучает их.

* * *

Весёлая нынче вода,
Смеётся и денно, и ночью,
Полощет она невода
И вербы охотно полощет.

Весёлость её холодна,
Над нею смеяться не смейте,
Она до холодного дна
Прозрачной пронизана смертью.

И всё-таки ты наклонись
Над зыбким своим отраженьем –
Твоя там волнуется жизнь
В каком-то другом продолженье.

* * *

Лунный свет, удивительно белый,
Над холодной землёю разлит.
«Прогорит наш костёр неумелый,
Непременно к утру прогорит...»

И подуло смертельно и сонно
От болота, где стынет камыш.
Вздрыгнул я и спросил потрясённо:
«Ты зачем это так говоришь?»

Но во тьме улыбнулась устало,
Посмотрела, как при ворожбе:
«Я молчу, ничего не сказала,
То почудилось просто тебе».

Что за бред, что за глупые шутки?
Я возьму и пилу, и топор,
Дров подкину, и будет не жутко,
И к утру разгорится костёр.

Будет свет удивительно белый...
Только кто это там говорит:
«Прогорит ваш костёр неумелый,
Непременно к утру прогорит»?

* * *

Вышел в рощу – всюду иней!
День морозом опьянён.
Губы выкубили имя
Невесомое твоё.
День, присыпанный порошей,
День, истаявший, как нить.
Этот день, такой хороший,
С чем, скажи, ещё сравнить?

* * *

Сосны видят, как падают сосны,
Отряхаясь от жизненных пут.
Шевелятся зелёные космы
И от ужаса дыбом встают.

Содрогаются кроны.
И в жилах
Стынет кровь.
И уже ввечеру
Лесорубы оставили пилы
И бредут напрямую к костру.

Трут ладони корявой вехоткой,
Перед ужином выйдя на круг.
Кровь всегда тяжело,
Неохотно
Отмывается с рук.

* * *

Садилось солнце. Выжат за день,
Я брёл вдоль берега домой.
И ровно, словно в кинозале,
Гасили свет над головой.

И вдруг холодною волною
Нахлынул страх.
Нахлынул страх!
Шагах в пяти передо мною,
Передо мной в пяти шагах!

До каждой чёрточки, до точки,
Я видел: нет там никого.
Но стебли,
Веточки,
Листочки
Заволновались вдруг легко.

Там кто-то был.
Иль было что-то.
Я помню ясно, как сейчас,
И шум,
И стон,
И всхлип,
И шёпот,
И промельк мутного луча.

Там что-то лёгкое сплеталось
И тут же с трепетом рвалось,
Меня невидимо касалось,
Перед лицом моим неслось.
Как будто рвали парусину
И всё осилить не могли.
От страха близкие осины
Почти припали до земли.

Я оглянулся, чуя спину:
Лучи скользили над водой,
Туман затапливал долину,
Кричал за речкой козодой.

И – никого!
И – ни селенья,
И – ни одной души живой!
И только это шевеленье
В пяти шагах передо мной...

* * *

Как бондарь за работою играет,
Так и ноябрь, старанием горя,
Морозный обруч ловко набивает
На золотой бочонок октября.

И – хорошо! Я честно попрощался
И выпил на прощание вино.

Я никогда назад не возвращался,
Поскольку это людям не дано.

Опустит Парка на колени спицы,
И нитка обрывается, скользя.
Давнишних писем жёлтые страницы,
Я знаю, перечитывать нельзя.

Они пылятся стопкою, желтеют
От глаз подальше, где-нибудь в углу.
Я вновь их перечитывать не смею
И сжечь их малодушно не могу.

Они – не мне, прожившему полвека,
Освоившему этот кабинет.
Они – для молодого человека,
Которого давно на свете нет.

* * *

Снегири прилетели.
И я оценил
Драгоценную эту услугу.
Снегири на снегу, запах старых чернил –
Как-то очень подходят друг другу.

То, что смог и сумел я за жизнь написать
Среди общего беспорядка,
Всё вмещает в себя небольшая тетрадь,
Или правильной будет – тетрадка.

Я смотрю за окно, а за ним снегири.
И пришла сумасшедшая радость –
А ведь жизнь состоялась, чёрт подери!
Всё не зря!
Всё сбылось!
Состоялась!

Эта терпкая мысль, эта мысль, как вино,
Что в подвале глухом отстоялось.
Снегири за окном.
Я смотрю за окно.

Жизнь сбылась.
И – увы! – состоялась...

Оксана Грязнова

ТВОРЧЕСКИЙ МИР
КИМА БАЛКОВА

Глобализационные процессы, происходящие в мире, приводят к разрушению устоявшихся стереотипов мышления, устоев морали, национальных традиций и зарождению глобального сознания и глобальной культуры, которые одновременно протекают с усиленными процессами национальной идентификации. Этот процесс сопровождается стремлением к сохранению своей этнокультурной, национальной идентичности, национальной целостности, которые проявляются в виде осознания человеком себя как части определённой этнической общности.

Важным элементом в системе механизмов национальной идентификации и национальной целостности выступает национальная литература.

В ней писатели воссоздают национальную специфику и характерные особенности своего народа, тем самым выполняя одну из важнейших функций – сохранение его уникальной культуры.

К числу таких писателей и принадлежит Ким Балков.

НАЦИОНАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ «БАЙКАЛ – МОРЕ СВЯЩЕННОЕ» И «ГОРЯЩИЕ СОСНЫ»

В раннем периоде творчества К. Балкова часто называли певцом характеров нескладных, смешных, но очень упорных в борьбе за большую, возвышенную правду. Но появился роман «Байкал – море священное» – и стало ясно, что мы имеем дело с писателем, который умеет создавать характеры крупные, масштабные, способные подвинуть человеческое сознание к постижению не только ближней жизни, а и той, что сокрыта во тьме лет. В нём нет этнической замкнутости, языковое сознание свободно от предельной нейтральности «непререкаемо-авторитетного» языка, и разные «языки» органично соседствуя, не мешают друг другу, а, напротив, открыты для полифонии и диалога. Лирическая стихия не довлеет над сюжетно-фабульной, а полифония сюжетных коллизий соответствует многозначности авторской мысли. Роман, изображающий события начала XX столетия, современен по своей художественной структуре, где бытовая, психологически детализированная жизнь строителей Кругобайкальской железной дороги неизменно одухотворяется философской мыслью автора, что раздвигает, размыкает фабульное пространство-время.

Создаётся стойкое впечатление, что изменения в жизни героев – будь то подрядчик Студенников или странствующий бурят Бальжийпин – происходят помимо воли автора, что эпические описания важны не своей информационностью, а лирически-проникновенной мифопоэтичностью. Простой русский мужик Христя Киш или обычная старуха-бурятка полны поэтического проникновения в сущность человеческого, благодаря восприимчивости автора

к метафизическим проблемам человеческого бытия, к мистически-иррациональному.

Повествовательный дискурс¹ в романе К. Балкова насыщен поэтичностью, легенды органично встроенные в лирические размышления, полны таинственной мистики, неокончателности самой жизни. Художественное качество романа – в демократизации повествовательной стратегии, в доверии к каждому герою, осознающему себя историческим человеком. Будучи обыкновенными людьми, ещё не оторванными от своего маленького мирка, они постепенно осваивают себя в большом мире, ищут себя и своё предназначение не инстинктивно, а вполне осознанно, мучаясь, страдая, совершенствуясь по мере освоения всё большего пространства. Писатель в романе показал глубокое знание национального бытия, быта, обычаев, традиций, которые и определяют национальное самосознание народа.

Через два десятка лет автор написал не менее значимый роман «Горящие сосны», который можно тоже охарактеризовать с точки зрения философской направленности и гармонии лирического и эпического начал. Помимо этого оба романа проникнуты историзмом: действие начинается «в лето тысяча девятисотое от Рождества Христова на Петров День»; «в жаркий июльский полдень тысяча девятисотого года двое шли по дощатому тротуару рабочего посёлка»... А затем начинается русско-японская война 1904-1905 гг. Её события воспроизведены и в предыдущем романе «Байкал – море священное»: солдат Митрий, встретившийся на железнодорожной станции Бальжийпину, с ужасом вспоминает о том, как страшно убивать человека, хоть и врага; Бальжийпин потом сам окажется в частях сибирской дивизии под Мукедоном и там же погибнет; на железнодорожной станции Христа Киш увидит голодных и злых солдат в вагоне, которые воевали не с ружьями, а с иконками. В романе «Горящие сосны» братья Пётр и Семён, Гришка Галкин и Денис Голоруков воюют в составе Верхнеудинской казачьей сотни. И здесь историческое время продлится вплоть до Великой Отечественной войны. Изображено и послевоенное время, когда Николай Убугунов получает письмо от родственника, старого и больного Арбижила, нуждающегося в помощи, потому что никого не осталось рядом – всех забрала война-разлучница.

К. Балков настойчиво обращается к событиям истории как части национального самосознания, ведь без неё нет идентификации в мире человека, народа, страны. Действие первого романа происходит в Прибайкалье, на строительстве Кругобайкальской железной дороги, которая является не только местом действия, но персонажем, дающим кому-то счастье, а кому-то приносящим горе. Христа Киш, Филимон Лохов, Сафьян Крашенинников, М.И. Студенников – главные герои первой сюжетной линии; Бальжийпин, шаман Баярто, его жена Сэпэлма – главные герои второй сюжетной линии. Связующим звеном их судеб является повествователь-философ. Он же соединил прошлое, настоящее и будущее в один «канат времени».

«Горящие сосны» – это роман об одном поселке Зверьково, основанном пять веков назад пришлым атаманом Степаном Зверьковым Первым. Двенадцать поколений сменили друг друга, пока не появился Степан Зверьков Последний (последний в своём роду), он же Блаженный, «не определивший

¹ Дискурс – сверхфразовое единство.

себя в жизни, а как бы всё дальше и дальше уходящий от неё... Так про него в поселёе сказывали». Однажды Байкал и небо подарили Блаженному младенца в плоскодонке, его появление предрёк дед Степана. В церковке у Чёрного Камня батюшка Алексей со слов знахарки Параскевны дал малышу имя – Иван Небеснов. Потом Иван Небеснов будет обладать неземными знаниями, подчиняться своему времени – дольнему, общаться с дальним миром.

Поселёе постепенно разрослось: не только Зверьковы живут в нём, но и Волошины, Галкины. Неохотно принимала община пришлых людей, но однажды было сделано исключение: когда братья Галкины отправились на войну с японцем, «в поселёе объявились беглые, человек десять, сказывали, со строительства Кругобайкальской железной дороги... Были они все в дурной одежде, исхудалые, одни глаза на лице светились...». По решению старосты Трофима Волошина и стариков решили оставить троих, в их числе был Николай Убугунов, а остальных накормили досыта, дали припасов и отправили до уездного городка Баргузин. Колесо жизни покатилося дальше, минуя годы, и остановилось на 1955-м – Байкал захлестнул поселёе...

В обоих произведениях удивителен образ повествователя, в речи которого слышится голос автора о переменах в людских душах, о том, что люди не умеют жить в согласии с миром, даже Байкал-батюшка и Древо памяти оказались бессильными. Великолепен повествователь ещё и тем, что его устами осуществляется, реализуется равноправный диалог и синтез двух культур – русской и бурятской. Как же проявляет себя здесь национальная ментальность автора, то, что Г.Д. Гачев назвал «энтелехией бытия»¹?

В романах «Байкал – море священное» и «Горящие сосны» повествование открывается и закрывается панорамой Байкала: «Лежит Байкал в глубокой зелёной чаше и медленно, будто нехотя ворочается; волны поблёскивают в утреннем солнце, пошаливают...»; «Священное сибирское море было покрыто дивной, искряно-белой морщью. Ей не отыскать сравнения ни с чем в мире зримо живым... небо сияло, было прозрачно. Солнце оттолкнулось от далёкого Баргузинского, угрюмо заснеженного и неподвижного гольца, словно бы приостановило извечное движение...»; «В июньский полдень тих Байкал и синее, волны едва шевелятся на лёгком нешаловливом ветру... Я стою и смотрю на байкальские волны, а потом медленно иду в тихую вечернюю неоглядь. А море всё плещется, большое, грустное... священное»; «Байкал зашумел, загудел, поднимая высоченные валы и бросая их на песчаный, близ Чёрного камня берег...»

С давних пор буряты поклоняются водной стихии, ведь Вода сошла с небес. И вот как открывается это в романе у К. Балкова: «Что-то было в Байкале нездешнее, рождённое на земле, но в пронзительно синем небе... Да, да, что-то было иной раз возжигающее в людском сердце немереную радость, а порой придавливающую душу леденящим гнётом. Совсем не случайно однажды, в пору великого изумления и торжества небесного духа, Байкал был назван священным морем...»

Единство национальной целостности и национальной идентичности прослеживается в образах могучего коня и многоликой степи. Как правило, постоянным спутником кочевника-степняка является его незаменимый друг –

¹ Гачев Г.Ю. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Издат. центр «Академия», 1998.

конь. Без коня невозможно представить жизнь степняка, слитного с окружающим миром и пространством. В фольклорных традициях конь является другом своего хозяина, верным союзником, помощником и спасителем. В мировосприятии степняка-кочевника, согласно утверждению Г. Гачева, «конь – космос человека»¹, иными словами, в образе конь осмысливается не только как спутник человека, он становится символом жизни бурята-степняка, свободы, движения, и, в целом, национального менталитета.

В начале романа «Байкал – море священное» старик-рыбак поведал историю о табуне, загнанном волками к Байкалу. «Вожак жеребец Карько, ловкий, силища – во!.. – вылетел из табуна и давай биться с волками. Но тех много, тоже – силища, да поболее, чем у Карько. Поранили жеребца...» Чтобы не погубить табун, Карько кинулся в море, а лошади за ним. Боролись с водной стихией, когда плыли к другому берегу, выжили только самые-самые: вожак Карько и три кобылы. Не суждено им было жить на земле: копыта разъело водой. «Услышанное будет долго волновать ребят, и ночами они станут спать плохо, но и повзрослев, не забудут, а расскажут кому ещё... Так и станет жить этот сказ про табун». Эта легенда не оставит равнодушным и читателя, потому что в ней заложена мысль об ответственности за жизнь, за тех, кто доверился тебе. Вожак Карько – символ спасителя, олицетворение недюжинной силы.

Таков же и длинноногий рыжегрудый жеребец из романа «Горящие сосны». Невозможно не наслаждаться, читая эпизод, посвященный гордому вожаку табуна молодых кобылиц. Долго не подпускал к себе молодого табунщика Николая Убугунова, пока он не спас лошадей от волчьей стаи. С тех пор юноша и конь подружились, научились понимать друг друга. Однажды заболел Николай, тогда вожак табуна стал подходить к юрте и тихонько ржать. Конь – и друг, и помощник, и, действительно, символ слитности и единства человека с окружающим миром и пространством.

Образ степи сначала появляется в восприятии Бальжийпина. Скупая днём на краски Селенгинская степь вечером загорается тысячью самых различных соцветий. В этот момент и герою, и повествователю хочется плакать и смеяться, «кажется, всё узнал про жизнь, и увиделась она такою, что сроду не покинешь её и будешь жить вечно». Затем о бурятской степи, расколовшейся и ушедшей под воду, а вместе с ней о девушке на длинногривом скакуне, пел слепой старец под плачущие звуки хура. Старуха, у которой поселился Бальжийпин, тоже пела о далёком и призрачном – о большой степи, «розовой поутру», сияющей, по которой шли двое молодых людей. Они счастливы, потому что светлые чувства в их душах бесконечны, как степь, голубая от травы с певучим именем а-я, голубая, как ясное полуденное небо.

Размышляя над тем, что же знает про себя человек, повествователь вспомнил легенду о мальчике, родившемся в Великой степи в год зайца. «Мальчик обратил на себя внимание с первых же дней появления на свет: в его глазах было страдание. Откуда же пришло к новорождённому? Неужели, накапливаясь из поколения в поколение, царственно заявило о себе только теперь?..» Недолго жил малыш, меньше года, «видать страдание, родившееся вместе с ним, оказалось сильнее, убило слабую неокрепшую жизнь». Философ-повествователь думал и о старухе, жене умершего Баярто, которая немало перенесла страданий, и о Бальжийпине, который видел людские муки...

¹ Там же.

Тогда стала понятна всем сила Великой Степи – вселять надежду каждому, «что и малая песчинка нужна кому-то, и тем народам, которые населяли Великую степь в прежние времена, и по сей день живущим в Великой степи народам»; дать возможность осознать каждому то, что он несёт в себе малую частицу бытия, которая есть часть Сущего.

Но Николаю Убугунову из «Горящих сосен» степь предстала совсем другой – «огромная, заснеженная, насквозь продуваемая лютыми ледяными ветрами», она, в образе злых духов, разделила мир героя на две части: родные люди в поселке по одну сторону – и земля, где сохранялось его тоонто¹, по другую; хотела забрать степь Николая за непослушание в царство тьмы. Таким образом, степь в романах – это не только жизненное пространство героев, но и философская категория, определяющая национальное самосознание и особенности национального характера.

Почему персонажи именно так воспринимают окружающий мир? Это обусловлено особым сознанием (Логос) – кочевым, отличающимся синкретизмом², который сопровождается созерцательностью и символичностью мышления кочевников. Основу синкретизма составляет нерасчленённое единство кочевника с первозданной природой, то есть единство этического и природного. Кочевое сознание символично, поскольку в художественно-образной форме передаёт смысл духовных ценностей, раскрывает глубокую гармоничную связь мира человека и мира природы, микрокосма и макрокосма.

Несомненно, компонентом национального сознания как структурообразующего фактора этноса и национального самосознания, через которое происходит идентификация отдельных представителей этноса с единым, коллективным целым, является мифология. Она выступает чрезвычайно успешным механизмом эмоциональной, психологической, духовной консолидации общности. Именно поэтому К. Балков использует мифопоэтические традиции в своей прозе. Сквозь собрание легенд, будь то история о пленённом своим недругом хозяине Баргузинской тайги («Горящие сосны») или история про охотника с чёрной стрелой («Байкал – море священное»), писатель обращается к вечным истинам своего народа, как к основе национального характера – это семья, род, добро, честь, мужество, сострадание, свобода, любовь к Родине.

Например, в романе о священном море замечательна история об одном племени, маленьком и гордом, кормившемся дарами моря и леса, уважавшем землю предков. Но не выстояло против пришельцев-воителей маленькое и гордое племя – старейшины с женщинами и детьми «скрылись в море от глаз тех, кто незваным пришёл на чужую землю... Долго стояли пришельцы-воители, и смятение было в лицах, но ещё и гордость за людей чужого племени, ко-

¹ У бурят есть выражение «Турэл нютагтаяа, байгаалитаяа хуйһоороо холбоотойбди», что переводится «Мы пуповиной связаны со своей родиной и с родной природой». Эта фраза восходит корнями к древнему бурятскому обычаю. Когда после рождения ребёнка отторгается плацента с пуповиной – оболочка плода в утробе матери – её заворачивают в шелковую ткань и кладут на берестяное блюдо вместе с зёрнами, драгоценными камнями и небольшой суммой денег. Блюдо вместе с содержимым закапывается в землю у изножья кровати матери. Известно, что в юртах, как правило, пол был земляной. Это место называется «тоонто», а обряд носит название «тоонто тахилга», т.е. захоронение пуповины. – Л.Д. Цыремпилова, <http://www.profirstart.ru/ps/blog/35247.html>

² Синкретизм – слитность, нерасчленённость, характерная для первоначального состояния в развитии чего-либо.

торые предпочли смерть неволе... Поклялись те воители не подымать больше меч, так и сделано было, и уж не покидают родных кочевий и живут мирно». Данная легенда интересна тем, что автор зашифровал простую, но важную истину: «Не поступишь землёю своею, что б ни содеялось, не поступишь!...» Об этой истине гласит и предание о чёрной стреле: не захотели охотные люди, жившие на берегу Байкала, оставить свой улус по велению разбойных людишек, не испугались и давали им смело отпор. А когда охотники оказались вдали от родных юрт, сожгли улус дотла разбойники... В легенде про Гусиное озеро автор подводит читателя ещё к одной истине: живи по совести, а не по корысти.

Бальжийпин, пребывая в несуетном состоянии духа и поэтому «изо дня в день одиноко бродя по таёжным тропам, подолгу просиживая на байкальских берегах и, вспоминая все те легенды и были, которые слышал и которые казались удивительными, а всё же плоть от плоти земли, не придуманными, нет... проникся убеждённо, что и сам часть сущего... И это наполняло его особую радостью, которая в прежние годы была незнакома». В данном размышлении героя автор как бы раскрывает значение вставных историй, легенд и преданий: человек может осознать себя частью всего сущего, когда понимает, что нужно жить в согласии с миром.

Данный тезис, как мне кажется, есть отображение религии Неба – шаманизма. Религия Неба – наиболее важное и глубокое религиозно-философское понятие кочевников – имеет смысл духовного Неба, управляющего всем миром, и в этом качестве оно есть пространство высшего бытия, вселенских сил, а также регулирующая сила, олицетворение разума, целесообразности, высшей справедливости. Поэтому для кочевников это понятие как синоним Бога, источника жизни и всего сущего, а также области активных возможностей человека. Это духовное понятие было и остаётся основой всех традиционных представлений кочевников о мире и о самом человеке.

В четвёртой главе романа «Байкал – море священное» старуха Сэпэлма, пребывающая в состоянии душевной дрёмы после смерти Баярто, воспринимает Бальжийпина как своего умершего мужа, который принял другой облик. Она вспомнила последние видения мужа, когда он видел «нарядных женщин в халатах... мальчиков, скачущих на резвых длинногривых скакунах». Он соznавался: «Мне хочется остановиться, поговорить с тэнгриями, но я не делаю этого. Иду дальше к самой большой юрте, где живёт владыка добрых тэнгриев. Ещё издали до меня доносится его голос, и – останавливаюсь в трепете... Я слушаю голос: «Нельзя сдвинуть горы, если они обращены вершинами к вечному синему небу, невозможно пройти по канату времени в царство добрых тэнгриев, если твоя душа застыла в грехе. Знаю, что нужно тебе, и помогу. В подземном царстве Эрлик-хана восемьдесят восемь темниц, в них томятся души людей, тебе надо пройти туда, но сделать это трудно. Страшен в гнев Эрлик-хан, и, если ты ошибёшься в пути, не сумеешь обмануть его верных нукеров-заянов, тебя ждёт большая беда: опустит твою душу Эрлик-хан в самую дальнюю темницу, откуда ещё никто не выходил, и ты не узнаешь тайну, которую дано услышать тебе».

Это и есть тайна рождения Баярто, по мнению Сэпэлмы, его возвращения на землю в облике человека. Для беспомощной старухи же это становится возможностью увидеть вновь погибшего в огне мужа в облике Бальжийпина, а

также это её мир, в котором она счастлива. Шаманизм был частью её жизни, так как Баярто – шаман. Он помогал людям, но когда пришло другое время, они сожгли Баярто, привязав к сухому дереву. Огонь в данном случае выступил носителем зла и смерти, хотя к огню у бурят особое отношение.

Огонь, признанный частицей неба и земли, издавна был предметом почитания и поклонения бурят, он считался источником жизни и символом чистоты. Буряты старались не бросать в огонь предметы, вызывающие неприятный запах, ослабляющий его силу и блеск. Большим грехом считалось, если кто-то позволял себе плюнуть в огонь или лить на него воду. Чистота – неотъемлемое свойство огня. Люди верили, что огнём можно очищать все скверны, все злые помыслы и отгонять нечистую силу. Поэтому запрещалось бросать в огонь разного рода мусор и отбросы. Нельзя было топить печь нечистыми дровами, не помыв руки, нельзя было ворошить огонь острыми предметами, считалось, что этими действиями можно поранить или выколоть глаза хранителю огня. Запрещалось сидеть, вытянув ноги к очагу, поправлять угли ногой, наступать на угли и пепел. Люди почитали огонь как хранителя семьи и всякий раз перед едой совершали обряд угощения огня. Люди чувствовали прямую зависимость не только от благ неба и земли, тепла и солнца, но и признавали необходимость огня и воды, к которым относились, как к живым существам, дарующим блага. Все размышления о себе, о людях и о жизни приходят к героям романа именно у очага.

Таким образом, К. Балков в художественном исследовании проблем социально-исторической жизни не обходит и вечные вопросы: что есть человек и какое место он занимает в этом мире? что есть мир и как он связан с человеком? Постигая человеческую индивидуальность, писатель создаёт для себя возможность соотнести человека с миром. Обращение к проблеме «мир и человек» невозможно без обращения к национальной истории и культуре, ибо литература как вид искусства, прежде всего, развивается как явление национальное. Справедливо отмечено Г. Пospelовым: «Каждая национальная литература развивается на основе исторического развития того народа, который эту литературу создаёт»¹. Литература как часть культуры отражает специфику национального мировидения. Творчество любого писателя национально, потому что он сам является носителем культуры своего народа, его мировоззрения и самосознания – «энтелехии бытия».

ВЕЛИК БАЙКАЛ И ЗАГАДОЧЕН...

«Славное море – священный Байкал...» – трудно найти в России человека, который бы не слышал этой песни. Являясь озером по законам географии, Байкал в мифологии народов, с древности населявших его бассейн, всегда считался морем. Эвенки называли его Ламу, тюрки – Тенгис, средневековые монголы – Далай, якуты – Байгал, китайцы – Бэйхай. Все эти слова в переводе означают «море», «океан». Когда в середине XVII века русские появились у берегов Байкала и познакомились с живущими на этой земле бурятами, они восприняли то название, каким пользовался этот народ – Байгаал-далай. Со временем оно превратилось в Байгал, Байкал. Термин «далай», прилагавший-

¹ Пospelов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М., 1972.

ся к Байкалу, означал не просто море, а «обширный, как море», «океан великий и необозримый», что подразумевало культовое отношение к данному объекту. И действительно, мифы, предания и легенды населения Прибайкалья и Забайкалья содержат информацию о существовавшем в течение многих веков культе Байкала, почитании его «хозяина».

Благоговейное отношение чувствуется и в творчестве Кима Балкова, особенно в романе «Байкал – море священное», а также в сборниках рассказов «Поселье» и «У Чёрных камней Подлеморья». После прочтения данных произведений выстраивается некий ряд образов, которые создают эпическое единство: Байкал как центральный герой; как граница, разделяющая мир на две части: обыденную и тайную, которую желают познать и постепенно познаёт повествователь в романе и рассказчик-герой, схожие философским и лирическим настроем и этим отличающиеся от других персонажей. Кажется, что писатель открывает читателю в большой эпической форме всю сущность священного моря. Сначала как божество, дающее кому-то жизнь или забирающее у кого-то недостойного; затем строгий судья, решающий судьбы каждого, обратившегося к нему; потом рубеж между своим и чужим миром; и, наконец, мистическое пространство.

Кто сможет передать мощь и силу Байкала? Конечно, особый повествователь, наделённый талантом сказителя. И вот он предстал перед читателем улигершином, торжественно сказывающим о батюшке Байкале под волнующие звуки хура. Всё описал славный хранитель песен о священном море: что лежит Байкал в зелёной чаше, что волны его могучи, что чайки его иссиня-белые, как пена, что неподсуден отец-батюшка людскому мнению, что одному лаской ответит, а на мольбы другого равнодушно промолчит... После повествователь расскажет историю про неистового протопопа, который увидел море и воскликнул: «Чудо-то какое!» Освободило море сибирское от ненавистных оков пленника и берёзками одарило за муки и веру горячую в свою правоту...

Постепенно образ повествователя обретает реальные черты, вместе с ним сужается пространство, превращаясь в Пылровку (Пылёвку) – посёлок, построенный в начале прошлого века, когда тянули «восьмое чудо света» – Кругобайкальскую железную дорогу. В посёлке от благополучных лет осталось несколько домов. Рассказчик поселился в старом доме смотрителя дороги. Это старик семидесяти лет. Он живёт один, иногда ощущает присутствие теней из мира мёртвых в своём доме, слышит «мягкий и грустный, а вместе с тем... ободряющий голос сына, покинувшего земную обитель». Он способен путешествовать в пространстве, тонко чувствует окружающих, их непохожесть.

Откуда такая особая проницательность у героя? Ответ дан в его разговоре с рассказчиком-собеседником: «Отец сказывал, что от деда. Был тот улигершином, причём не обычным сказителем, умеющим виртуозно обращаться со словами, а и придавать им неземное звучанье. Это отмечалось людьми, пришедшими под крышу дедовской юрты, чтобы послушать улигершина и насладиться свободной, ни к чему не привязанной песенной мыслью... И я с нетерпением ждал, когда опять поменяется во мне, и я окунусь в иной, пространственный, ни одним чувством не угаданный, но такой желанный, как если бы я всё знал про него, неземной мир...»

Разве мудрый старик не похож на повествователя – философа-лирика из романа «Байкал – море священное»? Думается, что связь между ними очевид-

на, как будто писатель дал возможность повествователю из романа открыть свою жизнь, свой удивительный мир. Поэтому и циклы рассказов напрямую связаны с романом не только образами повествователя и рассказчика, а и названием. В них заключено пространство, определяющее жизнь героя. Посёлок Пыловка (Пылёвка) – это место, выбранное для жительства героем, Чёрные Камни – это любимый уголок на берегу Байкала. Опять священное море притягивает всё живое к берегам своим. Серебряный изюбр, молодая берёзка, растущая меж камней, Незнакомец, пришедший издалека, Провидец, баба Фрося, двадцатилетний парень Коля, перебравшийся в посёлок из районного центра, жена Лёшки Комисарова Ирина, приехавшая маленькой девочкой из Калининграда и навсегда полюбившая странной любовью Байкал, Сашка Шахматов, недавно назначенный редактором «Губернского вестника» и гостивший у рассказчика. Чем обладает батюшка Байкал? Какой силой великой?

Рассказчик объясняет это так: «Я чувствовал зависимость от нездешних сил, вполне приятных и как бы даже убаюкивающих меня и успокаивающих душевную растолканность». В рассказе «Серебряный изюбр» почти мифический зверь «спустился с небесных пастбищ, чтобы полюбоваться священным сибирским морем, которое в нынешнее лето похорошело, приобрело новину, смутно сознаваемую человеческим разумом, как бы сделало усилие явить миру истинную свою красоту. Её невозможно охватить взглядом всю, только и коснешься её, коль скоро обратишь внимание на то, как дивно колеблются волны, накатывая на берег и раскидывая пенное кружево. Но и этого вполне хватает человеку, чтобы открылось ему что-то несвычное, сладостно томящее... И он надолго сохранит в своём сердце чувство прикосновения к чуду, о котором многие и не догадываются даже...» Ценность Байкала ощущается рассказчиком как необъяснимая, влекущая сила, за которой скрыта человеческая тяга к красоте, идеалу.

Незнакомец из рассказа «Происшествие» также пытается объяснить притягательную силу озера, считая, что она заключается в необычном удвоении, обогащении его личности: «...вот теперь довелось увидеть Байкал, и всё в моем существе как бы расширилось, и у меня возникло чувство, что я до сих пор принадлежу ещё и вашему миру. Во мне словно бы живёт два человека из разных миров, они не имеют ничего общего меж собой, однако же стараются приспособиться друг к другу, бывает, что и радуются чему-либо происходящему в них. И я бы не хотел, чтобы со временем один из этих людей покинул меня». Художник Пётр Петрович Лазурков в рассказе «У Чёрных Камней...» относится к Байкалу с благоговением, когда говорит «дрогнувшим голосом», в котором звучит нота непонятной тревоги: «Природа хороша, особенно тут, на Байкале. Но в ней проглядывает хрупкость. Мне иной раз кажется, она доживает последние дни. А когда делается и вовсе слаба и беспомощна, когда зачохнет, как куст черёмухи, в одиночку поднявшийся у горного ручья, что тогда станет со всеми нами?... Красота, рождённая в природе, скоротечна. Вот только что всё было ясно и разумно, а стоило надвинуться тучам, потускнело окрест. Я это вижу и тревожусь... В жизни есть много такого, к чему тянет прикоснуться. И, коль скоро это удаётся, как же хорошо и свободно делается на сердце!» Да, «...велик Байкал и загадочен... как символ чего-то неизбежного, вечного, окружённого таинственностью, которою мы окружаем всё, что находится за пределами нашего разумения».

В чём же символичность данного ведущего образа? Почему же он выступает в разных ипостасях?

Во-первых, вода – начало, изначальная стихия в самых различных мифологиях. В библейской картине творения вначале сотворил Бог небо и землю: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водой». Вода присутствует при творении как данность. Из воды появляется череда земных творений. Вода, по сути, предваряет явление мира, она у его истока. В основе одного из первых философских объяснений мира, принадлежащих Фалесу Милетскому, лежит утверждение, что «всё появляется из воды и в воду всё разлагается». Вода как первоначало оживляет, а, значит, и одушевляет: в природе ничего нет бездушного.

Жизнь, душа предстают категориями, закрепляющими изначальность воды как стихии, обосновывают своеобразную поэтику воды, сопровождающую и дополняющую её «стихийный» или субстанциональный философский образ. Вода более чем какая-либо иная стихия поддаётся описанию поэтическим языком, так как она как материя единообразна и одновременно многообразна в визуальных и звуковых проявлениях. Воображение, привязанное к воде в её субстанциональных характеристиках, порождает основанную на совокупности впечатлений о реальном природном объекте метафору воды – сжатое выражение её универсальных культурных смыслов.

У воды есть характер: вода может быть по-стихийному буйной, опасно для человека гневной, проявлять черты, которые требуют укрощения. Покорение изначальной водной стихии, укрощение воды – это и взлёты человека вобретении своего собственного человеческого бытия, и падения его в попытке посягательства на естественный порядок ради альтернативного бытия, способности культурной самостоятельности. Власть над водой дарует мёртвым землям чудо возрождения. Но в тоже время чрезмерное усердие в подчинении и принуждении этой свободной стихии оборачивается осквернением и омертвлением и других стихий-начал – земли и воздуха.

Но вода, связывая все другие стихии, в своей не соединённой с чем-либо изначальности, в своей чистоте (чистая вода – усиление значимости значимого) становится источником и затем материальным воплощением образа и идеи чистоты – величайшей символической ценности человеческого бытия. Чистая вода – питающая вода, утоляющая жажду человека и поящая землю. Среди смысловых оттенков образа чистой воды – её свежесть, вносящая в природу и в человека очищение. Обряды очищения имеют ценность и смысл как процесс возрождения. Путём очищения человек приобщается к некоей живительной возрождающей силе, которой наделяется каждая капля воды.

Так происходит в романе «Байкал – море священное»: Лохов выпил горсть воды из моря – прошла тревога, копится в душе уверенность. Общение Студенникова с озером сродни духовному очищению: когда на сердце тяжело, выйдет на берег, постоит и посмотрит на плещущиеся волны, и «тогда на сердце сделается легко и ясно, и слёзы выступят на глаза, непрошенные, и он не будет стыдиться их...» Монах Бальжийпин, оказавшись на белом каменистом берегу, чувствовал себя частью всего сущего, «и это наполняло его особою радостью», ощущал чувство причастности к чему-то великому и таинственному. Он пытался понять Байкал, как старинную книгу, но попытки оканчивались неудачей. «Он думал о Байкале, о том, что стоит за пределами зримого и явля-

ется носителем какой-то удивительной силы, которая в состоянии управлять древним сибирским морем, как о живом существе, но не было в этих мыслях благоговения, а только интерес». А Христе Кишу в белом-белом море чудятся «церковки крашенные, принаряженные, зайти б туда и помолиться, авось полегчало на сердце и отпала бы тоска-печаль».

Повествователь также находится во власти священного Байкала, но не только светлые мысли занимают его. «Что же произошло со всеми нами? Иль навсегда поселилось в нас то, злое, пришедшее от Большого Ивана иль от кого-то ещё, но тоже злое? Что ж, и не поломать уж этого, не сделаться добрым в своём отношении к земле человеком?»; «Куда же мы идём, люди?» Почему острая боль разрывает его сердце, и катятся слёзы по щекам? Наверное, потому что повествователь глубоко переживает отчуждение людей от своего рода, от своей родной земли. А что если кто-нибудь замахнётся на святую красоту, став холодным и безбоязненным? Хочется пожалеть батюшку Байкал, и хочется верить, что люди не станут чёрствыми, каменными, злыми...

Во-вторых, в каждом языке существуют так называемые ключевые слова – слова «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»¹. Являясь коренными словами того или иного языка, «ключевые слова и воплощённые в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своём значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет»². А под ментальностью следует понимать «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»³. Само слово «Байкал» и связанные с ним понятия являются ключевыми для бурятской культуры в целом и литературы в частности.

В-третьих, Байкал является пространством, в котором живут герои. Филимон Лохов и Христя Киш отправляются по ту сторону Байкала, на строительство Кругобайкальской железной дороги, счастья искать. Но тоска по дому заставила сбежать «в таёжную неоглядь». Мефодий Игнатьевич Студенников, вспоминая о Фёдоре Саймонове (он поставил на Байкале маяк) и Сергее Юрьевиче Витте (он начал новое дело в Сибири – железнодорожное), едет берегом моря; в его памяти встают события, которые поделили жизнь на старую и новую; на берегу моря в маленькой юрте живёт старуха – жена давно умершего шамана Баярто. Жители Пыловки, их гости часто приходят на берег.

Пространство (берег Байкала) характеризует протяжённость мира, его связность, непрерывность, трёхмерность (многомерность) и т.д. Как важнейшая форма мира и жизни в нём человека, пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности. Категория пространства, благодаря свойственной ей универсальности и всеобъемлющему характеру, формирует пределы, в которых развёртывается человеческая жизнь, тем самым она определяет все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой.

¹ Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.

² Колесов В.В. Философия русского слова. – М., 2002, с. 56.

³ Там же.

Основная составляющая концепта – то, что понятно и общезначимо каждому в данной культуре. И можно с уверенностью сказать, что Байкал – это национальный концепт бурятской литературы. В нём заключено многое: и культура, и духовная жизнь – это наше всё! А также Байкал – это один из главных героев романа, который заставляет задуматься всех нас над вечными вопросами жизни: что мы за люди? Как мы относимся к другим? Что нужно сделать, чтобы не стать Иванами, не помнящими родства?

НА СТЫКЕ КУЛЬТУР

К числу социокультурных признаков развития современной культуры исследователи относят формирование транснациональных авторов, занимающих промежуточную позицию между несколькими нациями и традициями; сосуществование в одном пространстве авторов, пишущих на разных языках и происходящих изначально из разных культур.

Результаты «культурного синтеза» в художественном творчестве ныне представляются как одновременное действие различных культурных голосов «в одной точке» – в одном произведении и в создающем его творческом сознании. Художественно-эстетические поиски русскоязычных авторов отражают не только сам факт активного взаимодействия двух культур, но и свидетельствуют о качественно новом образовании, формировании нового типа национальной литературы транскультурного свойства, детерминированной социокультурными трансформациями современной России.

Показательна с этой точки зрения определённая часть творческого актива Кима Николаевича Балкова. В его малой и большой прозе осуществляется, реализуется равноправный диалог и синтез нескольких культур. Например, через образ Байкала, жемчужины мира: священное море – это великая сила, способная объединить всех, это духовная жизнь людей, это часть культуры, которая формирует ментальный мир человека. «Не русское море, не бурятское, не чьё-то ещё... Вселенское... по сей день не понятна человеку его неземная красота. От веку приходят люди к байкальским берегам, не с любовью, нет, с трепетом, как если бы это было святое место. Глядят на волны и дивуются, и не посмеет никто поднять руку на эту неземную красоту». Подтверждение святости байкальских берегов находим и в «Байкале – море священном», и в романе «Будда»: протопоп Аввакум побывал на берегу озера, и Татхагата, достигнув Просветления, дошёл до моря и стоял на низком берегу.

Или Иван Небеснов из «Горящих сосен», который был подарен Небом Степану Зверькову Последнему. Даже в его имени и фамилии невольно чувствуется гармония фольклорного и авторского, восточного и русского начал. Ориентируясь на фольклорные традиции при создании своего Ивана, Ким Николаевич наделил его уникальными способностями – общение с иным, другим миром, а также принадлежность к двум мирам, земному и неземному. Как раз в этом видятся черты тэнгрианства, поклонения Небу. Хотя, конечно, данное утверждение спорно. Так как Ивана Небеснова можно трактовать и по-другому: с точки зрения принадлежности к православию. Не зря же в церковке у Чёрного Камня батюшка Алексей со слов знахарки Параскевны дал такое имя. Можно сказать, что Иван Небеснов – транскультурный образ транснаци-

онального автора. И в романе «Байкал – море священное» тоже есть Иван, но он не такой светлый, как Иван из «Горящих сосен». Он несёт зло, не помнит родства. Иван, не помнящий родства, – обобщённый герой (то есть любой человек – фольклорная традиция), списанный с общества, которое забывает свой род, свою родную землю, а значит, и теряет себя. Поэтому писатель обращается к нам: «Что же мы делаем, люди?»

Или Белый Гунн из романа «Будда», которого освободил из рабства Сиддхарта и который потом станет одним из учеников Просветлённого. В семантике словосочетания «Белый Гунн» ощущается синтез нескольких культур. Это и принадлежность к определённому этносу, сложившемуся как народ в горной области Памира и отличавшемуся от других белокурыми волосами, белой кожей и светлыми глазами, это и отображение характера человека с чистой душой. Так как белый цвет – это символ чистоты и непорочности. Буряты до сих пор словосочетанием Сагаан Хун обозначают дословно «белого человека», и при этом всегда имеется в виду человек с открытой душой. Значит, Белый Гунн – это тоже транскультурный герой транснационального автора.

Образ могучего коня у Кима Балкова и национален в определённом контексте (см. приведённые выше примеры из романов «Байкал – море священное» и «Горящие сосны»), и транскультурен в целом. Это друг своего хозяина, верный союзник, помощник и спаситель, символ жизни, свободы, движения, символ слитности и единства человека с окружающим миром и пространством.

То же самое можно сказать про образы рассказчика, повествователя – носители исторического и культурного национального наследия, в произведениях Кима Балкова они соединили знания разных этносов о ценностях человеческой жизни в единый нравственный постулат.

Особый интерес в контексте диалога культур вызывает роман «Будда», который можно рассмотреть в ряду других произведений литературы Бурятии, основанных на исторических событиях и пронизанных нитями глубочайшего философского смысла. Их главные герои: Темуджин – Чингисхан (И.К. Калашников «Жестокий век»), Модэ (В.Г. Митыпов «Долина бессмертников»), монах Бальжийпин (К.Н. Балков «Байкал – море священное»), Иван Небеснов (К.Н. Балков «Горящие сосны») и др. – особенные: они наделены общечеловеческими и индивидуальными неповторимыми чертами, которые выделяют их из социума. Создавая подобное произведение, писатель кропотливо изучает мировую и национальную историю и культуру, сопоставляет прошлое и настоящее, прогнозирует будущее.

Роман К.Н. Балкова «Будда» с его главным героем – выдающимся сыном Земли, философом и основателем одной из трёх великих религий мира – можно назвать самым необычным и творчески смелым среди перечисленных выше. Гаутама Будда (санскр.) – создатель учения «Четырёх Благородных Истин», живший в Индии приблизительно в VI-V веках до н.э. Получив при рождении имя Сиддхатха Готама (пали) / Сиддхартха Гаутама (санскрит) – «потомок Готама, успешный в достижении целей», он позже стал именоваться Буддой (буквально «Пробудившимся»). Гаутаму также называют Сакьямуни или Шакьямуни — «мудрец из рода Сакья», или Татхагата (санскр. «Так Приходящий») — «Достигший Таковости», «Достигший Истины». Согласно буддийским источникам имеется несколько версий биографии Будды, а имен-

но: тантрийская, махаянская и хинаянская. Наиболее известна и популярна версия хинаянская с некоторыми махаянскими параллелями, которая и легла в основу романа, состоящего из трёх частей: «Сиддхартха», «Сакия-муни», «Татхагата». Такое деление на части неслучайно – это путь легендарной личности к Истине, к Просветлению.

Произведение поражает своей многоплановостью с точки зрения жанровой разновидности – от психологического романа, романа-исследования до философского романа, действие которого разворачивается на широком социальном фоне жизни, а также художественной образностью, особой стилистикой, неторопливой, раздумчивой, по-восточному живописной. Хочется медленно перечитывать особо понравившиеся главы, погружаясь в собственные мысли, и находить ответы на вопросы, которые мучают и терзают душу читателя. Блестящ язык романа. Автор, как ювелирный мастер, оттачивая грани богатого художественного слова, создаёт уникальную романную вербальную оболочку. Помимо этого опять же слово непосредственно персонажа становится отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки как главного героя, так и множества второстепенных героев, например, Суддходаны, Ясодхары или Джанги, Девадатты, Белого Гунна.

Действие романа открывается панорамой города Капилавасту, которым правит царь Суддходана (счастливый отец, ждущий рождения своего первенца – продолжателя рода сакиев). В этом небольшом городе пространство и время неразрывны, взаимообусловлены. Например, вторую главу, посвящённую происхождению рода сакиев и основанию города Капила, писатель начинает так: «Это было время, когда великий Пифагор прибыл со своими учениками в Италию, когда пророк Исайя Второй, освободившись из иерусалимского плена, начал творить Ветхий Завет, когда блистательный Махавира Джина, презрев своё высокородное происхождение и возлюбив сущее, как часть самого себя, и сделавшись последним из двадцати четырёх тиртханкаров, кто нашёл брод, ходил по пыльным и красным дорогам древней Индии и звал людей к очищению от скверны. Это было время, когда человечество пребывало точно бы в сладкой дреме, когда и горькая бедность не казалась презренной, не угнетала, не вводила в искушение». А третья глава, рассказывающая о рождении Сиддхартхи, открывается следующими словами: «Произошло это за пять столетий до рождения Христа Спасителя. Много ли это? Да нет, пожалуй, если представить то огромное, не имеющее начала и конца, во что всё погружается и из чего возникает, в том числе, и скамбха – жизнь, и что именуется веной и стоит в основании времени. Времени, которое вроде бы меняется, но, если принять во внимание вечность, то оно точно бы замерло, а если и сдвигается с места, то так нерешительно и неприметно, что и не разглядишь сразу». Насколько ощутима взаимосвязь временных и пространственных отношений! Время здесь сгущается, уплотняется и становится художественно-зримым, а пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории.

Таких значимых пространственно-временных точек в романе можно выделить несколько: парк Лоумбини, находящийся неподалёку от Капилавасту, где молодой царевич впервые задумывается над законами жизни; Урувельские леса, где Сакия-Муни открыл путь в Нирвану; царство Магады, где Татхагата

со своими учениками рассказал о своём учении... И единым для всех этих мест является образ вечнозелёного дерева, будь то дождевое или бамбуковое дерево Джамбу в парке Лоумбини, или дерево Бодхи в лесах Урувелы. Данный символ-ключ означает бесконечность, вечность, жизненность, источник мудрости не только героя, но и читателя, которому позволяет проникнуть в нечто запредельное.

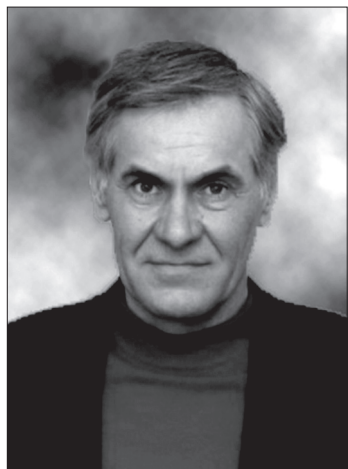
В романе писатель создал удивительные взаимопроникающие точки диалога культур. Справедливо заметил Валерий Ганичев на одном из выступлений: «Ким Балков написал книгу, которая сделалась необходимой всем нам...» Действительно, в романе «Будда» есть всё, нужное каждому разумному человеку...

* * *

Проза К.Н. Балкова, несомненно питаемая национальными истоками, является транскультурным творчеством, отличающимся объективной принадлежностью к нескольким культурам, поэтому оно предполагает диффузию, интерференцию, рассеивание элементов одной культуры в полях другой. Писатель создаёт художественную концепцию мира и человека, в которой доминирует полифоничность культурных голосов, образов, способов философствования, переплетение разных художественных практик. Особенностью творчества К.Н. Балкова является отражение в его художественном мире мирового эстетического опыта, культурно-пространственная открытость, готовность вместить в свою картину мира как можно больше.

Сергей Корбут

ОТ ГОДА БИБЛИОТЕК
К ГОДУ КУЛЬТУРЫ

Хорошо живём! Что ни год – с большой буквы, да всё для людей, которым быта мало, кто к высоким сферам тянется: к литературе, музыке, живописи и скульптуре, песне и танцу, театру и кино. Хорошо. Только-только Год библиотек проводили – встречай, Россия, Год культуры! Встречай и радуйся. Ведь давно ли казалось, что слово «культура» навсегда исчезло из лексикона руководителей страны и, соответственно, по вертикали вниз. Исчезло оно, помнится, после дефолта 1998 года в одночасье, а возвращалось уже в новом тысячелетии так медленно, будто заново рождалось, проходя стадии от «да ведь было где-то когда-то что-то этакое...» до нынешнего

«да вот же она родимая!» Правда, насчёт родимой-то как раз и не очень понятно. Поневоле задаёшься вопросом, а что, собственно, сами-то объявители и реализаторы под словом «культура» понимают? Ну, выделили деньги, ну, поделили между теми, кто поближе к «кормушке» устроился, смахнув крохи с барского стола широким жестом так, чтобы по регионам разлетелись. А дальше-то что? Ведь не в деньгах же даже дело, а во внутреннем содержании и во внешнем проявлении...

Живём-то мы где? В России живём. Язык-то у нас какой государственный и общеупотребимый? Русский язык. Литература на каком языке создаётся преимущественно? На русском. И все прочие культурные составляющие во всём мире не российскими зовутся, а русскими. Есть в России и другие национальные культуры? Так слава Богу! Какой же русский не порадеет за культурное разнообразие в нашей многонациональной стране! Но среди этого разнообразия основополагающей, я бы сказал, кормящей, и в то же время самой забытой, загнанной на задворки является именно национальная русская культура. Где она в средствах массовой информации? На общедоступных и платных телеканалах всё те же набившие оскомину шоу-лица, всё та же дебильноватая эстрада, всё те же пошлые комедии-клубы... Может, газеты и журналы кинулись наперебой рассказывать о писателях и художниках, о музыкантах и танцорах, публиковать поэзию и прозу? Отнюдь. Заплатишь – напишут. Не заплатишь – никому ты не нужен со всей своей культурностью в Год культуры. Со всем своим радением и самоотдачей.

Одно из важнейших событий конца 2013 года – съезд Союза писателей России – все так дружно «замолчали», будто его и не было вовсе. Лишь на нескольких сайтах в Интернете (denlit.at.ua – газета русских писателей «День литературы»), voskres.ru – «Русское воскресение», а также proza.ru, pregolia-art.com) появились коротенькие заметки и перепечатанная из интернет-газеты

«Российский писатель» (rospisatel.ru) речь председателя правления СП России Валерия Ганичева. Интересная речь, содержательная, полемичная. А вокруг – тишина. Молчание – которое в данном случае точно не золото.

Между тем стоит напомнить, что в настоящее время Союз писателей России объединяет около восьми тысяч профессиональных литераторов и является единственной творческой организацией, имеющей свои отделения во всех субъектах Российской Федерации. Более десяти отделений СП России в последние годы были созданы писателями, проживающими в странах СНГ и сохранившими свою принадлежность к русскому языку и к русской культурной традиции. По информации пресс-службы СП России, в работе XIV съезда писателей приняли участие около 230 делегатов из всех регионов страны, в том числе выдающиеся мастера слова, создающие произведения на своих родных языках – писатели и поэты республик Саха (Якутия), Дагестана, Алтая, Адыгеи...

Ещё в январе был готов к печати второй номер нашего журнала, и там мы приводили обширные фрагменты из выступления В.Н. Ганичева на съезде, впечатления его участников, но не нашли финансовой поддержки, чтобы вовремя издать номер. Прошло слишком много времени, и сейчас я ограничусь только небольшой выдержкой из доклада председателя правления Союза писателей России:

«...Мы не можем не чувствовать свою ответственность за сохранение и развитие русского языка – может быть, самой надёжной скрепы для нашего государства, других языков нашей страны. Погибнет, деформируется язык, народа

не останется, в лучшем случае, народонаселение. Язык русский, языки народов России – самая живительная и плодотворная, соединяющая нас с прошлым связь... Бережение языка, может быть, наша главная писательская задача...

Для писателя России главное – совесть, истина, переживание за свой народ, за человека... И мы хотели бы поговорить о проблемах литературы, замыслах писателей, их удачах и неудачах. За последние годы деятели культуры при-

учили общество копаться в своих скандалах, обличениях, а не говорить о том, что составляло суть их творчества – собственно о литературе. Жёлтая пресса, воротилы рынка, возможно, и хотели бы, чтобы в этом и была суть культуры. Они хотели бы – да и заменяли нередко истину, драму или убеждения, уверенность – скандалом, сплетней, которые бы уводили литературу в сторону от реальной жизни и её реальных проблем...

Постоянно раздаются преднамеренные или лишённые знания голоса: «Русская, отечественная литература пропала», – наша литература иссякла, истончилась, да и вообще закончилась, пора её заменить точными логическими формулами, технологиями, заменить полновесный, полнокровный, живой язык, так называемый, научным видением мира, отбросив глубину чувств, заменив набором циничных, пошлых, развратных развлечений, зубоскальством, жаргоном. Ну, мы в Союзе писателей, во-первых, можем констатиро-

вать, что наша совестливая, традиционно сильная и новаторски современная литература отнюдь не иссякла. Она составляет разноцветное, многообразное поле художественных талантов, мастеров, тружеников, профессионалов и энтузиастов.

Не хочется выглядеть пустопорожним бодрячком, который не замечает потерь, сужения фронта книги, забрасывания в общественное сознание лжеценностей, извращённых подходов к душе человека, уравнивания добра и зла, потакание греху и слабости. Это объясняется катастрофическим социальным расслоением в обществе, появлением невежественного слоя чванливых от своего богатства людей, снижением уровня культуры и художественного понимания среди широких масс. Даже некоторыми мировыми тенденциями. Это тревожно и даже опасно. Да, мир алчности, торгашества и греха диктует свои законы. Но видя эту глянцево-телевизионную пургу невежества, должна ли литература, наши писатели примириться с этим, отступить от совести, истины, заняться незатейливым коммерческим сочинительством, на котором многие околелитературные писаки с помощью сегодняшнего телевидения и СМИ могущественного олигархического лобби делают имя? Не будем греха таить – это выгодно тем, кто считает умножение собственного финансового богатства главной целью жизни.

Но истинная литература – это Храм. Как тут не вспомнить уроки, которые дал нам Христос, изгнав из Храма бессовестных торгашей и менял, правда, позволив многим из торговцев и хозяев быть в этом же Храме, занимаясь полезным делом и милосердием. Для нас нет другого выхода, чем представить обществу, людям, читателям лучший образец, художественное открытие истины и лжи, добра и греха, хрусталь русского слова, слова всех народов России».

Вот такие слова и масса примеров с именами прекрасных писателей и замечательных книг, которых не увидишь ни в книжных магазинах, ни на полках библиотек Приангарья (кроме, пожалуй, Валентина Распутина, которого Валерий Ганичев, конечно же, назвал одним из первых).

* * *

В культурной среде писатель и библиотека находятся в столь непосредственном контакте, что связка Год библиотек – Год культуры, на которую я здесь опираюсь, касается писателей в первую очередь. И мне было странно, что на круглом столе по теме «Библиотеки – городу» (который, собственно, и подводил итоги Года библиотек в Иркутске) в декабре 2013 года из сотни иркутских профессиональных прозаиков и поэтов присутствовали только я и директор Дома литераторов Ю.И. Баранов. Последний, кстати, и подчеркнул, насколько важны библиотеки для писателей: только там они, в основном, и могут встретиться с читателем лицом к лицу.

Тот круглый стол также подробно освещался в несостоявшемся январском номере «Иркутского писателя», но возвращаться так далеко во времени смысла уже нет, тем более что город так и не сподобился оказать финансовую поддержку нашему изданию, ориентировавшемуся на освещение культурной жизни областного центра и на его, прежде всего, читателя. Однако одна из тем, вызвавшая у участников круглого стола весьма бурную реакцию, не только абсолютно не устарела, но и прекрасно вписывается в схему перетекания Года библиотек в Год культуры. И вот каким образом.

Сначала директор ЦБС Иркутска Н.А. Кустова подчеркнула, что библиотеки являются единственным доступным бесплатным учреждением культуры, выполняющим, кроме основной функции по привлечению иркутян к чтению, ещё и функцию социальную. Вот немного иллюстративной статистики (на то время) к данному тезису из её выступления: услуга бесплатного доступа в Интернет предоставляется в 18 библиотеках, в 19-ти для читателей установлены 80 персональных компьютеров; читателями библиотек города ежегодно становятся 80 тысяч иркутян, прочитывающих 1,5 миллиона книг, журналов и газет, при этом 67% из них составляют дети и юношество, 17% – служащие, включая учителей школ, 9% – пенсионеры, 7% – рабочие, домохозяйки и безработные. Спорить после этого, нужны или не нужны библиотеки народу, не приходится. Потом работники ЦБС рассказали о том, как в библиотеках города, особенно в детских, реализуются индивидуальные дизайн-проекты для того, чтобы у каждой появилось своё лицо, дополнительная привлекательность и удобство. В библиотечном пространстве выделяются зоны, обеспечивающие многофункциональность помещения, как традиционно «строгие» (читальный зал, абонемент), так и более свободные в плане применения дизайнерской фантазии и обустройства (выставочная зона, детская зона, интернет-зона и т.п.)...

А затем трибуной завладела представитель молодёжного сообщества «Человек.и» с проектом «Библиотека будущего», в котором «человеками» была предложена некая виртуальная схема реконструкции, с внедрением в работу библиотек коммерческих направлений. Трескучая лексика (в стиле топ-менеджеров с уклоном в сетевой маркетинг) с не очень-то внятным реальным смыслом, зато с динамичными схемами действий самой команды, которая знает, как сделать библиотеки (вернее, то, что от них останется в ходе реконструкции) привлекательными для инвесторов, на какое-то время просто ошарашила присутствующих своей психологической агрессией. Ведь с ракурса её выступления обращалось в пыль и в ноль всё, о чём говорилось ранее. Библиотечное пространство приспособлялось для каких-то странных потребностей: из него вырывался приличный кусок для создания зоны генерации идей (или что-то вроде этого), куда человек мог бы прийти и, уединившись в закрытом пространстве, родить какую-нибудь идею, видимо, настолько необходимую обществу, что для этого стоит лишить открытого пространства значительную часть того же общества. Создавалось впечатление, что готовится какой-то рейдерский¹ захват муниципальных площадей в неведомо чьих интересах. Возможно, я утрирую, но меня просто «заводит» это настырное, вилами по воде писаное, самонадеянное стремление определённой части молодых людей переделывать мир, в котором они мало что понимают.

Вот заявила эта молодая симпатичная женщина с ходу, что иркутские библиотеки не отвечают современной культуре, и показала в конце слайды про библиотеку им. Гоголя в Санкт-Петербурге, где её собратьям-человекам было позволено приложить свои руки к осовремениванию «отставшего» облика. Открытие обновлённой библиотеки, к которой пришпандорили ещё одно

¹ Мы уже как-то попривыкли к этому слову, и вряд ли многие помнят его источник: *Рейдер* [англ. *raider* – от *to raid* – делать набег, налёт]. В морской терминологии – это военный корабль, выполняющий самостоятельные боевые действия на морских и океанских путях сообщений, главным образом в целях уничтожения военных транспортов и торговых судов неприятеля.

новомодное слово «коворкинг»¹, состоялось 23 ноября 2013 года. Принцип этого обновления бросается в глаза сразу, стоит взглянуть на вывеску с логотипом слева от входной двери. Тот же логотип и на гардеробных номерках, и в любом удобном и неудобном месте – принцип повторяемости элементов в дизайне стоит едва ли не на первом месте: это и «фишка», и опознавательный фирменный знак, и, если не всё лицо, то уж хотя бы «нос» этого фирменного лица обязательно.

На сайте библиотеки сказано, в частности, так: «Современные интерьеры и залы, выполненные в стиле «Ироничная классика», полностью отражают философию культурного учреждения, которое идёт в ногу со временем...»

Что ж, попробую и я пойти «в ногу со временем», в «ироничном» стиле агрессивно проанализировав «философию» подобного «культурного» шага – со всей вредностью, на которую способен.

ЧТО-ТО ВРОДЕ АССОЦИАТИВНОГО ФЕЛЬЕТОНА

Нынче, видимо, считается, что если дизайнер что-нибудь не перевернул вверх ногами, то он уже и не дизайнер вовсе, во всяком случае, от современного уровня культуры точно отстал! Вот и тут – Гоголь, наверное, в гробу перевернулся вслед за перевернутой буквой из своей фамилии, которая в паре с

первой «г» зажимает, как инквизиторскими тисками, голову великого писателя чёрным сверху слева и красным (словно окровавленным) внизу справа – уголками. Голова эта стоит вместо первой буквы «О», изображён здесь только волосной покров (возможно, потому, что именно волосы менее всего подвержены могильному тлению?) и как буква не воспринимается, красный перевёртыш (поверьте уж на слово, читатель, он – красный, мне просто жаль использовать цветную наклейку для подобной иллюстрации) – тем более статуса буквы в таком виде не заслуживает. Что остаётся? Остаётся «Г оль». То ли Шарль де «Голь», потерявший одну «л» (такое написание, кстати, в Интернете тоже встречается), то ли – голь перекатная... Да какая разница, если так хочется соригинальничать, что аж невтерпёж! Ведь оформлялась (цитата): «ПЕРВАЯ КРЕАТИВНАЯ БИБЛИОТЕКА ПЕТЕРБУРГА»!

Между прочим, в Петербурге есть и отель «Гоголь», и ресторан «Гоголь», но даже коммерсанты не додумались издеваться над тем человеком (тут важно даже, что над человеком, а не над великим писателем), чью фамилию выбрали в качестве бренда. Там всё чинно, скромно и в старинном стиле, хотя кому, казалось бы, как не новым

¹ Англ. co-working – совместно работающие; то есть, если коротко, это модель работы, в которой участники используют общее пространство для своей деятельности, а если подробнее, то, пользуясь разъяснением сайта constructor.ru, это оборудованное всем необходимым для работы пространство, сдаваемое в аренду любому желающему на необходимый срок – день, неделю, месяц, несколько месяцев. В коворкинг-центре свободные и независимыми люди, в основном фрилансеры (программисты, переводчики, дизайнеры и т.д.), используют общее пространство для своей деятельности.

русским гоняться за креативностью?! Зато ой как это напоминает некоторые другие дизайнерские изыски! Например, данное то ли в шутку, то ли всерьёз обещание превратить в честь юбилея Google в Gogol': «Google изменит логотип на Gogol' для жителей Украины и России» (с непременным носом – здесь вместо мягкого знака):

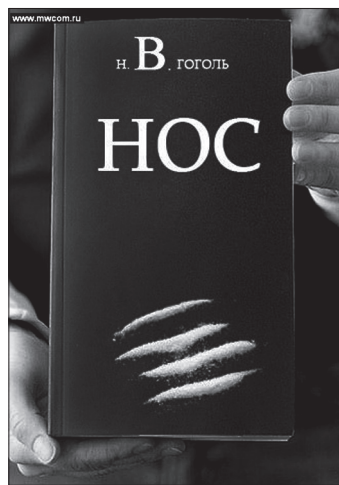
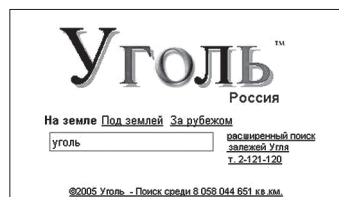
Или даже появившуюся в честь 200-летия писателя подобную же «примочку» в Яндексе (красное, но, слава богу, не перевёрнутое «Г»).

Или, это уже на полном серьёзе, «эмблему» литературной премии «Новая словесность», которая вручается Фондом культурных инициатив Михаила Прохорова с 2010 года «для выявления и поддержки новых трендов¹ в современной художественной словесности на русском языке» (здесь и далее выделено мной. – С.К.), тоже явно отсылающую к гоголевской теме.

И далеко ли до приколов с сайта nevseidoma.com, представившего «известные книги в новых обложках» и пародии на известные бренды, в том числе и весьма остроумную на упомянутого выше «гоголя-гуглея».

Для тех, кто не понял, поясню: вместо «НОС» на обложке теперь следует читать «В НОС», а в нижней её части нарисованы полоски кокаина.

Как видите, ставшие стандартными, но вряд ли имеющие шанс когда-либо дорасти до масштаба традиционных в полном смысле этого значительного для национальной культуры слова, графические приёмы подачи текста (таких примеров в Интернете можно найти сотни, а то и тысячи, но мы ведь заикнулись на Гоголе) – ничего необычного и нового (то есть так необходимого креативного для «первой креативной библиотеки») не содержат. Может, поэтому в твиттере решили пойти

¹ Тренд (произносится «трэнд», от англ. Trend — тенденция). У слова «тренд» есть несколько специфических значений, а наиболее общими являются, пожалуй, такие: важное, заметное направление в развитии чего-либо; общая тенденция при разнонаправленном движении; основная тенденция изменения временного ряда. Синонимы: тенденция, курс, направление. Есть ещё тренд в экономике (направление преимущественного движения показателей; обычно рассматривается в рамках технического анализа, где подразумевают направленность движения цен или значений индексов), тренд в промышленной автоматике, тренд в моде (актуальное – ближайшее, краткосрочное – направление, периодически повторяющаяся тенденция развития моды), тренд в интернет-сети (увеличение количества поисковых запросов, сообщений, тем, статей по определённой тематике). Как видим, ни одно из приведённых выше значений к «художественной словесности на русском языке» отношения не имеет. Остаётся предположить, что данное слово применено здесь исключительно в качестве синонима более обиходного слова «тенденция» ради всё той же креативности.

ещё дальше: на фоновом поле многократно повторили ту же контурную голову, но уже обрядив её в красный берет, в каком обычно изображают художников (https://twitter.com/gogol_lib).

Извините за качество изображения, всё-таки из фона вырезано, но видно хорошо, что инквизиторские тиски уголков при этом убрали, зато поместили рядом с повторяющей контур уголка красной же настольной лампой. Ассоциации у каждого, конечно, свои возникают, но могу предложить и такие: «светлая голова», «художник слова», «Красная Шапочка и Серый Голь» (про «голя» смотри выше).

Слово «креативный» так нагло вторглось в нашу российскую жизнь, что порой напоминает растопыренные пальцы «братков» из лихих девяностых. Молодёжи почему-то кажется, что если обезьяньи ужимки назвать креативными, они от этого превратятся в нечто выдающееся. Наверное, и Эллочка Людоедка, появившись она в нашем времени, включила бы это слово в свой лексикон, наряду с «жуть», «знаменито», «кр-р-расота!», «хо-хо!» и, конечно, «не учите меня жить».

«Википедия» трактует слово «креативный» достаточно просто и только в одном значении: связанный с творчеством, созиданием, занимающийся творчеством. А вот в интернетском «Словаре молодёжного сленга» значений уже больше: 1) творческий, оригинальный, необычный; 2) качественный, красивый, модный; 3) новый, ранее не бывший, неповторимый, уникальный; также в знач. патентно чистый продукт, имеющий авторские права. Здесь же, среди реплик посетителей типа «ну теперь мне понятно», есть и такая: «А, может, не следует модничать и кривляться, изображая из себя эрудита, к месту и не к месту употребляя иностранные слова, а просто выражаться по-русски, ПО-РУССКИ!» (Пётр Верпета).

Только кто же к такому мнению прислушается, если «Психологический словарь» в «Словаре.Ру» так заманчиво поясняет: «(лат. creative – творческий, лат. creatio – создание) термин Дж. Гилфорда – способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации...»

Очень похоже, что в этом ряду главное – породить НЕОБЫЧНУЮ идею и ОТКЛОНИТЬСЯ от традиционных схем мышления, проблемные ситуации решать БЫСТРО. То есть априори «традиционное» приравнивается к чему-то «засиженному мухами» (это отсылка к последующему тексту), не отвечающему «современной культуре» (отсылка к предыдущему тексту), а необычность вообще ставится во главу угла. Перевернуть водопроводный кран (чем не творческая ассоциация с буквой «г»?!) вверх отверстием тоже необычно, но это будет аналог уже другой сантехнической конструкции, предназначенной для другой части тела, название которой прокричал на всю улицу большого американского города австралийский Крокодил Данди, отставший от современной культуры, как и иркутские библиотеки (с точки зрения американизировавшихся «человеков»).

Логотипное «лицо» Гоголя, по замыслу дизайнеров, легко, как гильотиной, отделяется от останков его фамилии, то есть от «оль», и так же легко может заменяться на любое другое; так можно было сфотографироваться на коне и в

бурке на фоне кавказских вершин, просто вставив своё лицо в отверстие на полотне. Так, оказывается, можно поступить и с контурно-сквозным изображением Гоголя. Просто «трансформер» какой-то: то ли «все мы немножко гоголи» – по аналогии с наблюдением молодого Маяковского «все мы немножко лошади», то ли возможность удовлетворить чью-то манию величия.

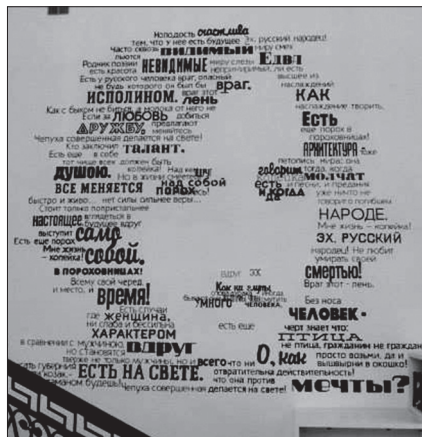
Талантливый писатель Татьяна Толстая в постмодернистской прозе своей не чужда дуновениям мистики, но и она, видимо, не почувствовала жутковатого сквозняка из дыры на месте головы Гоголя. В ассоциативный ряд просится стихотворение А. Вознесенского «Пейзаж с озером» (1977 г.; публиковалось оно не часто, и в Инете найти его чрезвычайно трудно, поэтому не удержусь, приведу текст полностью):

В часу от Рима, через времена,
растёт пейзаж Сильвестра Щедрина.
В Русском музее копию сравните —
три дерева в свирельном колорите.
(Метр — ширина, да, может, жизнь — длина.)
И что-то ощущалось за обрывом —
наверно, озеро, судя по ивам.
Как разрослись страдания Щедрина!
Им оплодотворённая молитвенно,
на полуокте римская сосна
к скале прижалась, как рука с палитрой.
Машину тормозили семена.
И что-то ощущалось за обрывом —
иное озеро или страна.
Сильвестр Щедрин
был итальянский русский,
зарыт подружкой тут же под церквушкой.
Метр — ширина,
смерть — как и жизнь странна.
Но два его пейзажа — здесь и дома —

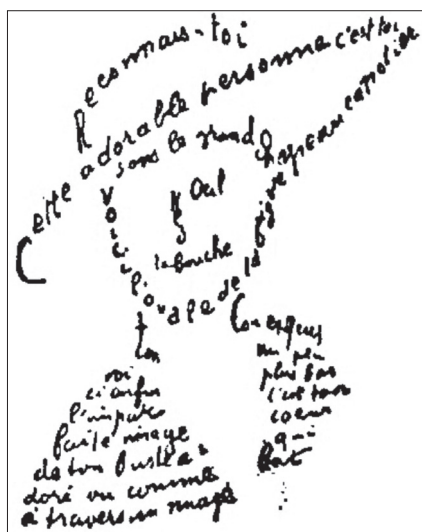
стоят, как растопырены ладони,
меж коими вязальщицы событий
мотают наблюдающие нити —
внимательные времена.
Куплю я нож на кнопке сицилийской,
отрежу дёрна с чёрной сердцевиной,
чтоб в Подмоскovie пересажена,
росла трава пейзажа Щедрина.
Чтоб, если грустно или всё обрыдло,
открылись в Переделкине с обрыва
иное озеро или страна.
Небесные немедленные силы
не прах, а жизнь его переносили —
жила трава в салоне у окна.
Мы вынужденно сели в Ленинграде.
«В Русский музей успею?» — «Бога ради!»
Вбежал — остолбенел у полотна.
Была в пейзаже Щедрина Сильвестра
дыра. И дуло из дыры отверстой.
Похищенные времена!

Да, о трансформации – тоже, оказывается, не сам придумал. Вот небольшая цитата с сайта KudaGo.com, рекламирующего петербургское новшество (адрес публикации <http://kudago.com/spb/place/biblioteka-im-nv-gogolya/>): «Читать – это модно! В этом убеждены деятели Центральной районной библиотеки им. Н.В. Гоголя. Эта библиотека – не обычное районное заведение, с сонной библиотечаршей и засиженными мухами книгами. (Ощущаете ту агрессию, о которой я говорил выше? – С.К.) Это – необычный уникальный проект по модернизации книжного пространства. Не теряя истинных петербургских традиций, библиотека Гоголя поддается веяниям времени и **трансформирует** себя, таким

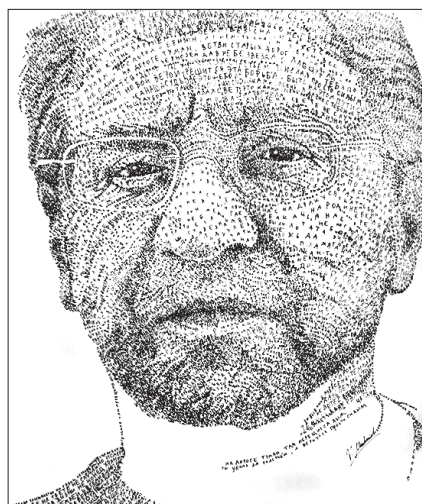

«Цитатный» портрет Гоголя

«Фигурная» дама Аполлинера

«Буквальный» портрет Шевчука, выполненный В. Мацкевичем

образом привлекая современного человека к чтению... Интерьер библиотеки весьма ироничен, на стенах – портреты Гоголя, сделанные из цитат его произведений...»

Портреты Гоголя, «сделанные из цитат его произведений» – это, наверное, тоже было бы круто, если бы было ново по технике, а не старо, как мир. Проистекает сей «креатив» от визуальной поэтической формы – фигурного стиха, то есть жанра, в образцах которого тема или словесный образ продублированы образом графическим. Жанр этот возник в эпоху античности в александрийской поэзии, представители которой пытались складывать стихи в различные геометрические фигуры, воспроизводить текстом форму какого-либо предмета. Позднее к фигурному стиху обращались поэты эпохи барокко, а затем и поэты-модернисты, то есть те представители поэзии, которые уделяли особое внимание формальной стороне текста. Первые образцы фигурных стихов в русской поэзии создал Симеон Полоцкий. В лирике XVIII–XIX вв. обращения к этому жанру единичны (А. Сумароков, Г. Державин, А. Апухтин). Затем, что вполне логично, они вошли в арсенал поэтов Серебряного века (Э. Мартов, В. Брюсов), а отсюда уже рукой подать до стихотворцев, в творчестве которых сказалось влияние авангардистских традиций (С. Третьяков, С. Кирсанов, А. Вознесенский). Создают фигурные стихи и современные поэты, в том числе и «отставшие от культуры» провинциалы.

Французский поэт Гийом Аполлинер, который часть своих стихотворений выполнял в виде рисунков, составленных из слов и выражающих тему стихотворений, своё фигурное творчество назвал словом «каллиграмма».

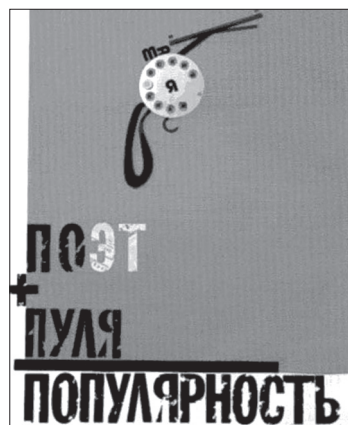
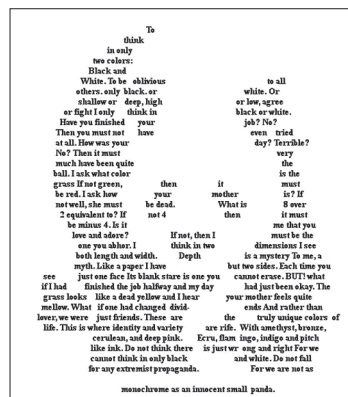
В наше время к технике фигурных стихов обратился молодой литовский художник Владимир Мацкевич, взявшийся изображать русских деятелей культуры. Свои работы он называет «буквальные портреты», то есть созданные из букв, из строчек произведений тех, кто на портретах изображён. Если Пушкин – то «Евгений Онегин», если

Гоголь – то «Вечера на хуторе близ Диканьки», если Виктор Цой – то песни; в бороде Дмитрия Менделеева спутались строчки из фильма «Закон химической гармонии», а за спиной роятся символы его периодической таблицы; портрет Достоевского сложен из отрывков «Преступления и наказания»; в ухо нарисованного Даниила Хармса «втыкается» строчка: «Жила-была девочка, ну и хрен с нею», на лбу Юрия Шевчука читаются морщины: «Ты не один», «И кто знает, какой новой верой решится эта борьба»; Евгения Леонова пословно идентифицировать сложно, зато личность его, в отличие от некоторых других, узнаётся сразу. (Как и личность симпатичного панды – автор мне не известен, но я выбрал именно эту работу поскольку она больше всего «подобна» цитатному Гоголю).

Чем-то это творчество напоминает пунтиализм, только роль точек здесь играют буквы, складывающиеся в слова, которые можно ещё и прочитать при желании.

Вообще же из советских и постсоветских «фигуристов» наиболее известен Андрей Вознесенский, по необычности форм близкий к современному дизайну. Он строил свои композиции из букв и создавал «видеомы», в которых стихи совмещались с рисунками, фотографиями, шрифтовыми композициями. Он считал, что такая визуальная поэзия соединяет зрительное восприятие с духовным. Ну а когда он переходил на личности, это порой тоже корябалось, но по-другому, поскольку визуальная составляющая у Вознесенского не заикливалась на форме, а наполнялась смыслом – содержательным образом, с которым порой не хотелось соглашаться (видеома «Маяковский»), порой казалось, что это чересчур жёстко выражено (видеома «Есенин и Айседора»), а порой хотелось воскликнуть: в точку! (видеомы «Набоков» и «Северянин»).

Так или иначе, в любой работе поэта и архитектора А. Вознесенского мы видим концепцию. А какова концепция в составленном из цитат портрете Гоголя в библиотеке? Точно так же конвейерным методом с помощью элементарной компьютерной программы можно создать любой портрет из любых цитат и развесить их по всем библиотекам России и ближнего зарубежья, особенно если они носят чьё-то имя. Огромное поле для заработка – вот и вся концепция. Осторожно, Иркутск!

Хотя, как же это я забыл про иронию? К ней обязательно нужно возвращаться и возвращаться, поскольку по разным электронным адресам по-разному трактуется и это. Так, на сайте самой библиотеки (адрес цитаты <http://www.kr-cbs.ru/libraries/central/>) текст сдержанный по тону, молодёжной агрессивности здесь нет: «Центральная районная библиотека им. Н.В. Гоголя – это уникальный проект модернизации библиотечного пространства. Откликаясь на ритм современной жизни и отдавая дань традициям, библиотека меняется и сочетает разные форматы учебной и научной деятельности, творчества и досуга... Современные интерьеры и залы, выполненные в стиле «Ироничная классика»... Роскошные классические люстры сочетаются с портретом Николая Гоголя, составленным из цитат по его произведениям. Телефонная cabina, где можно поговорить по мобильному, не мешая окружающим, встроена в классический книжный шкаф. А лёжа на зелёных «холмах» арт-холла, можно читать, мечтать, слушать музыкальную классику...»

Но может и должен ли библиотечный интерьер выражать «ироничное» отношение к классике, когда и так эта классика чаще всего бывает задвинута куда-нибудь в тень, а на первый план выдвигаются наиболее яркие обложки пустосодержательных бестселлеров? (На всякий случай дадим перевод этого тоже модного слова в двух вариантах: от англ. best seller — «продаваемый лучше всех»; англ. bestseller < best наилучший + sell продавать). В чём же состоит эта ироничность? Может, дизайнеры насмешничают над читателями, что они представляют себе Гоголя только по цитатам (ассоциация – «растасшили на цитаты»), а в библиотеке всё равно выберут кричащие обложки и провалятся с ними в дыры пространства, слава богу, не чёрные всё-таки дыры?

Вот и подошли мы к интерьеру, господа. Первое, что бросается в глаза, это яркие и контрастные элементы. (Опять прошу поверить мне на слово, или самим заглянуть на указанные сайты, по той же причине: жаль отводить место в цветном блоке).

Книги на полках подобраны так, что их обложки тоже играют свою роль в дизайнерском замысле – преобладают режущие глаз синие, красные и жёлтые цвета. Вам это ничего не напоминает? Ну, например, детские ясли или детскую площадку? Малышам яркие цвета необходимы, но уместны ли они там, где требуется сосредоточенность и вдумчивое, углублённое чтение? Спросите об этом у психологов.

А возможность почитать, лёжа в круглой мягкой дырке! Правда, девушкам придётся приходить в библиотеку исключительно в брюках, иначе мужская часть аудитории ни за что не сможет сосредоточиться на чтении! Хотя и в брюках с носочками возлégшая при всем народе дама тоже выглядит весьма эротично... Ах, простите, сразу и не понял, вот что значит молодость прошла! Это же так и задумано, наверное: совместить библиотеку с клубом знакомств – конечно, для молодёжи это просто необходимо, тут и лёгкий стриптиз не помешает, на который глазеть будет лучше всего из упрятанной в книжном шкафу телефонной будки, делясь с приятелем впечатлениями и заманивая его в креативную библиотеку хотя бы

таким образом. А вы что думаете – парень рванул в будку очередь занять, чтобы рассказать друзьям, какое неизгладимое впечатление произвела на него повесть Николая Васильевича Гоголя? Впрочем, рыться в подтексте неблагодарное дело. Лучше просто взглянуть очевидному прямо в глаза. В этой жёлтой дыре, судя по фото, долго не считаешь: как ни старается фотомодель повернуть книгу в сторону фотографа, а значит, и в сторону света, хорошо видно, что страницы сильно затенены – так читать, только глаза портить.

Так зачем и кому нужен весь этот лес с креативно-картинной поляной (ассоциация: «накрыть поляну»)? Чем же нам объяснить то, что так настырно ломится в библиотеки современная псевдокультура?

Здесь, на этом вопросе, мне припомнилась старая, 2009 года, информация с сайта i-cherski.livejournal.com. Как ни странно, она сохранилась, и найти её было легко. Вот фрагменты из неё: «Не секрет, что в условиях глобального кризиса даже таким гигантам, как Google, приходится принимать экстренные меры, чтобы удержаться на плаву...» «Общий рынок рекламы сжимается, а значительная часть доходов Google завязана на рекламе... Для того чтобы как-то нивелировать этот эффект, мы решили тщательнее учитывать интересы

пользователей и пойти навстречу их главным запросам», – заявил в интервью Bloomberg TV исполнительный директор компании Эрик Шмидт.

В этом тексте мы выделим место о главных запросах и интересах пользователей, после чего уже можно начинать смеяться: «Наш новый поисковик называется Vooble, и его пробная версия уже работает, – сообщил журналистам член совета директоров Google Хэл Беллз. – Всё равно все ищут в интернете одни только сиськи. И закрывать на это глаза в условиях кризиса было бы полным безумием».

Запросы и интересы современной молодёжи (и не только молодёжи) – тема особая. Зарываться мы в неё сейчас не будем, только отметим, что и то, и другое – продукт воспитания и информационного – в широком смысле – воздействия на сознание, а где-то и излишнего потакания этим самым запросам. Почему бы не превратить библиотеку (если, конечно, площади позволяют) ещё и в место для «тусовок»? Хорошо поваляться на искусственной лужайке в тепле, но будет ли слушать молодёжь при этом предлагаемую ей «в нагрузку» музыкальную классику (не путать с классической музыкой!)? Скорее заткнёт уши собственными плеерами. Залезть в библиотечную телефонную будку, конечно, приятнее, чем морозить ухо мобильником на улице, но какая необходимость трепаться (другого слова не подберу, наслушавшись до тошноты этих личных сотовых разговоров в общественных местах) по телефону именно в библиотеке? Wi-Fi – это уже серьёзнее, но не закрыть ли доступ к определённым адресам, чтобы не уподобиться Эрику Шмидту?

Я разбираю петербургский пример так подробно, потому что именно он был представлен на «круглом столе» в качестве образца для подражания. Ведь кому-то из чиновников и у нас в Иркутске может захотеться прослыть таким же «креативным», как глава администрации Красногвардейского района Санкт-Петербурга Евгений Разумишкин, чьим высказыванием я и закончу фельетонную часть материала: «Такая библиотека первая в районе и городе... Креативить обещаем и дальше».

Неправда ли, замечательное слово «креативить»? С чем только ассоциации не возникают! И кривить душой. И кривляться. И кератин – белок с большим содержанием серы (а с чем сера-то ассоциируется!) И креатура тут как тут – ставленник по сути, то есть тот, кто занимает должность, благодаря покровительству влиятельного лица. И креационизм – как антипод эволюционизма. И даже слово «кремировать» где-то рядышком гарью-вонью отдаёт...

Вот представляю себе выступление писателя в такой креативной обстановке: кто-то в телефонной будке треплется, кто-то на «лужайке» прилёт, кто-то в «дырке» сколбасился, ноги задрал; и отсеконовенная голова Гоголя со всех сторон – отмщения просит...

* * *

А чего вы хотите: ироничное отношение к классике далеко может фантазию завести. Почитайте современных номинантов разного пошиба «русских букеров» – ирония и издёвка над всеми высокими чувствами, так свойственными традиционной русской литературе, будут попадаться вам то и дело. С одной стороны, как в детстве: тот, кто пассивен и выше тройки прыгнуть не может (я о высоких чувствах, а не об умении писать на русском языке, если вспомнить хотя бы премию «НОС»), всячески глумится над отличником и

активистом. С другой стороны, синдром пародиста (зачастую мы имеем дело с пародией на литературу): схватившись за частную фальшь, на всю катушку раскрутить что-нибудь расхожее, типа «патриотизм – последнее прибежище негодяев» или «Россия как государство русских не имеет исторической перспективы». Тому же синдрому свойственно такое низкопробное чувство как презрение. Не удивительно, что «ирония» по отношению к классике (традиционной русской литературе, в первую очередь) оборачивается презрением к народу, который некоторые писатели, считающие себя культурной элитой, называют «они» и «быдло» (Т. Толстая и К^о).

На мой взгляд, самый народный, самый русский и самый патриотичный писатель тот, кто, рассуждая о народе, говорит «мы» и ни в коем случае не занимается провокационными вычленениями по формуле: «Я тех-то и тех-то за народ не считаю» (воспоминания студенческой молодости, когда один крупный прозаик, выступая в Иркутском государственном университете, начал с того, что он «торгашей» за народ не считает, а затем выстроил такой ряд «изгоев», что от народа практически ничего и не осталось).

Если кто-то хочет отделить себя от народа, это его личное дело, а если кто-то пытается лишить права принадлежать к оному целые слои населения – это уже пахнет экстремизмом. Поэтому давайте не будем нарываться на неприятности в свете сегодняшнего законодательства, а сконцентрируем свои усилия на защите того, что у народа осталось народного, а именно традиционных ценностей.

КНИГА – КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Виталий Зоркин

ВКЛАД ИРКУТЯН
В ЕВТУШЕНКОВЕДИЕ

*Сколько тонн бумаги обо мне исписано,
Но в какой из книжечек, подскажите,
Истина?*

Евгений Евтушенко

Наверное, любой из жителей Иркутской области на вопрос «где родился Евтушенко?» мог бы ответить: «на станции Зима!» И ответ был бы неправильным. Потому что физически и юридически будущий поэт появился на свет в фельдшерско-акушерском пункте станции Нижнеудинск. Почему это бытующее и поныне и кочующее из одного справочного издания в другое (вплоть до Большой Российской энциклопедии) неверное утверждение-заблуждение стало возможным? А потому, что до сих пор в науке не существует биографии Евгения Александровича Евтушенко (равно как и жизнеописания других поэтов звёздного поколения шестидесятников: Р.И. Рождественского, А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной). Его богатейшее литературно-биографическое наследие до сих пор не стало объектом многоаспектного скрупулёзного исследования специалистов-филологов!

Авторы солидной монографии «Зима – столица Евгения Евтушенко» (Иркутск, 2013, 524 страницы), вышедшего в свет в дни 80-летнего юбилея нашего именитого земляка, журналист и филолог Виталий Комин и доктор филологических наук Валерий Прищепа взялись за выполнение этой двудесятичной задачи и, на наш взгляд, её успешно выполнили. Трудно не согласиться с аннотацией данной книги: «Подобных исследований ни в России, ни тем более за рубежом на сегодняшний день не существует. В книге сочетаются краеведческие разыскания с литературоведческим анализом, хроника событий жизни и творчества Е.А. Евтушенко с библиографическими комментариями, личные свидетельства многочисленных родственников поэта и евтушенковедов – с конкретикой архивных документов, фотографическая сибириада – с сибириадой в его поэзии, прозе и кинематографе, уникальные эпистолярные свидетельства – с зиминскими автографами поэта. Зиминский мир, воссозданный всемирным русским поэтом Евгением Евтушенко, подвергается многоаспектному прочтению и толкованию. Поэт предстаёт в исследовании и как благодарный сын родной Зимы, Сибири, и как беспощадный критик человеческих пороков: схлёст великой нежности, любви и кипящей ненависти создаёт неповторимый рисунок его художественного стиля. Авторы опровергают известное во всём мире евтушенковское утверждение о Зиме, как месте рождения, спорят с поэтом, приводя свою систему доказательств. В этом отношении книга дискуссионная

по своему характеру, а исследовательские заключения и выводы для многих читателей могут оказаться неожиданными и даже сенсационными».

С первых страниц видно, что фактографический материал книги авторы накапливали десятилетиями. С середины 1950-х годов иркутские и зиминские журналисты Николай Зименков, Юрий Романов, Юрий Маяков, Елена Палыгина, Ирина Галанова, Виталий Комин, Юрий Соловьев, Любовь Сухаревская, Арнольд Харитонов освещали почти каждый приезд поэта на сибирскую родину. В стенах филфака Иркутского госуниверситета были защищены десятки курсовых и дипломных работ, посвящённых сибирским мотивам творчества Евтушенко в его поэмах и стихотворениях, в прозаическом романе «Ягодные места», художественном фильме «Детский сад», публицистических произведениях. Наконец, в 1981 году Восточно-Сибирская студия кинохроники выпустила в прокат документальный фильм «Поэт со станции Зима» – с участием самого знаменитого зиминца. Да и сам поэт постоянно давал добрый повод для возникновения подобного рода работ, напечатав с 1971 по 2008 год в Иркутске шесть книг поэзии и прозы.

Очевидно, что сибирская составляющая творчества Евгения Евтушенко представляет особый, можно сказать, доминантный пласт его художественного мира.

* * *

Большая по текстовому объёму и масштабная по содержанию книга Виталия Комина и Валерия Прищепы обладает целостностью, органична, благодаря продуманной структуре.

Первые три главы можно назвать биографическими, потому что их основой является разговор о биографии поэта и, прежде всего, о её сибирской составляющей. Эти главы содержательно сцеплены с «Родословной Е. Евтушенко», помещённой в конце книги, то есть структурная организация текста носит и кольцевой характер.

Следующие главы («Предыстория создания поэмы «Станция Зима», «Бои местного и неместного значения», «Стихотворная симфония» и другие) в своей основе содержат литературоведческий анализ сибирских поэм, стихотворений и прозы Евтушенко: «Станция Зима», «Откуда вы?», «Опять на станции Зима», «Братская ГЭС», «Северная надбавка», «Зиминская баллада», «Ягодные места». В литературоведческий материал этой центральной части книги достаточно органично вживляются краеведческие разыскания авторов, воспоминания, личные свидетельства, архивные документы, касающиеся времени учёбы Евтушенко в Литературном институте. К этой же части исследования следует отнести и раздел «С чего начинается фильм?», в котором впервые подробнейшим образом рассказывается о кинематографической истории поэта, связанной с его сибирским детством времени военного лихолетья.

Третью часть составляют главы, в которых даётся богатеиший фактографический материал, рассказывается о важных событиях, происходивших, в основном, в Зиме и напрямую в хорошем смысле этого слова спровоцированных поэтом: «Евтушенковеды на сибирской родине поэта», «Датчане и американцы в Зиме», «Открытие фестиваля и Дома-музея поэзии в Зиме», «Исследования XXI-го века», «По музеям Евтушенко душа гуляет не спеша» и другие. Таким образом, монография Виталия Комина и Валерия Прищепы тщательно струк-

турирована, составляющие её звенья взаимосцеплены их внутренним содержанием. Следует отметить также, что зиминско-иркутская история жизни и творчества поэта авторами книги рассматривается не обособленно, а в контексте всех евтушенковских идейно-художественных исканий 1950-х годов – начала XXI века.

Выстраивая основное повествование монографии в эволюционно-хронологической последовательности, авторы выделяют особо, например, 1980-е, рубежные и в истории России, и в творчестве Евтушенко годы – в главе «И даже в почерке поэта разгадку времени найди». Называя основные события этого бурного десятилетия (от публикации поэмы «Мама и нейтронная бомба» и присуждения поэту Государственной премии СССР до участия в создании общества «Апрель»), они рассматривают и сибирские страницы жизни и творчества поэта, связанные, прежде всего, с работой над фильмом «Детский сад» и его премьерой, а также приездами Евтушенко с группой теледокументалистов из Дании, снимавших трёхчасовой фильм «Путешествие по России», и американцами. Всего с 1980 по 1988 годы он побывал на сибирской родине восемь раз.

Необходимо подчеркнуть, что исследование В.В. Комина и В.П. Прищепы сориентировано не только на специалистов-филологов, но и на самого широкого разнохарактерного читателя. Для людей, связанных с филологией, особо интересными могут оказаться разделы, в которых даётся обстоятельный литературоведческий анализ сибирских поэм, стихотворений и прозаического романа «Ягодные места», а также главы, в которых впервые в отечественном литературоведении вводятся материалы Российского государственного архива литературы и искусства, относящиеся к периоду учёбы поэта в Литературном институте.

Нижнеудинцев и зиминцев, скорее всего, привлекут главы и главки, в которых авторы исследования рассказывают о непростых взаимоотношениях поэта с земляками, где были и обиды, и непонимание, и – в конце концов – полное единодушие («В одной связке», «С чего начинается фильм?» и др.). Убеждены, что интересными для всех, кто возьмёт эту книгу, будут десятки разделов, в которых с привлечением уникальных фактов краеведческого характера и документов из зиминских и иркутских архивов даётся биографическая составляющая знаменитого зиминца, родословная по линии отца (с 15-го века) и по линии матери (с конца 19-го столетия).

Концептуальную мысль книги можно определить так: станция Зима является **поэтической** родиной Евгения Евтушенко, отсюда берёт начало его прозаическая и кинематографическая история. Но самое, наверное, главное заключается в том, что здесь он, нынешний «всемирный русский поэт», родился как личность, здесь находятся истоки его самосознания. На станции Зима Евтушенко встретился с теми людьми, которые стали его «первым человечеством». Именно они, многочисленные зиминцы, помогли ему осознать себя кровной частью «человечества страждущего».

Отсюда вполне понятно обращение авторов книги к биографии первой сибирской учительницы будущего поэта – Сусанны Иосифовны Коношенко, о которой было сказано и написано в иркутской печати много, но беспорядочно, по поводу. В. Комин и В. Прищеп, опираясь на архивные данные, воссоздают подробную биографию, канву жизни этого замечательного человека,

сыгравшего решающую роль в становлении Евгения Евтушенко как человека и поэта. Читатель узнаёт, что именно она, его первая учительница, в годы войны доставала драгоценную бумагу, на которой Евтушенко написал чуть ли не первые свои стихотворные строчки, гоняла его за пропуски уроков, одновременно нравственно поддерживая его, сбежавшего из школы на перрон зиминского вокзала, чтобы пообщаться с уезжавшими на фронт солдатами... Для будущего поэта она значила не меньше, чем Арина Родионовна для Пушкина.

С.И. Коношенко, любимый дядя Андрей Иванович Дубинин, суровая бабушка Мария Иосифовна Байковская и добрая бабушка Ядвига Иосифовна Байковская, жена дяди Евгения Иосифовна Дубинина, мать поэта – Зинаида Ермолаевна Евтушенко... Это далеко не полный список тех людей, биографии которых описаны авторами книги потому, что именно они вылепливали из «мальчика со станции Зима» человека, мужчину, поэта.

Книга щедро насыщена воспоминаниями о целом ряде событий, связанных с пребыванием поэта на сибирской земле как в дни сомнений, дни тягостных раздумий о судьбах Родины и о своей собственной судьбе, так и в ясные

Е.А. Евтушенко на съёмках фильма «Детский сад»

погожие дни жизни Евтушенко, когда он был «на коне», занимаясь реализацией многочисленных проектов, в основном, в Зиме и в Иркутске.

Виталий Комин и Валерий Прищепа, судя по всему, давно лично знают поэта, не раз и не два общались с ним и сотрудничали. Именно потому особенно интересны воспоминания В.В. Коми́на о том, что происходило с поэтом после жёсткой критики Хрущёвым Евтушенко и его друзей-писателей в Кремле в марте 1963 года (раздел «Хроника незабываемых дней»), подробности душевных терзаний и подвижнических усилий поэта, приехавшего в Сибирь, чтобы найти здесь, на своей малой родине, точку опоры, уходящую из-под ног. Тщательно и скрупулёзно выписывая шаг за шагом поведение мятущегоо-

ся поэта, В.В. Комин достигает главного: читатель живо проникает в непростую, сверхнапряжённую атмосферу, в которой создавалась знаменитая поэма «Братская ГЭС», годом позже выдвинутая на соискание Ленинской премии. Валерий Прищепа, в свою очередь, даёт читателям возможность познакомиться с обстоятельствами подготовки Евтушенко к съёмкам фильма «Детский сад» и самих съёмок ленты в Иркутске. Добавим: никто до сих пор в таком личностном аспекте об этом фильме поэт не писал.

Трогательны воспоминания С.И. Коношенко, свидетельства дяди поэта А.И. Дубинина, зиминца, народного артиста России В.П. Егунова, отца и матери поэта А.Р. Гангнуса и З.Е. Евтушенко, директора Дома-музея поэзии в Зиме Л.Г. Евиновой, сотрудницы Иркутского областного краеведческого музея Э.А. Муценек, учительницы-зиминки, а в годы войны пионервожатой, в которую будущий поэт был влюблён, А.И. Василенко, зиминского журналиста Николая Зименкова, бывшего первого секретаря Иркутского обкома партии В.М. Спирина.

Учительница Сусанна Иосифовна Коношенко запомнила, что в день отъезда Жени из Зимы он побывал у неё на уроке географии, потом она устроила чаепитие, он прочитал несколько стихотворений, а когда поезд отходил от станции, он кричал: «Я вернусь! Вернусь!» Авторы книги утверждают, что будущий поэт сдержал данное обещание: в последующие годы он 32 раза возвращался на станцию Зима, свою поэтическую столицу, «чтобы набраться новых замыслов и сил».

Десятки по своей сути неповторимых рассказов людей, общавшихся и сегодня общающихся с поэтом в Сибири и в Москве, создают особую доверительную интонацию общего повествования книги, способствуют проникновению в самую суть психологии поэта, в значительной степени оживляют и разнообразят литературоведческую основу исследования.

В книге имеется также и большая глава «По музеям Евтушенко душа гуляет не спеша», в которой В. Комин и В. Прищепа рассказывают о создании и бытовании музеев, посвящённых жизни и творчеству нашего знаменитого земляка: от школьного музея города Саянска до музея в городе Чикаго, в США.

Особый интерес вызывает раздел, посвящённый гибели и возрождению родового гнезда поэта – дома Байковских–Евтушенко–Дубининых в Зиме, где ныне находится Дом-музей поэзии. Авторы отслеживают историю этого дома с 1880-х годов по наши дни, благодарно называя поимённо всех тех, кто способствовал тому, чтобы первый Дом поэзии в России жил и здравствовал.

Новая книга В.В. Коми́на и В.П. Прищепы содержит 64 чёрно-белых и цветных фотографии (авторы – Григорий Поздняков, Николай Зименков, Юрий Романов, Владимир Лапаев и другие), они расположены как по тексту, так и блоками. И если их рассмотреть по порядку расположения, то, даже не привлекая основной текст, легко выстроить биографическую канву жизни поэта – каждая из фотографий подробнейшим образом откомментирована. Например: «В этом доме по улице Вокзальной, 34 в Нижнеудинске прошли первые дни жизни будущего поэта. В 1970-х годах он исчез в связи с застройкой Привокзального района города. Фото Юрия Рушенцова. Спасибо ему за этот единственный снимок. Сохранил В. Комин»; «Эвакогоспиталь № 1942 в Зиме располагался в здании транспортной школы № 25 по 1-й улице (ныне улица С. Клименко). В этой палате тоже звучали стихи и песни в исполнении

детей и их педагогов. На снимке (справа) среди выздоравливающих бойцов учительница С.И. Коношенко...» Порой авторы прибегают и к стихотворной форме комментариев, то есть дают свою собственную поэтическую текстовку. Ряд фотографий сделан самим В.В. Коминым в далёкие уже 1960-е годы: Евтушенко из соломинки пьёт берёзовый сок, Евтушенко с дядей А.И. Дубининым на охоте, Евтушенко с С.И. Коношенко и т.д.

«Моментальные снимки вечности, остающиеся на века» (так поэт называет фотографии), приведённые в этой книге, знакомят читателя со всеми четырьмя жёнами поэта (юная Белла Ахмадулина, молодая Галина Сокол-Луконина, прилетевшая с поэтом в Зиму на самолёте ирландка Джан Батлер, Мария Новикова), а также с его сыновьями, многочисленными сибирскими друзьями и знакомыми.

Особо следует выделить участие в работе этого коллектива фотографов известного иркутского фотомастера Владимира Харитонов, цветные фотографии которого украшают форзацы книги. В. Харитонов является и автором дизайна суперобложки книги, представляющей своего рода фотографический коллаж, который создан, судя по всему, по аналогии с известным стихотворением поэта «Лоскутное одеяло».

В целом фотографии, включённые в эту книгу, а также оформляющие обложку, форзацы, если их воспринимать в совокупности, представляют собой своего рода миниальбом, фотографическую антологию «Евгений Евтушенко в Сибири».

Исследование Виталия Комина и Валерия Прищепы включает и большой раздел (почти 150 страниц) «Приложения». Эта своего рода «книга в книге» состоит из четырёх частей. Кроме «Родословной Е. Евтушенко», о которой мы уже говорили, это «Сибирские инскрипты поэта», поэтическое приложение («Стихи поэта, посвящённые зиминцам», «Стихотворения поэта, написанные в Зиме или на зиминском материале», «Стихотворения поэта, посвящённые евтушенковедам», «Стихотворения зиминцев, посвящённые поэту Евгению Евтушенко») и «Библиография работ В.В. Комина и В.П. Прищепы о жизни и творчестве Е.А. Евтушенко».

Следует подчеркнуть, что почти каждое стихотворение здесь не только датировано, но и откомментировано авторами книги. Например, подраздел «Стихи поэта, посвящённые зиминцам» состоит из десяти стихотворений, посвящённых либо кому-то из родственников (Я.И. Байковской, Э.А. Дубининой, В.И. Дубинину и т.д.), либо людям, связанным с Зимой (В.М. Спирину, В.П. Егунову). По существу, авторы книги дают подробную характеристику тем людям, которые окружали поэта в разные годы его жизни, оказывали на него влияние, помогали и поддерживали его в самые тяжёлые периоды жизни. В связи с этим особо отметим: до сих пор никто и никогда этой темой ни в отечественной, ни в зарубежной литературной науке специально не занимался. И если литературное окружение поэта не раз и не два, а десятки раз – и сам Евтушенко, и специалисты-филологи давно уже обозначили в ряде статей и книг, то внелитературное сообщество «сибирского Вийона» ни изучено, ни оценено не было. А вместе с тем это важнейший вопрос евтушенковедения хотя бы потому, что сущность мировоззрения поэта, структура его до сих пор обстоятельно не исследованы, что естественным образом создаёт препятствие на пути осмысления его художественного мира в целом. Таким образом, вопрос о

сибирском окружении поэта, литературном и внелитературном быте В. Комин и В. Прищепа рассматривают впервые в российском литературоведении.

Тщательно откомментированные авторами стихотворения создают впечатление присутствия в книге фрагментов будущего Полного собрания сочинений Е.А. Евтушенко, которое, судя по объёму работы поэта, будет состоять не из одного-двух десятков полновесных томов. Подобные своего рода зёрна будущего и порождают позитивную перспективу завтрашнего евтушенковедения.

Библиография работ авторов книги о жизни и творчестве Е.А. Евтушенко убедительно показывает, что Виталий Комин с 1962 года, а Валерий Прищепа с 1978 года осуществили около ста публикаций в отечественной и зарубежной прессе – рецензий, статей, интервью с поэтом, как порознь, так и в соавторстве. Виталий Комин как старейший журналист областного радио записал десятки радиопередач о приездах поэта в Иркутск и Иркутскую область. И – как результат – написание и выпуск в соавторстве трёх изданий монографии «Он пришёл в XXI-й век: творческий путь Евгения Евтушенко (Новосибирск, 2003, 2005; Иркутск, 2009), которые были положительно оценены достаточно широко: от зиминской газеты «Приокская правда», саянской «Новые горизонты» до «Литературной газеты», академического журнала «Вопросы литературы», «Нового мира».

Интереснейшим подразделом «Приложений» является главка «Сибирские инскрипты поэта (автографы, экспромты, дружеские эпиграммы)», в которых приводятся результаты многолетней собирательской работы В.В. Комина и В.П. Прищепы. Думается, что читатель этой книги будет удивлён, узнав из вступительных слов главки, что с 1978 года существовал в СССР и продолжает существовать в нынешней России Союз евтушенковедов! Из этого можно попутно заключить следующее: из сотен специалистов, которые живут, как мы поняли из книги, не только в России, но и в США, Японии, Израиле и т.д. и занимаются изучением творчества Е.А. Евтушенко долгие годы, имеют о нём опубликованные работы, не все, а только немногие, входящие в состав этого Союза, являются, а не просто называются **евтушенковедами**! Имена этих избранных называются уже во вступительных словах книги: Ю.С. Нехорошев, В.В. Артёмов, Е.Л. Кручинин, И.М. Соловьёв и её авторы – В.В. Комин и В.П. Прищепа. Именно они, прежде всего сибирские евтушенковеды, на первой учредительной конференции СЕ, состоявшейся 19-21 августа 1978 года в Иркутске, одной из задач этого союза определили собирание «любых текстов, оставленных рукой поэта во время поездок по Иркутской области, общения с земляками в самых разных обстоятельствах, при мимолётных или длительных знакомствах».

В главке приводятся десятки уникальных надписей поэта (наверное, далеко не все собранные авторами книги), в разные годы сделанных Евтушенко, в основном, на книгах из частных или государственных библиотек. Большинство инскриптов наполнены всегдашним евтушенковским юмором, доброй улыбкой, шуткой. Например, на одной из фотографий, сделанных Владимиром Харитоновым, Евтушенко написал:

Я мрачен, видя хари тёмные
кидал, бандитов, торгашей,
но лишь увижу Харитона, –
рот расплзётся до ушей.

А Виктору Михайловичу Спирину посвятил такие строки:

Я был зиминский.

Стал теперь всемирен.

Но где, в каких Америках найду

Такого чуда-кореша, как Спирин,

С которым никогда не пропаду.

Подобных чудо-надписей в главке достаточно много, что говорит о непреходящей «жажде на людей» знаменитого поэта-зиминца.

Авторы монографии делают и некоторые сенсационные заявления: оказывается, поэт Евгений Евтушенко своим происхождением вовсе не от сохи и плуга, как это утверждалось в советские годы, а скорее наоборот – дважды дворянин, по линии отца и по линии матери. Его прадед Иосиф Байковский, сосланный в Сибирь, был польским шляхтичем, то есть имел дворянское звание, а двоюродный дед Евгений Плотников, в честь которого поэт и был назван, за подвижническую врачебную деятельность был удостоен дворянского звания в Тобольске. К тому же Евтушенко – дважды сибиряк, по обеим линиям родства.

Нигде и никогда не было сказано и о том, что знаменитое евтушенковское стихотворение «Со мною вот что происходит», ставшее песней в рязановском фильме «Ирония судьбы, или С лёгким паром», было написано в один из самых тяжёлых дней его жизни – 18 марта 1957 года, когда вышел приказ об исключении поэта из Литературного института им. М. Горького...

Возможно, при втором, третьем прочтении книги у рецензентов найдутся и принципиальные претензии к её авторам, будут замечания и прочее, но при нашем первопрочтении возникает лишь одно: сожаление о том, что монография вышла тиражом 300 экземпляров, которые не могут удовлетворить спрос даже читателей-иркутян.

Любители поэзии и специалисты-филологи, возможно, знают и помнят большую работу Виталия Комина и Валерия Прищепы «Он пришёл в XXI-й век: творческий путь Евгения Евтушенко». В предыдущей монографии (438 страниц) её авторы тщательно исследовали художественный мир Е.А. Евтушенко – поэта, прозаика, литературного критика и публициста. Новая их книга в известной степени является весомым продолжением этой монографии. Анализ идейно-эстетических исканий поэта, проведённый в первой части дилогии, и истинный масштаб личности поэта, явленный во второй монографии «Зима – столица Евгения Евтушенко», дают все основания для определения их как добротной евтушенковской энциклопедии. Без этих двух изданий и сегодняшнее, и завтрашнее евтушенковедение представить трудно.

ВОСПОМИНАНИЯ
РАЗМЫШЛЕНИЯ
ДИСКУССИИ

Татьяна КОВАЛЬСКАЯ   К 75-летию Ивана Харабарова

«Я ВЕСЬ ИЗ ШЕРШАВОЙ КОРЫ,
Я ВЕСЬ ИЗ СОСНОВОЙ ХВОИ»

Татьяна ПЕТРОВА   К 100-летию Первой мировой

«ЧЕРЕМИСИНОВЫ. ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ»

Светлана ВОЛКОВА   О времени и детском творчестве

АНГЕЛЫ И ГОРНИСТЫ

Сергей БЕСЕДИН   О природе и культуре

ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ

С такими строками появился в Литературном институте в 1955 году голубоглазый стеснительный мальчик – таёжник, уже поэт, но ещё дикарь среди столичных однокурсников. Самым близким другом стал для Ивана Харабарова однокурсник Юрий Панкратов, дружил он и с Вячеславом Кузнецовым. В одной группе с ними учились Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Фазу Алиева. На втором курсе – Евгений Евтушенко. Девушек-поэтов восхищал скромный «таёжник» и его непривычные образы и ритмы в стихах. А он просто тосковал по родной деревне, по домашней, такой пахучей и такой родной тайге. Вот и задевшую

сердце девушку, столичную пижонку, он называет нежно «белочкой»:

Белочка моя, ласковая,
Маленькая таёжница.
Ты бредишь горными кручами,
О них лишь по книгам зная,
Ресницы твои дремучие.
Свежесть твоя лесная...

Предполагают, что стихи написаны Белле Ахмадулиной.

И вот исполнилось в январе нынешнего года 75 лет со дня рождения Ивана Митрофановича Харабарова, члена Союза писателей СССР, сотрудника издательства «Советский писатель». И 44 года после смерти – он умер, отметив тридцать первый день рождения. Прах Ивана Харабарова покоится в Первом московском крематории, секция 44, ряд 4, ниша 7712.

Мне довелось в восьмидесятих годах встречаться с жителями села Тунгуска, куда перевезли школу и переехали жители родной деревни Ивана Белый Ключ, включённой в число «бесперспективных». Для земляков-односельчан поэт, у которого выходили книга за книгой: семь авторских сборников и коллективный «Второе рождение» (М.: Советская Россия, 1988. Сборник шести рано умерших поэтов. Сост. и автор предисл. В.А. Еремин. С. 333-406), – остался добрым и приветливым Ваней, сыном охотника Митрофана Харабарова, столичным человеком, не забывавшим родную деревню. В средней школе мне показали музейный уголок, книги И. Харабарова, а также записанные членами литературного кружка и учительницей воспоминания о детских годах поэта, о его семье, старших четверых братьях и сестре Варваре. Там же, в Тунгуске, взяла я адрес проживания его первой учительницы Марии Николаевны Мелентьевой, приехавшей преподавать в деревенскую школу после окончания Черемховского педучилища в далёком военном сорок четвёртом году. Мне повезло застать её в живых в городе Ангарске и услышать взволнованный рассказ о маленьком Ване из таёжной деревни Белый Ключ, которого воспитывала после смерти родной мамы Анна Евдокимова, жалевшая его мачеха.

«Ванюшей» остался поэт до конца дней для Марии Николаевны, всем сердцем его полюбившей. Мальчик-то был необыкновенно грамотным, всё схватывал на лету. Молодая учительница приходила к Харабаровым домой и занималась с ним, ведь отец зимой уходил на охотничий промысел. Тогда же Мария Николаевна увидела, что мальчик сочиняет стихи. Она прошла с Ванюшей программу двух классов за один год, сразу перевела его в третий, а потом, в четвёртом классе, настойчиво посоветовала отцу отправить младшего сына в город Черемхово, где жили старшие, уже взрослые его братья.

Иркутску досталась честь издания первой книжки стихов Харабарова «Тусок», в 1958 году, когда он был ещё студентом Литературного института (при поступлении туда Иван предоставил сборник «Тусок» в рукописи). Вот маленькое стихотворение из этой книжечки:

Вся земля – как спящий сад,
Полный свежести и света.
Звёзды мокрые висят,
С синих свешиваясь веток.
Темноты черничный сок
В тишине тягуч и сладок.
Небо – жёлтый тусок,
Полный спелых красных ягод.

Это тоненькое, мягкое, карманного формата издание сегодня трудно отыскать, только у любителей, собиравших библиотечку местных начинающих поэтов. У меня её нет, читала в городской библиотеке. В Иркутске также издавали в серии избранного сборник стихов Ивана Харабарова «Где жил я и рос...», в котором меня очаровали щемящие страстные признания поэта в любви к своей малой, далёкой, единственно близкой сердцу родине:

Я рождён в деревянном
задумчивом доме,
где лениво дымит труба,
где русская печь
в своих жарких ладонях
румяные держит хлеба...

Или вот это признание:

О тайга, моя хвойнорукая мать,
В мягком собольем меху!
Ты большая, тебя не могу я обнять,
Лишь целовать могу.

Цитировать можно бесконечно, мне даже щекочет нос запах кедровых шишек и дым костерка, и слышится шум речушки Камыжинки, бегущей к реке Иреть – так весомо, зримо, ощутимо складывал стихи Иван-таёжник:

Я пришёл из тайги,
Тяжелы и темны мои руки.
Мои корни – туги,
Мои ветви – упруги.
А в неведомых очах –
Слёзы жгучи и солонны.
На смолистых плечах
Дремлют чёрные соболи!

Да, эти стихи мальчика-юноши не теряют с годами свежести и притягательности. Однако мальчик-то рос, мужал, впитывал общественные настроения и волнения. А ведь какое было время, 1956 год! И последующая за ним «оттепель». Конечно же, Иван откликается звонкими и даже грозными стихами, как будто написанными в конце восьмидесятых в период горбачёвской перестройки:

Я славлю ветер обновления,
Летающий по моей стране,
Я отдаюсь без сожаленья
Его стремительной волне!
Я твой!
Прими меня с собою,
Я буду стоек до конца,
И мы возьмём – я верю – с бою
Людские души и сердца!

Студент Харабаров участвовал в студенческих протестах, получал выговоры от комитета комсомола – не без этого! – но Литературный институт благополучно окончил и даже был рекомендован в редакцию «главной» газеты Советского Союза «Правды». На её страницах печатались статьи Ивана Харабарова о строительстве ГЭС в Усть-Илиме, о проблемах с жильём для строителей.

Меня прямо-таки распирает гордость. Ведь когда я занималась сбором информации, то в подшивке газеты «Черемховский рабочий» за 1954 год нашла и стихотворение Ивана «Черемша» («Постный суп с черемшюю нам на первое был. / Черемша – на второе и третье...»), и представьте! – зарисовки о людях города, о народном судье Ю. Кривоносовой, об инвалиде Великой Отечественной войны, мужественном слепом человеке, взявшем на свои плечи производственные мастерские для слепых в Черемхово, Г. Мореве. Довольно большие материалы написаны вполне профессионально, хотя автору было только 16 лет. Видимо, и в институте он показал себя в публицистике!

Литературный институт в шестидесятых годах XX века – форпост советской идеологии. Дипломированные поэты и писатели в те годы получали путёвки ЦК ВЛКСМ и ехали на Всесоюзные комсомольские стройки писать поэмы и романы.

Евгений Евтушенко отправился на Братскую ГЭС и написал поэму, читал главы в Иркутске, и заполненный до отказа студенческой молодёжью зал Дома политпросвещения, затаив дыхание, как загипнотизированный (на себе испытано), слушал и смотрел этот незабываемый спектакль одного актёра. Но только наш земляк Иван пошёл совсем другим путём. Он с друзьями, Вячеславом Кузнецовым и Юрием Панкратовым, летом 1965 года отправился «по Руси», по самой русской реке Волге, то на пароходе, то пешим ходом. Ярославль, Кострома, Рыбинск, Нижний Новгород, Симбирск, Самара... Очень хотелось молодым поэтам узнать Россию, почувствовать её прошлое и настоящее. Шли они мимо овеванных славой городов и по просёлочным деревенским дорогам, видели строящиеся гидростанции и разрушенные церквушки. Поднимались в душе вопросы, сомнения, росла боль. И рождались стихи о судьбе многострадальной русской деревни, с пронзительным чувством вины. Эти стихи Харабарова стали классикой и предвещали многократно повторяемую позднее у других авторов тему. По первым строкам узнаваемое:

Деревни русские, мы все у вас в долгу –
Перед высокой вашей правотою,
Перед святою вашей чистотою,
Перед росой на утреннем лугу...

Молодой поэт работал и жил в разных городах: Москва, Ярославль, Красноярск. Но он не был в числе гремевших на стадионах поэтов-трибунов, он ближе к Рубцову и его «тихой» поэзии. Может быть, в нём созревали поворотные стихи и поэмы, ведь тридцать один год – молодость человека, а 1969 год – время косыгинских реформ в промышленности и брежневской «гигантомании», эпоса грандиозных проектов. Но... судьба и смерть прервали нити жизни...

Как многие поэты, Иван Митрофанович раздумывал над своим родословием. Есть стихи-размышления о дедах со стороны отца и матери:

Какая сила в даль, тайгу крошечную
В ту пору деда моего вела
От домиков под белыми черешнями
Почти что с самых берегов Днестра?

.....
Не всё, не всё в людской хранится памяти:
Что привело – никак я не узнал –
Другого деда моего, по матери,
В далёкий Александровский централ...
Во мне слилось: и кровь царёва узника,
Неведомая боль его и страсть,
Ямщицкий нрав – удалый, необузданный,
И вечный зов заснеженных пространств!

Не сложилась личная жизнь, не встретил свою «половинку». И предчувствовал близкий конец. В тридцать лет писал: «Не закроет никто моих глаз...» Жил он так, как воспитала его трудовая семья, где все братья и сестра были намного старше Вани, где были в обычае правдивость, честность, прямота, трудолюбие и любовь к родному дому. Слушал он своё сердце, а не домыслы подпевал ЦК КПСС. Мужеством надо было обладать немалым, чтобы приехать к Борису Пастернаку в дни его опалы и клеветы из Союза писателей. Иван с другом сфотографировались с Борисом Леонидовичем на память.

Трудно было писать о будущем родной земли, когда на его глазах разрушали деревни, вырубали леса под целину, губили реки и пашни пускали на дно водохранилищ. Не под силу стало «эту землю укрыть, уберечь от болезни и хвори». И вспоминая родной дом, он в конце своей короткой жизни задавал себе вопрос:

...что я отвечу им –
За каждый день, который зря я прожил, –
Сибирякам, таёжникам моим,
Коль не свершу, что я свершить был должен?

Что он должен был свершить, мы никогда не узнаем. Но стихи его – лирический дневник очень совестливого, очень честного гражданина своей родины. Имя Ивана Харабарова, уроженца деревушки, которой уже нет, поэта-таёжника, певца присаянской природы и сельских жителей, достойно памяти потомков, а стихи – новых изданий.

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С фотографии 1916 г., опубликованной в журнале, смотрит на нас суровый царедворец – генерал, действительный статский советник Пётр Николаевич Черемисинов, чиновник для особых финансовых поручений императора Николая II. Согласно первому изданию энциклопедии Брокгауза и Ефрона (во втором издании династические сведения сокращены, а больше отдано научно-технической информации), Черемисиновы оказались при Дворе во времена Ивана Грозного: думный дьяк из племени черемисов (марийцев) Черемисинов спас от смерти Ивана Грозного и был жалован дворянином. В историях об Иване Грозном нет упоминаний об этом факте из энциклопедии. Очевидно, покушений на Ивана Грозного было много, и факт был из числа рядовых. Или получен из источников, относящихся к преданию рода Черемисиновых.

Пётр Николаевич Черемисинов

Пётр Николаевич был человеком культуры: он курировал «Могучую кучку» композиторов от императорского двора в 1860-е, в пору её расцвета при императоре Александре II. Сам был композитором, по терминологии нашего времени, самодеятельным: играл свои произведения в кругу семьи, осознавая, судя по тому, что на публичную «могучесть» они не тянут. Супруга его, Гортензия Вильгельмовна, она же Генриетта Уильямовна (такой разницей можно объяснить тем, что папаша её Василий Иванович Трувелер звался то Уильямом, то Вильгельмом, был прибывшим из Англии саксом, то есть, англосаксом), была дамой крайне непоседливой, день предпочитала проводить в карете. К этому располагала девичья фамилия Трувелер, которую можно производить и от французского «травэ» – «течь, проистекать», и от английского «трэवलл» – путешествовать. Видимо, отец Уильям-Вильгельм-Василий с ранних лет брал Гортензию-Генриетту в свою карету и тем самым сформировал её нрав. Был он придворный архитектор и инженер-гидравлик, выписанный из Великобритании Екатериной II. Василий Иванович создал гидравлическую систему Петергофа, столь важную и непростую в связи с системой фонтанов, лежащих в основе этого города-парка, построил гостиницу «Самсон» (одна из главных статуй каскада фонтанов Петергофа – «Самсон, разрывающий пасть льва»), ныне отреставрированную, имел собственный дворец, в котором

Черемисиновы жили «до октября 1917 года». В Интернете отыщется такой факт: когда Николай I задумал приобрести у В. Трувелера остров в Петергофе для своей дочери Ольги, архитектор-инженер предложил ему этот остров в подарок. Царь от подарка отказался, остров купил и назвал его Ольгин, как он называется и поныне.

У Петра Николаевича Черемисинова, лица с устойчивым именем, и у Гортензии, а иногда Генриетты, родилось пятеро детей, младший из которых Николай Петрович получил высшее инженерное образование и прибыл молодым и неженатым на строительство Кругобайкальской железной дороги в качестве начальника канцелярии.

Да, пора оказаться поближе к Иркутску, от марийцев-англосаксов перейти к скромным шляхтичам, дворянам бывшей Речи Посполитой. Бронислав Карл Борейша, минский дворянин, студент, участвовал в польском восстании 1863 года, целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. Восстание имело определённый успех: границы польского государства после него «простёрлись» на востоке до Нерчинска – Бронислав Карлович оказался там на каторге, затем на поселении. Ему удалось позднее выхлопотать разрешение на переезд в Иркутск, в связи с необходимостью обучения детей, из которых остались известны имена Ромуальда и Жозефины. Самому Брониславу Карловичу жить в городе разрешено не было. Доставив семью в Иркутск, он в соответствии с полученным разрешением, как сказали бы сейчас, лицензией, отправился на север, на золотые прииски. Спустя некоторое время умер от простуды. Семья осталась бедствовать. Ромуальд и Жозефина оставили гимназию. Помогал ксендз Рузга. После его посещений вдова всегда находила деньги. Из нажитого в Нерчинске было продано всё. Семья спала на полу, едва имея чем прикрыться. Супруга Б.К. Борейши была неграмотная польская крестьянка, ни слова не понимавшая по-русски. Она не знала, как адаптироваться к иркутскому обществу. Но всё переменялось в одно мгновение.

У дочери Жозефины обнаружился редчайший голос, низкое контральто, от которого в восторге оказался преподаватель музыкальных курсов итальянец Р. Давиесси. Он заявил, что у Жозефины «миллионы в горле». Однако же действительность редко располагает необходимым числом путей.

На курсах Жозефина подружилась с дочерью аптекаря Верой Зисман, и однажды Вера, зная о бедственном положении семьи подруги и о том, что у неё каллиграфический подчерк, подсказала ей место: в канцелярии по строительству Кругобайкальской железной дороги. Пятнадцатилетняя Жозефина стала писарем. А еще её приняли петь в любительской опере Иркутского дворянского собрания (ныне Иркутская областная филармония).

Жозефина со своим низким контральто вела партию юноши Леля в опере «Снегурочка» Римского-Корсакова – того самого, из «Могучей кучки», знакомца дедушки П.Н. Черемисинова. Сын его Николай Петрович Черемисинов был страстный меломан и в Иркутске стал посещать любительскую оперу Дворянского собрания. «Удивительный голос, – сказал он, прослушав арию Леля, – кто же исполнитель?» Сосед по ряду ответил: «Это поёт писарь твоей канцелярии, Жозефина Борейша». Николай Петрович познакомился с юной особой и женился на ней.

Вдова Борейша с детьми была теперь присмотрена, дети снова учились. А свадьба, конечно же, была в Петергофе. Николай Петрович из Иркутска от-

был. Его личная миссия была выполнена. Он обладал сокровищем, оценить которое могли по достоинству только в музыкальном сообществе. Он мечтал поехать с юной Жозефиной в Италию, где она получила бы музыкальное образование. «Семья и дети», – сказала консервативная мать Гортензия-Генриетта. Наверное, оперу она не любила. Это были времена, когда сыновья слушались родителей. К тому же спустя год после женитьбы родилась у молодой пары дочь Елизавета – Вета, как звали её в семье, говорившей в своём кругу на английском. Очевидно, немецкий – саксонский был третьим родным после марийского. (В письме жене с германского фронта Николай Петрович, после занятия русскими войсками польского городка, сожалеет, что ему досталась штабная квартира с множеством книг на польском, которым он не овладел в совершенстве, хотя мог бы близ жены, и приходится довольствоваться только немецкими книгами.)

В 1910 году в семье родилась Ольга, в 1911-м Анна, и вскоре началась Первая мировая. Н.П. Черемисинов отправился на неё штабс-капитаном. Видимо, в Петербурге он работал в Управлении Николаевской железной дороги (сын царедворца должен бы работать в Николаевской). Отсюда и штабная должность.

Из писем с германского фронта 1914-1916 гг.

Письмо 13. 26 мая 1916 года. С бивака.

Дорогая моя Юзинька.

Получил твоё и племянниц письма на самом поле брани. Увы, не развеселилась душа моя, прочтя твои письма. Ты меня бранишь за то, в чём я совершенно не виноват. Неужели же, мамуся, ты думаешь, что я не рвусь к тебе весь и всю душою, к тебе и к деткам.

Если я не мог получить отпуск, то по причинам совершенно от меня независимым.

Я не на гражданской службе здесь, мамуся, где допускаются вымаливания. Здесь есть приказы, строго определённые права и нет рассуждений. Газеты тебе приносят свежие, которые доказывают невозможность отлучки полезных на войне офицеров, и я не думаю, чтобы ты причисляла меня к другой категории. Я не хотел бы это думать. Вникни, мамуся, в великое дело, которое делается, и ты поймёшь, что не из отсутствия настойчивости и не по нехотению я не еду к Вам, а потому, что того с меня требуют обстоятельства.

Второе, что меня опечалило – это неудача Ветули – это очень меня опечалило. Ветуля поступает нехорошо и, очевидно, не любит маму и папу, не прилагая старания к тому, чтобы их радовать успехами. Не достаточно у неё самолюбия, чтобы не допустить к себе порицания за лень или недостаточное старание. Прошлого не вернёшь, но ожидаю от Ветули письма, в котором она откровенно написала бы мне причину своего неуспеха.

Будет возможность – приеду и поговорю с Ветулей и посоветуемся с тобой о дальнейшем её учении в частной или казённой гимназии.

Обрадовали меня милые письма племянницы, приславшей мне цветочки, тогда как я виноват – не сдержал слова и ушёл в поход, не послав обещанного. Постараюсь загладить. Поцелуй её за меня.

Мамусик, милый, дорогой, не заставляй меня грустить, горевать и страдать. Продолжай писать мне по-прежнему и наберись терпения и мужества. Бог наградит тебя скорым свиданием нашим, если мы не будем роптать.

Сижу и пишу на краю дороги, 8 часов вечера, кругом войска. Ночлег под случайными прикрытиями или на свежем воздухе.

Рядом речка и мост сзади, занятые вчера неприятельские окопы.

Сегодня много ходил пешком. Предоставили автомобиль, чтобы выполнить поручение, но после вчерашнего дождя на нём можно было сделать только часть пути, но 5 верст пришлось пройти и пробежать пешком. Сегодня к вечеру было уже всё сухо.

Крепко целую тебя и дорогих деток. Сердцем и душою с Вами, и поцелуй сестёр, племянников и племянниц. Привет М. Пасько.

Горячо любящий Никола».

В чем провинилась «Ветуля» неизвестно. В 1916 г. отец забрал её на фронт медсестрой. Отпуск он получил в 1917-м на два дня, когда у власти уже было Временное правительство. Отец умер ранее; по преданию, не выдержав известия о революции. На похороны с фронта Н.П. Черемисинов разрешения не получил. А не видел семьи с начала войны. В 1918-м Елизавета умерла от тифа, заразившись от раненных под Елисаветградом. Отец с боями прорвался в Крым, на пароходе ушёл в Галлиполи, затем в США.

И здесь снова начинается иркутская история. В 1920 г. в ночной Иркутск, осыпaeмый снегом метели, прибыл поезд из Петербурга. На нём приехала Жозефина Брониславовна с детьми Ольгой и Анной. Из Иркутска она рассчитывала отбыть во Владивосток и США на воссоединение с мужем. А пока – короткий отдых после долгого изнурительного пути по охваченной Гражданской войной стране. К брату Ромуальду Брониславовичу.

У брата Жозефина Черемисинова с дочерьми прожила 17 лет. Он был управляющим лесопильным заводом на Шишиловском острове, и в 1937 г. его расстреляли как врага народа. Ещё раньше, в 1924 году, Ольга Черемисинова 14-ти лет пошла преподавать английский язык в училище. Мать, как жена белоэмигранта, не имела права устраиваться на работу. Редчайший голос Жозефины Брониславовны не принёс ей миллионов. В 15 лет она начинала писарем, дочь в 14 – учительницей.

Приходили письма от мужа из США. Он копил деньги на переезд семьи, устроившись инженером-часовщиком на часовой завод под Нью-Йорком. Из писем следует, что снимает он крошечную комнатёнку, а по вечерам занимается починкой часов. Старшей Ольге, у которой обнаружили способности к рисованию, он советует как можно больше совершенствоваться в этом искусстве, потому что в США рисовальщики хорошо зарабатывают.

Кризис 1928 года в США унёс без возврата все сбережения Н.П. Черемисинова. Последнее письмо от него пришло в 1936 г. Это было стихотворение о старом Мишке, который весной вылез на солнышко из берлоги, а кругом ни одного звука родной русской речи. Стихотворение написано будто дочерям-малюткам – последний раз отец их видел в 17-м году именно таковыми.

В 1937 году Ольга Черемисинова вышла замуж за сына купеческой дочки Марии Семёновны Федотовой – Леонида Владимировича, художника. С ним она познакомилась в художественной студии И.Л. Копылова.

В справочнике «Весь Иркутск с отделами Забайкальских и Якутских областей на 1909 год» по улице Жандармская (Ф. Энгельса), 31 значатся хозяевами (в то время указывались только лица мужского пола) Федотов Семён

Игнатьевич и Федотов Александр Семёнович. О дочери Марии Семёновне Федотовой есть сведения в документе за 1916 год: следуя патриотическому порыву девиц в связи с Первой мировой войной, М.С. Федотова стала контрорщицей Забайкальской железной дороги в г. Иркутске.

Наследница дворца в Петергофе Ольга Николаевна и наследник купеческой усадьбы Федотовых Леонид Владимирович (по адресу Энгельса, 31 усадьба существует и ныне) жильём не располагали никаким. Снимая комнаты, перебирались из дома в дом. У них не было пролетарского происхождения, то есть и способности вписаться в возникшую среду. Ольга Николаевна, внучка действительного статского советника, служившего трём русским царям, работала художницей в Областном детском туберкулёзном диспансере, занимая рисованием детей, месяцами прикованных к больничной койке. Ещё она вырезала из бумаги сказочных существ и развешивала их под потолком, чтобы лежащие дети, глядя в белый потолок, могли мечтать. История не изменила своего лица: её внуки Николай и Виктор своим жильём не располагают, а закон о реституции в России так и не появился. Гостиница «Самсон» в Петергофе и усадьба на Жандармской никогда не вернутся к наследникам.

Страницы прошлого повествуют о призрачном, навсегда миновавшем. Даже если это война – Первая мировая, героическая, забытая и очень известная тем, что за ней последовал крах Российской империи. Однако империя стояла людьми, служившими ей верой и правдой, и если собрать их воедино, то это и будут нынешнее большинство русских – с польским, англосаксонским, финно-угорским, Бог знает ещё каким происхождением.

Светлана Волкова

АНГЕЛЫ И ГОРНИСТЫ

Перед Новым годом принято выбрасывать из дома всё лишнее. Но что делать с бумагами, заполненными шкафы? В одной папке – статьи, в другой – рецензии, в третьей – черновики, которые, чувствую, никогда не станут беловиками...

А вот папка с надписью «Новогоднее». Чего там только нет: детские рисунки, листки в клетку и линейку, исписанные школьным почерком, и толстые общие тетради. А вот и скромный синий альбомчик. На обложке – сделанная мною, тогда

старательной пятиклассницей, надпись «Новогодний сценарий». На первой странице список действующих лиц и исполнителей – моих одноклассников. Здесь традиционные новогодние герои. Дед Мороз, Снегурочка, её тётка Вьюга. Начинается представление поэтически.

В старой сказке,
Русской сказке,
Снежный терем есть,
А в нём спит Снегурка крепим сном...

Юным зрителям, встречающим 1951 год, предлагается разбудить Снегурку. И начинается весёлая кутерьма с переодеваниями, с бесконечной путаницей по вине Человека Рассеянного, с кознями злой силы. И как неожиданно врывается вдруг в сказочную канву строгое время 50-х!

За пять минут до наступления Нового года, когда уже, кажется, все сюжетные узлы распутаны, вдруг появляются неожиданные гости. Первый из них – старик, это год 1950-й, он заявляет, что пришёл за отстающими учениками 5-го «В». Поскольку они отстали и застряли в старом году, то не видать им нового года, как своих ушей. И лишились бы Валя Отставалкина, Петя Забывалкин и Вася Опоздалкин подарков и ёлки, если бы не заступничество Деда Мороза. Появляется второй гость, он молод.

– Вы, конечно, сам Новый год! – радуются все.
– Нет, – отвечает гость, – я новее Нового года.
– Как можно быть новее Нового года? Это что-то совершенно новое! Это невероятно!

– Вероятно, – отвечает гость.
– Значит, вы волшебник?
– Волшебники те, – отвечает загадочный гость, – кто сделает это возможным. Это сделали люди труда, ударники и стахановцы. Те, кто в работе перегнал своих товарищей на три года и сегодня уже встречают 1954 год.

– А подарки они дарить умеют? – ревниво спрашивает Дед Мороз.
– Ещё какие подарки! Через три года советские ребята получают новые школы, детские театры, замечательные книжки, дворцы с фонтанами и зимними садами. Не отставайте и вы, умнейте, учитесь, смотрите в будущее!

Загадочный гость достаёт из-под плаща горн, и труба его поёт: «Время вперёд!»

Представление наше заняло первое место в школьном конкурсе. Никаких пышных подарков, вроде ноутбуков и дальних поездок, тогда не полагалось. Наш приз был скромным – всем билеты на новогодний праздник в иркутский Дворец пионеров.

Дома под ёлкой меня тоже ждал подарок – учебник немецкого языка. Я очень обрадовалась, ведь он был с цветными картинками, тогда таких книжек в продаже было очень мало. Около домиков с красными черепичными крышами играли ребята в пушистых свитерках, шапках с помпонами, кто с санками, кто на коньках. Густой рождественский снег засыпал крыши, мельтешил в окошках домиков, где счастливчики развязывали ленточки на коробках с подарками.

Вспыхнула ли в нас, донашивающих пальтишки, перешитые из отцовских солдатских шинелей, зависть к тем, нарисованным детям? Нет и нет! Наши горы на Мастерской и Подгорной были выше и круче. Пусть у тех в учебнике красивые открытки! Самим нарисовать заснеженную избушку с огоньком в

окне, ёлку и месяц над ней куда интересней. А главное, все мы твёрдо знали, что гость из будущего нас не обманет.

Совсем скоро, когда я в августе приехала из пионерского лагеря, меня ждала книжка, о которой я давно мечтала. Детский календарь «Круглый год», толстый, со сказками и стихами, вырезными поделками и затеями, на вклейках – чудесные цветные иллюстрации Конашевича и Васнецова.

Ёлка во Дворце пионеров, куда мы получили билеты, тоже не подвела. Зелёная великанша в центре актового зала верхушкой касалась потолка. А по потолку, цвета июньского полдня, летели пушистые облачка, и кудрявые девочка и мальчик с пионерскими галстуками дули в блестящие трубы.

«Конечно, это ангелы», – думала я.

Я наяву видела их белоснежные крылья. А настоящие пионеры, они внизу, их статуи – вдоль стен зала, и они гипсовые: одна рука вздёрнута в салюте, в другой – горн... Ангелы высоко к небу устремляли свою ликующую песню, пионеры вздымали горны. Для меня эта мелодия звучала слитно. Под неё я кружилась на гладком паркете; стрекозиные крылья из натянутой на проволоку марли – за спиной.

Где гнутся над омутом лозы,
Где жаркое солнце печёт,
Летают, летают стрекозы,
Весёлый ведут хоровод...

Стихи А.К. Толстого, давным-давно положенные на музыку и ставшие танцем... Как долетели они до моего послевоенного детства?

Я танцевала почему-то одна: сама и стрекоза, и «дитя», которое коварно уговаривают подойти к омуту. И если бы ангелы на потолке отняли свои трубы от губ, они бы рассказали, как полвека назад танцевала здесь на ёлке дочка хозяина этого дома Варенька Второва и её подружки. Как несло холодом от огромных окон зала, и трепетали от сквозняка стрекозиные крылья. Как потом счастливых и сонных мчали их по домам извозчицы сани. Руки спрятаны в меховые муфты, и подарки не удержать. Подарки и костюмы доставляли позже.

...Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать.
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать.

Какое время за опушённым морозной бахромой окном зала?.. Из моего теперешнего времени и не понять. Они сливаются. Далёкое детство тех девочек и послевоенное моё. На них наплывают картинки новогодних праздников моего сына. Он в том же зале у великанши-ёлки. Ангелы с потолка с удивлением разглядывают моего мальчишку в скафандре и в космическом шлеме. А гипсовые трубачи со своих постаментов звонко трубят «Время, вперёд!»...

Оно мчится, и вот я уже сижу в тёмном зале, отбираю концертные номера для детской телевизионной программы. Сколько весёлых песен! И вдруг, щемлящая и тревожная: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко...»

Ангелы хмурятся. Они что-то знают? А трубачи и в ус не дуют, дуют в свои горны. Я и не подозреваю, что слышу их гипсовые трубы в последний раз. А увижу их самих, когда спущусь в подвал дворца, переименованного по причине перестройки в Дворец детского творчества. Вместе с художником Евгением Монохоновым мы должны подобрать декорации для спектакля, который устраивает здесь «Сибирячок». Гипсовый трубач стоит в углу, заставленный задниками и кучей бутафории.

– Здравствуй, горнист!

Он молчит, хотя также взлетает в салюте его рука, и горн поднят высоко.

Замечает его дочка художника Полина. Она похожа на отца и на прищипленного оленя, зовущегося Цветком. Полина поднимает на отца тёмные оленьи глаза.

– Папа, возьми его отсюда? Ему здесь плохо.

– И в самом деле, – просит Евгений заведующую бутафорией, – отдайте статую мне.

– А хватятся? Вдруг надо будет на место возвращать? – отвечает заведующая. – Нет, не отдам!

Но пока ещё далеко до того времени, когда начнут понемногу собирать порушенное. И в декабрьский номер журнала «Сибирячок», в раздел «новогодние мечты», нам пока пишут: «Хочу, чтобы моя мама опять получала зарплату»; «Мечтаю, чтобы наш папа вернулся из Чечни»...

Глаза у оленёнка-Полины с каждым днём всё грустнее, её папа, тончайший мастер графики работает теперь в модном салоне татуировки и всё реже видит дочку. Мы не хотим, чтобы у Поли и у ребят, что нам пишут, были такие глаза, и заполняем «Сибирячок» весёлой и разноцветной всячиной. Мы

устраиваем праздники, где ходит и потешает детвору огромный добродушный медведь. А под маской – главный художник журнала Александр Муравьев. Мы снимаем маленькие фильмы, где занятой и серьезный писатель Марк Сергеев в колпаке и с половником играет весёлого повара. Наши дела совсем не блестящи: зарплатой в «Сибирячке» и не пахнет. Наборы моих книжек, которые должны выйти в Новосибирске и в Москве – рассыпаны. И вдруг звонок из далёкого далёка:

– Говорит композитор Феликс Модель. В Мюнхене по Вашим сказкам поставлена моя детская опера. Диски с её записью придут вместе с гуманитарной помощью городу.

Наконец-то жизнь улыбнулась! Но затерялся где-то гуманитарный фургон с пакетами гороха, а с ним и детская опера «Приключения Зайчонка Синий фартучек». Прошла она там, где уютные домики под черепицей, и румяные дети из когда-то подаренного мне учебника. Нашим сибирским ребятам так и не довелось её услышать. Они сами себе сказочники и композиторы.

С 1991 года хранится у меня тетрадь Миши Трофименко. Она была прислана на конкурс новогодних сценариев, устроенный Дворцом детского творчества. Пришла из посёлка Новостройка Черемховского района.

Начиналась тетрадь обращением: «Дорогое жюри! Я давно люблю сказку Лагина «Старик Хоттабыч» и люблю этого старика. Вот и представил себе, сколько чудес он бы совершил на новогодней ёлке. Представил и написал представление. Конечно, я очень хочу получить первый приз, но не очень-то надеюсь на это».

– Получит он первый приз! – обрадовалась я.

Восхищали изобретательность сюжета, и остроумные диалоги, и яркость характеров пьесы-оперы.

Но члены жюри сомневались:

– Посмотрите, как профессионально написаны тексты песен:

Я, как лёгкая снежинка,
Белым облачком кружусь,
Всем знакома по картинкам,
Я Снегурочкой зовусь.

Это песенка Снегурочки. А Баба Яга пугает:

Оседлаю помело,
Полечу на нём в село,
Всех ребят перепугаю,
Ух, я злая!
Как пойду я по лесам,
Затрясётся леший сам.

И ведёт свою тягучую восточную мелодию сам Старик Хоттабыч:

Словно жёлтая дыня,
Светит солнце пустыни,
Вот идут три верблюда,
Но куда, и откуда.

Всё время тормозит действие медведь, потому, что засыпает:

Хотел ребятам помочь,
Да сон превозмочь мне невмочь.

Жюри восхищается, но сомневается в самостоятельности работы.

Но все подозрения отпадают, когда в конце сценария читаем в послесловии: «Можно было бы ещё много песенок для героев, но я хочу оставить что-то и для себя. Они сейчас просто песенки, но, может быть, потом из них получатся песни».

Миша Трофименко явился на вручение премии чумазый, как трубочист. Из посёлка Новостройка Черемховского района он добирался на открытой платформе с углем. Это в декабрьский-то мороз! Едва мы успели его помыть и отогреть. Я долго пыталась писать по указанному в тетрадке адресу, но ответа не было. Миша, стали ли твои песенки песнями?

Все последние годы я чуть ли не каждый новогодний праздник «журила» на детских конкурсах. Горько было видеть, как всё больше заполняли ребячьи души и фантазию образы масскульта. Как коммерция всё глубже разрушала волшебство. Вот новогодние грёзы семиклассницы: в уличной суете она попадает под блестящий лимузин, ведомый прекрасным бизнесменом. Очнувшись, она оказывается в его великолепном коттедже. И, конечно, получает в подарок модный бутик, да ещё деньги на развитие дела.

Вот растерянные Дед Мороз и Снегурочка пытаются хлопать в такт маленькой исполнительнице «танца живота» и отбиваются от настырной бабушки, требующей признания и приза. У деда Мороза в джинсах сто карманов: чтобы было больше подарков. И долго ещё плясать на празднично иллюминированной улице Урицкого Санта-Клаусу, одетому даже не в джинсы, а в совсем уж короткие штанишки.

Но, видно, не зря в сказке-опере Миши Трофименко старик Хоттабыч обращался к другому старику так:

– О, могущественный джин Мороз!

Не смогли из детского сердца вытеснить нашего Деда ни человеки-пауки, ни утята Дональды, ни дятлы Вуди.

И снова стопка детских работ, и среди них одна, пришедшая из посёлка Мишелёвка, и названная «Баба Мороз». Девочка рассказывала в ней о работнице фарфорового завода, которая в годы войны, заболев воспалением лёгких, оказалась в госпитале. Был Новый год, и раненые захотели его отпраздновать. Редко кто из бойцов был на ногах, и потому в женскую палату явилась делегация с просьбой быть на госпитальной ёлке Дедом Морозом. Тётя Шура, активная участница заводского драмкружка, согласилась. С высоченной температурой, в тёплой шубе и валенках, полночи плясала она, потешая бойцов. К утру температуры как не бывало.

Я встретилась с тётей Шурой на поселковой новогодней ёлке в восьмидесятые. Красавица ёлка, таких в городе поискать, и как замечательно украшена! В посёлке в то время художников было пруд пруди. К вечеру над верхушкой в ночном небе вспыхивала иллюминация. Появлялся сине-зелёно-красный чёрт. Стою и жду – сейчас явится Вакула и оседлает чумазого. Но возникает не Вакула, а другой чёрт, с рюмкой в лапе. Протягивает её первому, и они чокаются. Всем весело, а мне как-то не по себе. Ведь иллюминация эта останется и на Рождество. Досадно и за мастеров-умельцев. За хохочущих ребятишек, за взрослых, составляющих тут же компанию рогатым.

Черти не зря веселились в небе над посёлком. Нет уже прежней Мишелёвки, не работает фарфоровый завод, только воспоминания остались о замечательном народном театре, ставящем и Островского, и Гарсиа Лорку. Нет и музея

с уникальными образцами старинного фарфора. Черти сделали своё дело. Но естественная жизнь брала свои права и расставляла всё по местам. Ангелы, призываемые столькими молитвами, не оставили нас. Они, неотрывно глядевшие с купола главного зала нашего дворца, теперь смотрят на новых детей. Слушают, как возносит ввысь юношеский «Байкал хор» рахманиновские духовные песнопения. А мои новогодние закрома всё пополняются детскими сказками и стихами. Вот такими:

От Рождественской звезды,
По млечной дорожке,
Ночью ангел прилетал
К моему окошку.
Вот и утро в бахrome,
Дым над крышей сонный.
Но я знаю – ангел был,
Кто ладошку приложил,
Ко стеклу оконному?
Пусть весной растают розы
На моём окошке,
Но останется со мной,
Ангела ладошка.

Я спрошу у ангелов моего далёкого детства:

– Вы удивлены, конечно? Ведь мы таких стихов не писали.

И услышу в ответ:

– Чему тут удивляться? Ангелы живут в детской душе всегда. Какое бы время детям ни досталось.

– И у горнистов жили?

– И у них.

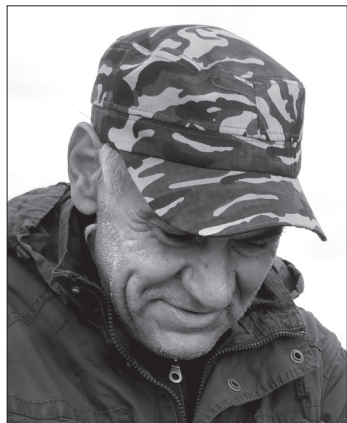
А ещё в моей папке много новых стихов о Родине и о флаге в её высоком небе. Такие писали и мы, когда горнисты ещё стояли на высоких своих пьедесталах.

Сергей Беседин

ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ

– Ненави-иж-жу!

Сначала я услышал этот душераздирающий вопль, в следующее мгновение прямо передо мной из-за кустов на повороте выскочил мужик в шортах, и мимо моей головы пролетел увесистый булыжник – вслед только что едва разминувшемся с моим велосипедом внедорожнику. Я инстинктивно затормозил и оглянулся – камень не долетел до цели.

Мужик присел на корточки и схватился за голову.

– Поосторожнее надо бы... – попенял ему я. – Что случилось?

Мужик отъял руки от головы. На правой – немного крови.

– Да пошли вы все!..

Я оглянулся ещё раз, машина скрылась за облаком пыли, пожал плечами:

– Ладно. Только давайте сначала рану посмотрю.

– Доктор что ли? – встал в полный рост камнеметатель. Чуть-чуть ниже меня, в плечах узковат, худой, но мускулистый.

– Народный целитель.

Мужик наклонил голову:

– Смотри...

Рана оказалась так себе – содрана кожа, кровь скоро сама остановится. Но пыль и чуть-чуть песка ни к чему.

– Промойте пока байкальской водичкой, а я сейчас. По «счастливой» случайности здесь же неделю назад порезал ступню об осколок и невдалеке нашёл тысячелистник. На велосипеде пару минут...

Тысячелистник оказался более сочным, чем в прошлый раз: после долгой жары прошёл хороший дождь. Мужик не дрогнул от болезненной процедуры. Потом мы уселись на галечный взгорок у самой воды, закурили (не забыв, в духе нового закона, предупредить друг друга, что употребление табачных изделий опасно для здоровья!), и я снова спросил:

– Так что случилось?

– А что обычно. Эти сволочи – два парня и девка – провели на моём любимом месте выходные. Здесь редко кто отдыхает – палатку негде поставить. А они, видимо, в машине спали «а ля труа» – презервативы разбросали. Собрались уезжать, а тут и я нарисовался мимоходом – к Мангелам шёл, там есть тихое место на другом берегу. Смотрю – всё как есть бросили: костёр дымится, арбуз недоеденный, конфеты, упаковки всякие, бутылки, тряпки какие-то, мангал обгорелый, коробка от фейерверка... Представляешь, новая мода появилась – фейерверки на берегу пускать! Это же химия сплошная. Ну, в общем, я к ним, а они в машине уже, двигатель завели. Кричу: «Что ж вы, гады,

делаете?! Уберите сначала дерьмо с берега!» Тут, который за рулём, выходит так спокойно: «Дерьмо, говоришь, убрать? Без проблем...» – и по челюсти мне, быстро так, я даже замаха не увидел. Ну, упал, головой о камень стукнулся. Пока вскочил, они уже отъехали... Чуть вот тебя не пришиб, извини.

– Да-а... Приключение. И часто это «обычно» с вами случается?

– До драки редко доходит, а оскорблений всяких наслушался. Я ведь тут каждый день, считай, всё лето хожу. Когда вежливо прошу, чтобы мусор с собой увозили, если вижу, что люди вполне приличные. А когда нервы сдают. Машин с каждым годом всё больше, а ценителей природы всё меньше. Один только раз видел: сидят на стульях в ряд человек пять и на закат любуются, как в кинотеатре. А в основном: приезжают, напиваются, пакостят и уезжают. Природа, Байкал им пофиг. Отношение чисто потребительское. Солнце – только чтобы загореть. Байкал – только чтобы сфотографироваться на его фоне и искупаться, если, конечно, духу хватает в холодную воду лезть. Свежий воздух – для аппетита, чтобы сожрать и выпить побольше... Ты приглядишься: все – если не толстые, то упитанные. Мусор-то, в основном, какой: бутылки и упаковки от жратвы и остатки жратвы, использованная туалетная бумага, подгузники обгаженные, да ещё подкладки женские кровавые достают. Ну и презервативы, конечно, куда ж без них на берегу Байкала, чем здесь ещё заняться зажавшимся горожанам!

– Вы... Кстати, давайте познакомимся. Сергей.

– Павел.

– Так вот, Павел, вы уже четыре раза употребили слова, производные от «жрать». Почему вас так раздражает процесс поедания пищи и упитанные люди?

– Да потому что для них это смысл жизни, за которым они не видят и не ценят ничего, что не касается их лично. И гадят, гадят, гадят. И где?! На Байкале! На священном озере, к которому они и приблизиться-то недостойны. Отбери у них автомобили – ни один зад не оторвёт от дивана, чтобы на природу выбраться – кишка тонка пешком дойти со всей своей жратвой от станции километров пять, а от маршрутки и того ближе.

– А вы, видимо, местный, – догадался я.

– Почти. Жил тут в детстве, потом в Ангарск перебрались. А последние лет двадцать на всё лето сюда, у родни живу.

– А работа как же?

– Пенсия у меня по инвалидности, а подрабатываю трудовиком в школе. Ещё вопросы есть? – в голосе Павела послышалось раздражение.

– Извините, больше о личном расспрашивать не буду, – остановил я своё излишнее любопытство. – Я тут тоже частенько бываю, и меня тоже возмущает это тупое поведение отдыхающих. Недавно даже стихотворение написал о таких «любителях природы». Очень перекликается с вашим монологом. Хотите, прочитаю?

– Прочитай. Стихи я уважаю.

– Приехали к берегу трое на «Volvo»,
Людей распугали, по пляжу промчавшись.
Из города вырвались парни на волю,
В том городе злобном слегка одичавши.

Приехали, настежь распахнуты дверцы,
В салоне гремит магнитола усердно.
Они не байкальцы, они – иноверцы:
Ни волн не слышат, ни чашек, ни ветра.

Дымится в зубах оверблуженный «Camel»,
Стоит упаковка «Brand Up» на капоте
(Голландское пиво – для тех, кто не в теме),
И сразу мобилы в активной работе.

– Я тут на Байкале с Коляном и Михой...
– Я тут на Байкале с Васьком и Коляном...
– Нормально! По пляжу проехались лихо,
Лохов шуганули, накрыли поляну...

И ходят кругами, и смотрят под ноги,
И пиво сосут, и бросают окурки.
О, где вы, байкальские древние боги?!
Зачем оказались здесь эти придурки?

Часок покурчавились и укатили,
Оставив пустые бутылки на пляже.
Спасибо ещё, что, глумясь, не разбили
И в воды Байкала не бросили даже.

Таких, как они, приезжает немало:
Как будто в скафандры их души одеты!
Им берег Байкала всего лишь «поляна»,
На фоне эффектным накрытая щедро.

Уедут, откушав и пьяно, и сытно,
Вдоль мусорных куч... Но мне хочется верить:
Им станет когда-нибудь больно и стыдно
За их пикниками измученный берег.

– Неплохо, Сергей, неплохо. Только вот про «хочется верить» – это сопли.
Не станет никому ни больно, ни стыдно. Уж ты мне поверь. Я тебе тоже стих прочитаю. Написал сам, от бешенства, видимо, прошибло, а поэт тут живёт на другом берегу – подправил. И, знаешь, перестань «выкать», ни к чему эта дипломатия, не на радио ведь выступаем.

– Лады.

– Да, погоду. Раз уж про радио вспомнил. Тут недавно один писатель по областной программе про Год культуры распинался, и про то говорил, и про это, даже про Украину вспомнил. Ему там звонили, вопросы задавали какие-то дурацкие. Жаль, я дозвониться не смог, очень хотелось своё мнение высказать.

– И что же вы... ты сказать собирался?

– А то, что культура начинается с отношения к природе, поскольку мы не просто её часть, мы её дети. И если бы люди читали не Пелевина с Лукьяненко,

а наших Балкова, Распутина, Румянцева, Пакулова... Слышал, что Пакулов умер – не врут?

– Нет, не врут. Года три уже прошло. Откуда такие познания в иркутской литературе, если не секрет?

– Это не секрет. Сестра увлекается, берёт книги в местной библиотеке. Ну и я читаю перед сном. Сейчас за рассказы Балкова взялся. Странновато пишет, но природу, Байкал чувствует как никто.

– А ты знаешь, что Ким Балков сейчас вон там, почти напротив нас, на Кругобайкалке находится? Наверное, пишет что-нибудь новое про священное море... В темноте, может быть, и огонёк в его доме отсюда виден.

– Да брось! Вот ведь – напротив! Сестре скажу – не поверит.

– Ладно, ты стих прочитать грозился.

– Так теперь настроение не то стало, грозно не выйдет, наверное; тут разозлиться надо...

– А вспомни про голову разбитую! И челюсть вон припухла вроде слегка, синяк, однако, будет.

– Вот гад! Ну, всё, разозлился, читаю!

И Павел, взмахивая кулаком, с какой-то знакомой интонацией стал читать:

– Да как же вы смеете, люди дебилы,
Байкалу швырять эти мусора тонны?
Нет места для мусора в автомобиле?
Людей отвезя, приезжайте повторно.

Вы здесь отдыхали и кушали вкусно,
Вы чресла свои омывали в Байкале.
Зачем же ему оставляете мусор?
Чтоб ветры и звери его растаскали?

Когда вы вернётесь на это же место,
Вам стыдно не будет, блевать не начнёте?
Ах, вам это место и не интересно:
Ведь вы на машине – другое найдёте!

К Байкалу везёте своё святотатство.
Так будьте же прокляты, люди дебилы!
Пусть мусором станут и ваше богатство,
И ваши безвинные автомобили.

– Н-да... Вполне согласуется с первым словом, которое я от тебя услышал. Странно, по-моему, у нас не только тема, но и стихотворный размер совпадают. Давно написано?

– С месяц назад. Я родне прочитал, попросили записать, поэту передали, он почеркал основательно, даже добавил кое-что, размер вот в порядок привёл, говорят, приглашал зайти к нему, да мне это не нужно, я больше сочинять не собираюсь. Прорвало раз, и хватит.

– А как у поэта фамилия?

– Не знаю, не спрашивал. Даже имя не запомнил...

– Ладно, не важно. Всё равно тут ещё работать да работать с текстом. А если я его где-нибудь опубликую? Можно ещё подредактировать?

– Да хоть наново перепиши. Всё равно, говоришь, что и тема, и размер одинаковые. Мне моё авторство до фонаря. А вот чтобы люди прочитали, это нужно, наверное.

(Сноска: стихотворение приведено в моей редакции, но с сохранением основной авторской лексики и смысла).

Тучи над Байкалом. Фото Сергея Беседина

Мы помолчали. Я уже собрался прощаться, но Павел снова вернулся к разговору.

– У тебя там про скафандры было... И мне сейчас представилось, что все эти люди, – он махнул рукой вдоль берега, – ходят здесь в скафандрах, как на чужой планете. Получается, что их планета – город, со всеми городскими удобствами, с коммунальными службами, там за ними дворники убирают, мусор вывозят на свалку...

– Точно, – поддакнул я. – Даже на Ангаре, сам видел, после выходных дней молодёжная экологическая команда берег очищает...

– Только никого это на чистоту не вдохновляет, к сожалению... И на природе они просто не могут жить, чувствовать по-другому. Другая планета, а привычки те же. Помнишь, у Вознесенского стихи есть про то, как человек сначала трусы надел, джинсы, пальто...

– На пальто, стряхнувши пыль, он надел автомобиль... – вспомнил я.

– Вот-вот, именно автомобиль, гараж, микрорайон, город... И чем больше человек на себя «надевает», тем труднее природе достучаться до его нутра, до

его души или сердца. Не знаю уж, где это чувство единения с природой скрывается. Но не в мозгах, это точно.

– Ну и через мозги можно достучаться, – возразил я. – Например, когда мы как-то запели песню Визбора, где в припеве есть слова «Но обещайте помнить и не гасить костры», моя пятилетняя тогда дочь наступила на горло нашей песне, заявив, что нельзя не гасить костры, костры нужно гасить обязательно, иначе лес сгорит. И взяла она это не из души же, а из головы, поскольку при ней это говорилось не раз и не два.

– Это потому, что у неё прирождённое единство с природой ещё никуда не делось, и находится она, судя по всему, в подходящей среде. А большинству хоть кол на голове теши! Но ты меня не сбивай с мысли. Я про город говорил и про то, что люди на себя, так сказать, надевают. Вот смотри, что происходит последние два-три года. Они, эти «инопланетяне», уже соревнуются друг с другом, кто с большим комфортом на берегу устроится. Везут с собой навесы разные, столы, стулья, недавно видел – два кресла припёрли и бросили, уезжая; наверное, дома не нужны стали...

– Так и в Иркутске то же самое! – воодушевился я. – Тоже привозят старую мебель, посидят-полежат, поедят за столом и бросают, хорошо, если не в воду! А на Иркутке, например, уровень воды поднимается после дождей в горах, и поток смывает всю эту рухлядь, несёт по течению в Ангару. Я как-то глазам своим не поверил: плывёт по Ангаре диван, а на нём чайки сидят, как пассажиры. Было бы чем заснять на видео, отправил бы в «Мобильный репортёр».

– А ты об этом ещё одно стихотворение напиши, – посоветовал Павел.

– Попробую, – пообещал я. – А что местная власть думает, не в курсе? Помнится, несколько лет назад шлагбаум ставили, вроде бы плату какую-то брали и за счёт этого мусор вывозили?

– Да, было что-то такое, но не прижилось. Почему – не знаю. Но всё равно это полумеры. Я вообще считаю, что закон нужен, чтобы на сто метров от воды ни одной машины. Кто тогда диван или кресло с собой потащит?! А на въезде к берегу построить платные автостоянки – на фейерверки дорожные хватает, значит, и за стоянку заплатить могут немалые деньги. Там же поставить мусорные баки и не позволять выезд, пока каждый свой мешок мусора не предъявит. Разве это сложно? Знаешь, ты лучше не стихи, а вот это моё предложение опубликуй. Может, сработает?

– Может... Ну ладно, мне пора. Там дальше родня меня ждёт, раньше уехали на машине... Да не напрягайся, после нас всё остаётся, как было, даже чище. Ты, кстати, не запомнил номер той машины, водила которой тебя по челюсти съездил? А то...

– Не запомнил. И не нужно их искать. В другой раз настороже буду.

– Ну, будь.

Мы пожали друг другу руки, и я поехал на своём велосипеде дальше, миная плотно натыканные машины, палатки, костры с развесёлыми компаниями «инопланетян» и их инопланетный здесь, на берегу Байкала, мусор, мусор, мусор...

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

Раздел ведёт искусствовед

Татьяна ЯСНИКОВА

СВЕТ СКВОЗЬ ЛЁГКУЮ ВЛАГУ

Живопись Валентина Кандалова

БРОНЗА БУРЯТСКИХ МАСТЕРОВ

Гэсэр Зодбоев, Даши Намдаков,
Баир Сундунов, Дмитрий Будажабэ,
Юрий Эрдынеев, Дмитрий Болсобоев и др.

«БЫТЬ УЧАСТНИКОМ ЖИЗНЕННЫХ БИТВ!»

Судьба и творчество Степана Гвоздева

ГАЛЕРЕЯ КИМА БАЛКОВА

Разговор среди картин

ПРИРОДА ХУДОЖНИКА

Алексей Ершов о Владимире Салееве

Валентин Васильевич Кандалов родился 12 октября 1930 г. в Приволжье, в Куйбышевской области. Детство прошло в Хабаровске. Отец – оператор цеха готовой продукции нефтеперерабатывающего завода имени Орджоникидзе – был единственным кормильцем семьи из четырёх человек. Родители детей в их увлечениях поддерживали. Знакомство будущего художника с акварельными красками произошло в первом классе. Клавдия Георгиевна, первая учительница, увидев неподдельное горе мальчишки, потерявшего выделенные матерью для участия в школьной лотерее три рубля, подарила ему коробку с красками, две кисточки и два простых карандаша. «С первого класса все знали, что я рисую, а к четвёртому классу я уже рисовал не только стенгазету, но и наглядные пособия для классных уроков».

Началась война. В 1941 году, после четвёртого класса, Валя Кандалов пошёл работать на завод: вначале в столярный цех, а после подручным к отцу – замерщиком готовой продукции. Семья получила вторую рабочую пайку хлеба, а по окончании войны в ней появилась награда – медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Школьное образование юный рабочий получал вечернее.

Приобщение к ремеслу художника состоялось в студии при Доме офицеров Хабаровска под руководством народного художника РСФСР Ивана Петровича Лебуха. Посещение студии продолжалось в течении десяти лет, и даже после призыва Валентина на действительную службу в 1952 году – воинская часть размещалась в Хабаровске, а командиры поощряли посещение солдатом студии И.П. Лебуха, поскольку использовали его талант в интересах наглядной агитации.

Юношу влекло «чистое» искусство – писать картины (к сожалению, не сохранившиеся) он начал лет с пятнадцати, это было что-то между кубизмом и пуантилизмом. Но превыше всех он навсегда поставил импрессионистов. До армии же получил навык иконописания. Совместно со старшим товарищем Сергеем Кузнецовым, членом Союза художников, Валентин расписывал православный храм близ железнодорожного вокзала. Библейские сцены на холсте размером два на три метра создавались негласно, на квартире, хотя в это время Кандалов имел помещение в Доме культуры завода им. С. Орджоникидзе, работая там оформителем. Протоирей Пётр заплатил за сцены десять тысяч рублей – деньги по тем временам большие.

После возвращения из армии Валентин Кандалов даже не успел подумать о художественном образовании – его пригласили работать на железную дорогу, дали мастерскую. Выполнял наглядную агитацию, вывески, оформлял праздничные колонны демонстраций. К одному из праздников, посвящённых Дню Победы, изготовил из папье-маше двухметровую копию монумента солдата-освободителя, что установлен в Трептов-парке в Берлине. Успех был налицо. Но влекла живопись маслом, с товарищем Николаем Волонцом они много работали на этюдах.

Первые попытки получить профессиональное образование оканчивались неудачей, всё была не судьба. Дважды ездил Валентин Кандалов поступать в художественное училище во Владивосток, но в первый раз опоздал на экза-

мены, а второй раз уткнулся в закрытые двери – все уехали на сельхозработы. Рядом с Хабаровском было художественное училище в городе Биробиджане. Это училище окончил один из друзей – его этюды и рисунки показались Валентину Кандалову откровенно слабыми, и тогда он сделал ставку на Иркутск. При поступлении познакомился с Виктором Мироненко и, как старший по возрасту и жизненному опыту, взял его под свою опеку. Так вместе прошли все годы обучения. Вместе сменили три квартиры, вместе ездили на этюды на Байкал в Листвянку и Слюдянку, в центральный городской парк. Виктор познакомил Валентина с будущей женой – студенткой медицинского института Ниной Кутявиной.

Занятия в училище по классу живописи проходили в двух группах. Старостами групп были Валентин Кандалов и Виталий Смагин. Рисунок преподавал Лев Борисович Гимов, а Глеб Васильевич Богданов – живопись и рисунок, Михаил Данилович Воронько – рисунок и прикладные. На четвёртом курсе пришёл преподавателем Владимир Владимирович Тетенькин. С Валентином Васильевичем он был близок по возрасту и не только выделял его среди других студентов, а видел в нём будущего большого мастера. Тетенькин и Богданов оказали большое влияние на формирование художника. На пятом курсе рисунок вёл Аркадий Иванович Вычугжанин. Он же руководил дипломной работой. В 1966 году её подарили делегации из Германской Демократической Республики.

Встреча Валентина Кандалова со своими товарищами по училищу состоялась через сорок пять лет, в 2009 году, на презентации коллекции Анатолия Большедворова в Иркутском областном художественном музее им. В.П. Сукачёва.

По окончанию училища Валентин Васильевич избрал местом жительства Читу. На выбор повлияло два фактора. Ранее в Читу по распределению уехала жена. Но, пожалуй, решающим стало то, что появилась возможность осуществить давнюю мечту. Его первый наставник Иван Петрович Лебух ездил на пленэры исключительно в Читу. Показывая этюды, он говорил: «Не надо никакой Сицилии, надо ехать в Забайкалье и на Байкал». Это не выходило из головы. А судьба так и распорядилась.

Первые два года В.В. Кандалов преподавал черчение и рисование в школах города. В 1967 году его пригласили в объединение «Промтовары» возглавить художественную мастерскую. В ней в отдельные годы работало до двадцати художников, декораторов, прикладников. Работы выполнялись в самой разнообразной технике: декоративная роспись, резьба по дереву, чеканка по меди и жести, инкрустация, витражи. Объёмы работы были большие, но живопись Кандалов не оставлял. Бывали удачные картины, о потере которых Валентин Васильевич очень жалеет. В начале смутных девяностых мастерская «Промтоваров» сгорела. Сгорели и около сорока живописных работ Кандалова.

Возрождение творчества произошло в 1998-1999 годах, и состоялось оно во многом благодаря поддержке друзей. График Юрий Анатольевич Круглов передал ему ключи от занимаемой им мастерской со словами: «Всё, что я хотел сказать, я сказал». Большую моральную поддержку оказал многолетний друг Леонид Степанович Рыжов – заслуженный художник России. А с первой выставки в «Учреждении юстиции по государственной регистрации прав на

недвижимое имущество и сделок с ним» началась и продолжается уже свыше десяти лет дружба с Александром Фёдоровичем Беспечанским, по идее и инициативе которого сложилось неформальное творческое объединение любителей живописи и профессиональных художников под названием «Кандаловский кружок». Цели и задачи кружковцев – поддержка и продвижение творчества забайкальских художников. Валентин Васильевич Кандалов является по праву знаменем кружка.

Что подкупает зрителей в его живописи? Наверное, в первую очередь её чрезвычайная мягкость и сдержанность. Свет в ней проступает будто сквозь лёгкую влагу, оседающую после дождя. И характер, и тональность красочной поверхности располагают к созерцанию. Глядя на такую живопись, понимаешь, что её автор – человек редких душевных качеств. Многие его картины показывают непосредственно натуру, а есть и такие, в которые заложены глубокие раздумья. Такова картина «Апофеоз». Лёгкая задумчивая дымка, сырая трава и уходящая к едва заметному белому храму дорога – всё напоминает манеру передвижника Павла Васильева. И это спустя более века, как тот творил. «Громкое» название картины, кажется, ничем не подтверждено и заставляет глаз устремиться к дальнему, едва приметному в общем масштабе полотна храму. Но и протеста против названия нет. В залах Третьяковской галереи среди живописи конца 19-го века «Апофеоз» смотрелся бы более чем естественно. Написан он в 2010 г. восьмидесятилетним автором и обобщает его достижения. Ближе к этому примыкают многие холсты. Например, «Утро на сенокосе», 2001 г. Прошёл дождь, облачные массы ещё не нашли ни пути, ни покоя, и всё как будто мало реально. «Сенокос» Аркадия Пластова – звонкий, трудовой, близкий бытовизму. «Утро на Сенокосе» Валентина Кандалова – это другое время, как гаданье: будет, не будет, выживет Русь или сгинет? Ответа нет и не надо ответа. Пишет В.В. Кандалов и натюрморты, и портреты. А особенно лирична у него картина «Первые строки» – внук Валентин вышел на дачный дворик после дождя и пишет стихи. Белеет листок, чуть видно синее забайкальское небо, зелень освежилась, и подросток пишет. Его стихи уже известны читинцам – Валентин выступал с ними на фестивале «Забайкальская осень». Лирика кисти живописца Кандалова находит продолжение в лирике его внука.

Анатолий Буданов, Татьяна Ясникова

БРОНЗА БУРЯТСКИХ МАСТЕРОВ

Из чувства материала и связанности всех чувств и представлений в один клубок рождается скульптура. Её трёхмерность, её объёмы, полновесность предполагают показ вещей, которые ценны сами по себе. Обособленные в пространстве изображения живут своей жизнью, поэтому, когда речь идёт о национальном, в скульптуре национальное звучит прежде всего. Города, украшенные скульптурой, выражают дух местности и устремления народа; город Улан-Удэ встречает бронзовыми монументами, настраивая жителей и гостей на определённый лад: «наши символы и предпочтения приобщают вас к нашему мировоззрению и единству». Все иркутские памятники из бронзы

отливались в Улан-Удэ, где есть два независимых цеха. Один – скульптора Александра Миронова, создавшего для Иркутска памятник маршалу Жукову и скульптурную группу, посвящённую кинорежиссёру Гайдаю. Второй основали братья Цыжиповы, прежде работавшие у Миронова, – это «Лотос». На нём не так давно отливался иркутский «Бабр», льются памятники для Якутии и зон Бурятии. Здесь же, на «Лотосе», отливается вся средняя и мелкая пластика бурятских мастеров. Они могут вести весь технологический процесс сами, а могут заказать исполнение работникам цеха. Предпочтение остаётся за первым вариантом, что во многом продиктовано высокой стоимостью изделий, определяющей небольшой спрос на них. В связи с этим мелкая и средняя пластика сохраняет малотиражность или выпускается в одном экземпляре.

В 2013 году в связи с 90-летием бурятского отделения Союза художников России вышел альбом «Художники Бурятии», который показывает и мастеров скульптуры. Первым в списке оказывается имя Геннадия Васильева (1940-2011), учителя Даши Намдакова. Васильев – заслуженный деятель искусств Бурятской АССР, народный художник Бурятской АССР, заслуженный художник РСФСР, член-корреспондент (1988) и действительный член (2007) Российской Академии художеств, лауреат Государственной премии Бурятской АССР, удостоен в 2005 г. Золотой медали Творческого союза художников России. Несмотря на такое количество званий и регалий, его имя известно только в республике, а имя ученика, без преувеличения, стало чуть ли не первым в ряду современных скульпторов мира. В советское время вряд ли такое было возможно, несмотря на высокий потенциал мастеров-бурят. Открытость международных границ приобщила Даши Намдакова к мировому опыту и мифологии, из чего возник сплав его достижений, окрыливший других мастеров.

Гэсэр Зодбоев
Дед с внуком

Скульпторы Гэсэр Зодбоев, ныне покойный, произведения которого до сих пор тиражируются и находят спрос в Европе, и Баир Сундупов, выпускник скульптурного факультета ВХПУ им. В. Мухомовой, показали в своём бронзовом литье сплав национальной традиции и лучших мировых достижений в пластике. Это характерно и для других известных мастеров, активно ищущих свой стиль и средства выражения.

Геннадий Васильев учился мастерству у народного чеканщика Д. Бадмаева и достиг высокого признания среди профессионалов искусства России. И сейчас бурятские скульпторы идут от народных традиций, национальная почва – самая крепкая основа для творчества – всегда с ними. Не имеет профессионального образования такой признанный мастер, как Дмитрий Будажабэ, Юрий Эрдынеев начинал как ювелир, Дмитрий Болсобоев – как график. Хочется воскликнуть, что искусство ваения у бурят в крови. Ламаизм, который они в своём большинстве исповедуют, «настоян» на изобразительном искусстве, где скульптура играет одну из главных ролей. Тысячи изваяний будд в дацане – норма, и всякое божество находит себя в изваянии.

Евгений Болсобоев, член правления Бурятского регионального отделения Союза художников России, лауреат звания «Лидер культуры Бурятии» 2010 года, объяснял увлечённость пластикой именно бурятскими народными навыками. Его дядя, который пас отары овец, сидя в седле, всегда резал ножом из дерева то, что видел вокруг. Пастушеское занятие созерцательно, и для скотоводов, какими являются буряты, и нож, и дерево ближе городских красок и холстов.

Евгений Болсобоев родился в провинции, окончил Кяхтинское художественное училище, но не был этим удовлетворён и совершенствовал своё мастерство в Дальневосточной академии искусств на факультете станковой и монументальной живописи. Он был увлечён графикой, малая востребованность которой заставляет мастеров её оставлять. Темы шаманизма стали его темами скульптора, прежде выраженные на графических листах. Шаманизм общается с духами местности и сущностями, не имеющими телесного облика, и поэтому изображения тяготеют к плоскостной ажурности. От них Е. Болсобоев перешёл к национальным мотивам, таким, как «Аилга» («Мелодия»), «Лучник», «Схватка тигра с драконом» (последняя была приобретена в подарок Ким Чен Иру). При этом он продолжает оставаться профессионалом и в живописи, и в графике, летом 2013 года совершил выезд на пленэр в Баргузинскую долину с Солбоном Ринчиновым (род. в 1936 г.), членом-корреспондентом РАХ и народным художником Бурятии, чтобы повысить своё мастерство живописца. Занимается Е. Болсобоев и городской скульптурой из бетона для детских площадок и скверов.

Евгений Болсобоев
Степная муза

Юрий Эрдынеев
Время

Юрий Эрдынеев пришёл в скульптуру из ювелиров, прочувствовав всю утончённость этого ремесла. В 2004 г. он разработал декоративный знак «Нулевой километр автодорог Республики Бурятия». В 2006 г. по его эскизу был создан фонтан «Плещущиеся рыбки» на Арбате. Работая над исполнением его скульптурных форм вместе с Дмитрием Будажабэ и Гэсэром Зодбоевым, Юрий Эрдынеев всерьёз увлёкся бронзовым литьём. Он создал триптих с тотемами бурятских родов – быком, налимом и лебедем, разрабатывает сценки из народной жизни бурят, изящные образы женщин, такие, как «Левый глаз» и «Правый глаз» – женщина перед зеркальцем

красит глаза и делает это столь же искусно, как исполнена и сама скульптура. Подобно другим бурятским мастерам, Юрий Эрдынеев осваивает мотивы европейской школы. Так, он воплотил в бронзе «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, придав её лицу бурятские черты.

На волне успеха старших по возрасту, искусством бронзы увлекается и молодёжь. Владимир Иванов в 2007 году окончил ВСГУТУ по специальности «Технология художественной обработки материалов» и очень скоро занялся лепкой и литьём. Не создав имени, трудно обеспечить существование, но молодой мастер убедился, что скульптура полностью им владеет, и, разработав ряд собственных тем, таких, как «Солдатики», «Первая любовь» (выставлена на продажу в Красноярске), решил, что ему надо совершенствоваться в скульптурных мастерских Монголии и Италии. А заодно и обнаружил, что его прадед был скульптором: крещёный бурят, он до революции работал для православных храмов по берегу озера Байкал, был репрессирован при советской власти, и о его деятельности родственники сохранили лишь самые скудные сведения.

В цехах «Лотоса» под руководством Болота Цыжипова работает множество скульпторов, находящихся на разных ступенях зрелости. Каждый день перед ними проходят все стадии технологического процесса и разные мастера, исполняющие как мелкую пластику, так и монументы. Это создаёт целостную атмосферу производительного труда и творческих поисков. Болот Цыжипов создал памятник Александру Вампилову для музейно-библиотечного комплекса на родине драматурга в п. Кутулик Аларского района Иркутской области, а Туяна Гумпылова разрабатывает на базе «Лотоса» типичные для бурятской бронзы темы: «Лучник», «Борец», «Наездник». Само же название «Лотос» напоминает о буддизме и о том, что в цехе выполняется пластика для дацанов.

В альбоме «Художники Бурятии» представлены и многие другие скульпторы, не названные выше – Буянто Ошоров, Зандан Дугаров, Анатолий Цыденов, Валерий Гатапов. Будет востребована бурятская бронза – появятся и новые имена.

«БЫТЬ УЧАСТНИКОМ ЖИЗНЕННЫХ БИТВ!»

СТЕПАН КУЗЬМИЧ ГВОЗДЕВ

Творчество этого художника показало сибирякам картины нетронутой, бескрайней родной природы, где вольно дышится. По средствам выражения оно оставалось при этом тонким и лиричным, порой оборачиваясь необузданным каскадом красок. Его творчество – тот случай, когда под картинами мы имеем в виду не то, что художник водил кистью по холсту, а картины – создание природы, чему сопереживают люди. Может быть, поэтому, в силу непоказной чувствительности, у этого статного, сильного и выносливого человека вдруг оказалось больное сердце, и он ушёл из жизни внезапно, в возрасте 48 лет – в 1958 году. В 2010-м, в его столетие, Иркутский областной художественный музей устроил его выставку. Художник не был забыт.

В 1962 году вступительную статью к каталогу посмертной выставки картин С.К. Гвоздева написал известный иркутский искусствовед В.В. Фалинский. Статья содержит необходимый объём информации о художнике. В 2010 г. к выставке, посвященной его 100-летию, по инициативе дочери художника Т.С. Калугиной и внучки-художницы Е.А. Калугиной, при содействии ИОХМ

вышел новый каталог. Старый он дополняет тем, что показывает картины в цвете. Стоит уточнить: картины, наличествующие в наши дни, – ибо перечень, сообщённый В.В. Фалинским, сжался до неузнаваемости. В 2012 году откликнулась с воспоминаниями дочь художника Ольга Степановна Солдатенко, проживающая в г. Сумы на Украине. Они расширяют представление о нём и его творческом темпераменте. Имеются в наличии и другие письменные свидетельства лиц, знавших С.К. Гвоздева: художника Е.А. Конева (журнал «Художник», 1959, № 4), жены А.А. Гвоздевой, самодеятельной художницы Н.М. Звягиной, присланные в 1961 году из Кракова, ангарского художника Альберта Кусса («Здесь люди славу обретали», газета «Время», 2001, № 57). В 1988 году в журнале «Сельская молодёжь» № 3 были опубликованы документальные рассказы ангарского врача Инны Фруг с предисловием писателя В.Г. Распутина. Рассказ «Снежок» посвящён последним дням С.К. Гвоздева и рисует образ художника, всеми помыслами погружённого в искусство.

Степан Кузьмич Гвоздев родился 25 сентября 1910 года на разъезде Венгерка станции Суетиха (теперь город Бирюсинск Иркутской области) в семье путевого обходчика. Его отец Кузьма Гвоздев с женой Степанидой и дочерью Натальей приехал из Белоруссии в пору строительства Транссиба – прибывающим предлагались должности и участки земли. Молодая семья быстро обзавелась хозяйством и пасекой среди привлекательного таёжного приволья. Пополнилась пятью сыновьями, среди которых был Степан. Дети росли работающими и выносливыми, скорыми на всякую выдумку. Особенно их привлекала возможность дрессировки всякой живности. Лошадь, коза, сорока, ёж имели свои успехи, а домашние гуси летали.

Однажды Степан с братом Алексеем перевернулись на плоту и, спасшись, Степан со страху забрался на сосну. «Сижу, – рассказывал он, – ни живой ни мёртвый. Слышу крики. Вижу, отец бежит с багром, мать с граблями, братья машут палками. Ничего не могу понять. Думаю: что случилось? Зачем они озеро ковыряют? Тут мать заголосила: «Батюшки! Утоп Степан-то». Тогда я понял, что меня ищут в озере, и завыл, от испуга и холода. Все ахнули. Отец стащил меня с дерева и дал взбучку. Алексею тоже попало». Это озеро и эту сосну показывал художник своей семье спустя десятилетия. Родные места он любил.

Братьями Гвоздевыми двигала огромная жажда учиться. Школа, которую они посещали, находилась на окраине посёлка Тайшет. С будки Венгерки, прицепившись к вагонам проходящего товарняка, братья Алексей, Степан, Анатолий, Николай и Константин прибывали на учёбу. Их вторым домом была тайга, и в долгие зимние месяцы Степан, тоскуя по ней, стал рисовать её по памяти. Рисовал на стенах, скамейках, табуретках, по инею окон, на сосновых досках. Углем, мелом, обломками кирпича. Одной своей проделкой он долго гордился. Отец взял его в гости к соседу, который ремонтировал свою сторожку. На полу стояла краска – голубая для окон и коричневая для пола. Пока взрослые беседовали, Степан на трёхметровой переборке написал огромную коричнево-голубую собаку. Хозяева сперва рассердились, а потом оберегали эту «роспись» вплоть до сороковых годов.

После окончания школы в 1929 году Тайшетский райком комсомола подписал путёвку и направил Степана Гвоздева на учёбу в Иркутский изопедтехникум «как активного комсомольца и имеющего талант». Его препода-

давателями были Иван Лаврович Копылов, основатель иркутской художественной школы, и Николай Васильевич Шабалин – в течение 1931-1932 учебного года, после стажировки в мастерской К.С. Петрова-Водкина. Каким-то образом среди имён преподавателей фигурирует А.П. Жибинов, последователь филоновской школы, пришедший в изопедтехникум в 1932 году по возвращению из Ленинграда.

В 1932 году Степан Гвоздев завершил учёбу и был направлен учителем рисования в железнодорожную школу на забайкальской станции Борзя. Вскоре был призван на военную службу, которую проходил там же, в Забайкальском крае, в топографических частях. В 1935 году, согласно данным В.В. Фалинского, он прибыл со службы в Иркутск и в студии Товарищества «Художник» устроил показ своих этюдов и рисунков. На них были степи Даурии, горные реки, таёжные дали. «О молодом художнике заговорили, как о талантливом, с острым глазом живописце, – пишет В.В. Фалинский. – Он глубоко прочувствовал природу Забайкалья, так, что сразу, с забайкальским багажом пейзажей был принят в Союз художников. В 1935 году централизованного, через Москву, приёма ещё не было. Согласно членскому билету С.К. Гвоздев стал «членом Союза советских художников Иркутской области».

Дочь Гвоздева Ольга Степановна отмечает, что ещё по прибытию в Иркутск на учёбу в 1929 году будущий художник удачно устроился с жильём (Краснофлотский переулок, дом 3): «Моему отцу крупно повезло – его взяла на проживание местная аристократка (чуть ли не графских кровей) Татьяна Андреевна Череповская, образец тактичности, воспитанности и деликатности. Её брат Александр Андреевич имел в Иркутске до революции свой ювелирный магазин». Т.А. Череповская отнеслась к будущему художнику, как к родному сыну, а когда он женился, приняла молодых на квартиру (второй раз, после его пребывания в Забайкалье). Когда семья Степана Гвоздева получила две комнаты в коммуналке по ул. Красного восстания, Т.А. Череповская подарила на новоселье старинную мебель, редкие дореволюционные подписные издания – Байрона, Шиллера, Пушкина, Лермонтова. В те голодные, бедные годы это считалось большим подарком. Тогда же Т.А. Череповская вывела художника из-под ареста. Это случилось, когда неожиданно нагрянувший обыск обнаружил у далёкого от политики С.К. Гвоздева портрет одного из репрессированных членов верхушки компартии. Т.А. Череповская посетила следственные органы и сумела выкупить художника за дорогое кольцо.

Вкупе со всеми жизненными обстоятельствами С.К. Гвоздев увлечённо работает над пейзажем – выезжает на Байкал, Ангару, в Саяны и Аршан, на родную Бирюсу. Первой его значительной работой стал пейзаж «Ангара зимой», представленный на областной выставке 1939 года. После доработки он был принят в Москве на республиканскую выставку молодых художников в 1941 году.

Началась война. Вместе с другими художниками, освобождёнными от призыва в армию, С.К. Гвоздев стал работать над плакатами «Окон ТАСС». В живописи, следуя общей тяге к батальному жанру, к жанрам, отражающим быт военного времени, к портрету, художник написал три вещи: «Письмо с фронта» (1942), «Берут языка» (1943), «У карты военных действий» (1945-1946). Так о них пишет В.В. Фалинский: «В своё время это были неплохие работы, они выделялись на выставках, пользовались вниманием зрителей,

но проверки временем не выдержали. Прирождённый пейзажист, художник не смог дать образного решения ни в одном полотне. Хотя они написаны с искренностью и любовью, всё же остались иллюстрациями... В созданных в годы войны портретах воинов-сибиряков – капитана А.С. Имкелова, лейтенантов А.С. Ростопчина и Неудачина – Гвоздев добился хорошего портретного сходства, но по живописным достоинствам они также ниже, чем его пейзажи. Движение души лучше удавалось художнику в портретах-этюдах. Таковы всгруднувший ребёнок – «Таня» (1948), радующаяся лету и солнцу «Девушка с корзиной». В целом портреты Гвоздева робко написаны и обеднены в цвете. Сам он часто сокрушался: «Как ни бьюсь над портретами, а они у меня все охрой болеют. Никак вылечить не могу».

После войны художник много путешествовал с этюдником. После военных тягот и патриотического служения делу Победы панорамы бескрайнего мира волновали его особенно глубоко. Природа для него воистину была «не храм, а мастерская», причём его, как человека своего времени, привлекало и её преобразование. Его «Панорама строительства Братской ГЭС», написанная в 1957 году, участвовала в республиканской выставке, посвящённой 40-летию Октябрьской революции.

Художник переосмысливает ранние работы, посещая те места, в которых побывал до войны. В 1947 году это было Забайкалье, важнейшее место в его жизни, в 1948-м – Присянье, река Уда, Уковский водопад, окрестности Балаганска, в 1949 – Ока, Лена, Падун. И всегда Байкал. Географию путешествий С.К. Гвоздева можно узнать из названий его произведений, приведённых в каталоге В.В. Фалинского. В 1950-м художник посещал Москву – это был единственный его выезд за пределы Восточной Сибири. В 1952 году в течение лета работала Байкальская студия, руководить которой приехал известный московский живописец Владимир Гаврилов. Почти все иркутские художники выехали на Байкал. В.В. Фалинский: «Коллективная работа, творческие диспуты, обсуждения помогли Гвоздеву постепенно избавиться от перегруженности этюдов деталями; он перешёл от внешнего описательства, от пунктуального следования натуре, а стремился познать и отображать саму сущность природы».

Однако же годом ранее его две картины «Братск на Ангаре» и «Ангара у Падунских порогов» участвуют на республиканской выставке. Участие в них С.К. Гвоздева становится регулярным. В.В. Фалинский, как свидетель творческого пути художника, называет Братскую серию, в которой около 40 полотен, лучшей в его творчестве. Он был участником 30 выставок, а на своей последней прижизненной в ноябре 1958 года, она же была первой выставкой художников Ангарска, показал 44 работы. О.С. Солдатенко: «В семье только и звучало: «Надо готовиться к выставке!» – то к зональной, то к республиканской, то к всесоюзной». Как-то раз Художественный совет в Иркутске не принял его работу. А.А. Гвоздева: «Степан Кузьмич заметно переживал. Потом вдруг схватил нож и подбежал к картине. «Всё! – думаю. – Сейчас он её на кусочки изрежет». Но нет, вижу, его осенила какая-то мысль. Он начал убирать краску с холста ножом и мне кричит: «Помогай!» Мы счищали краску, а тревога за последствия не покидала меня. Всю ночь Степан Кузьмич работал над композицией, полностью изменил её и утром начал писать красками. Мне никогда не приходилось быть свидетелем такого лихорадочного порыва в работе. Степан Кузьмич весь загорелся. Холст содрогался под его кистями...

Все были поражены и одобрили работу. Теперь надо было ждать, что скажет Москва. Вскоре Степан Кузьмич сам уехал в Москву и писал, что картина принята на Всесоюзную выставку маринистов. Это был «Братск на Ангаре», созданный за одни сутки».

С.К. Гвоздев всей жизнью был подготовлен к экстремальным ситуациям. Нелегки путешествия по сибирским дебрям со снаряжением. Однажды во время сильной грозы на забайкальской реке Ингоде, в Сохатино, художник оступился и вместе с этюдником, огромным зонтом и складным металлическим стулом соскользнул с высокой скалы. Мужество и физическая крепость спасли его – схватившись за уступ, он сумел подтянуться и вскарабкаться обратно. В 1951-м он совершает рискованное путешествие на лодке по Ангаре в Братск, по пути запечатлевая раскинувшиеся грозные просторы. Однажды, работая над картиной, посвящённой Братской ГЭС, он стал невольным свидетелем случая, когда двое бежавших заключённых убивали третьего, взятого на прокорм. Выхватив из своего большого зонта пику с железным наконечником, грозно заблестевшим при свете луны, художник с рёвом зверя кинулся на преступников и спас жертву.

С.К. Гвоздев возмущался, что художники мало бывают на пленэре. Из Братска он писал домой: «Нет, надо ездить, ходить, летать, и даже в пену нырять ангарскую, чтобы почувствовать её нутро. И вот я стою во весь свой исполинский рост, отваживаясь вступить в единоборство с Падунем. В какие-то секунды наступает решение – и я бросаюсь в пену кипящего каскада. Я наслаждаюсь, как морж. Ныряю и выныриваю. А надо мной кружится целая стая чаек, охраняя от такого страшного зверя, как я, своих детёнышей. Какая красота! Какая стремительность! Какой грохот! Пена, крик чаек – такая стихия подильна только Айвазовскому! Я проливаю пот в сражениях за красоту и надеюсь, что в наших садах зацветут цветы. Надо верить. Иначе ничего не сделаешь. Надо всегда быть участником жизненных битв!»

О.С. Солдатенко: «Отец был «человеколюб», если так можно выразиться. Был предельно простым и уважительным ко всем – от интеллигентов до практически малограмотных. В людях он видел прежде всего душу, сердечность, человека. А чины и почести уходили на задний план. Ещё одно важное качество он имел – умение слышать собеседника. В связи с этим художники сделали шарж на него с подписью «Степан Поддубный, Падунский, Байкальский, Забайкальский, Ангарский, Тайшетский, Братский, Саянский, Ольхонский», а рядом привели все его междометия и реплики: «Да ну!... Ну да!... Что Вы говорите! Как же так! А когда это случилось!.. Подумать только!.. А... а... а... а!.. Да... да... да!.. О... о... о!.. У... у... у!.. Да вы что!»

Рассказ О.С. Солдатенко, больше всего интересовавшейся работой отца и впоследствии преподававшей историю искусства в художественной школе, рисует С.К. Гвоздева и как художника, и как семьянина: «Вообще отец ценил семью превыше всего. Даже когда он надолго уезжал в свою «природную мастерскую», он умудрялся писать нам письма. Некоторые были со стихами и рисунками: отец изображал, как он плачет и скучает по нас, и «наплакал уже целое озеро»... Летом, собираясь в очередную поездку, он не забывал о своей семье. Старался всеми силами вывезти нас на природу из городской суеты. Однажды мы оказались на даче художников вблизи Байкала, где как раз проходил пленэр. Туда съехались многие художники, как я помню, – Рогаль, Закиров,

из Ленинграда был приглашён Подляский. Художники – народ творческий, непоседливый, всегда находили себе занятие по душе: днём наполнялись впечатлениями от байкальской природы, от работы над этюдами, подмечали друг за другом разные стороны характера. А вечером собирались возле костра и давали волю шуткам, анекдотам, разным остроумиям. Здесь уж нашему папуле не было равных! Все просто падали со смеху и хватались за животы. А отец при этом всегда оставался серьёзным. Видимо, это тоже играло какую-то роль в деле шуток.

Помню ещё одну увлекательную поездку в Усть-Осу... После прибытия на место нас поселили для проживания в местную сельскую школу. В те времена членам Союза художников полагалось способствовать и выделять какое-то жильё. Школа была пуста летом – значит, давали школу. Мы этому рады были безмерно! Сдвигали парты, набивали соломой матрасы. И никаких курортов не надо! С утра пораньше отец уходил на работу, в свою природную мастерскую, а когда вечером возвращался назад, уже горел костёр, кипел котелок с картошкой, а на траве стояла кружка с парным молоком. В такие романтические вечера отец любил общаться со своими дочками, всегда находил для своих рассказов занимательные истории. В той местности находилось очень загадочное провалище, не то болото, не то подземная воронка. И временами туда что-то проваливалось или там исчезало. Однажды под землю ушло целое хозяйство-дом и, говорили местные жители, на этом месте появилось озеро. Домашние животные, которые приближались к этому месту, могли уж домой не вернуться. Оно называлось гиблым. Как ни бросали местные жители в него монетки, чтобы задобрить его, оно всё равно делало свою безжалостную работу. Отец водил нас туда – смотреть издалека. Дух захватывало».

В путешествия за видами Сибири С.К. Гвоздев чаще всего отправлялся один. Но на Аршан в Саянах он как-то раз поехал с семьёй. В другой раз – с семьёй художницы Н.М. Звягиной. И таким образом остались ещё одни свидетельства того, как он работал. О.С. Солдатенко: «Особое место в палитре Аршана занимает гроза. Это целая симфония-стихия! В такие моменты всё вокруг превращалось в сплошной бурелом. Маленькие речушки от объёма воды, сходящей с гор, превращались в бурлящие потоки. Они несли с собой вырванные с корнями деревья, камни, ветки. Вся бурлящая масса воды с грохотом грома неслась дальше, в долину Тунки. Где сила её вдруг ослабевала, успокаивалась, вода разливалась вширь, здесь простора ей было вдоволь. Гроза в Саянах явление неординарное, отец всегда любил это состояние в природе. Спешил в горы с этюдником запечатлеть необычную красоту, как только понимал, что надвигается циклон с ветрами и бурями. Такой уж был человек – широкая и бездонная душа художника, влюблённого в природную стихию. Наверное, поэтому пейзажи у отца всегда дышат свежестью жизни, от них просто веет любовью, очарованием и бесконечным восхищением».

Н.М. Звягина: «Сколько обаяния и жизни чувствуется в его этюдах! Это потому, что он сам слился воедино с той природой...»

– Вот она какая, Сибирь! Да разве можно не любить её всей душой! – так часто говаривал С.К. о своих родных сибирских местах. Работал он в то лето много, от 6 утра и до полудня, а после обеда в 4 часа снова уходил на этюды. Ходил один, не любил, чтобы ему мешали в работе. Раз раздобылся и пригласил нас с семьёй сопровождать его до старой мельницы. Было это после обеда.

День удался погожий. Краски были яркие, а тени мягкие. С.К. шёл впереди со своим этюдником, «пудовым», как он его называл.

– Вот она, уже «на пенсию» пошла, не работает.

Это была старая мельница, которая удивительно красиво выглядела на фоне Аршанских гор. Этюд мельницы очень быстро рождался на моих глазах. Я старалась не проронить его мазков, краски он брал уверенно и долго не мешал, а, казалось, готовые укладывал точно и быстро. Что же это? Этюд или картина? Вернее будет, картина, живая, будто вырезанная ножом из природы и уложенная в этюдник. Позднее я видела, как родилось большое полотно «Аршанская мельница». Тогда он писал большими кистями, размашисто и для себя по-новому. Сам признавался, что не писал, а «камни ворочал». Небо написал буйное, волнующее. Мне эта картина, полная экзотики, очень нравилась».

Н.М. Звягина брала уроки у С.К. Гвоздева и писала о нём пусть кратко, но достоверно. «Одни картины он писал скоро, даже на обед жалел часу, а другие медленно, всё что-то искал, сверял с этюдами, долго собирал материал и говорил, что «мучил»... Последняя картина, над которой серьёзно работал С.К. при мне, была «Илим». Эта картина, вся в тёплом колорите, восхищает своим предвечерним покоем и тишиной. И опять та же безграничная любовь к природе. Нет, он не впадал в сентиментальность, не преувеличивал, а показывал искренне, правдиво, с лирическим настроением. Это именно малые картины, а не этюды, писались сразу с натуры с определённым настроением и темой. Все детали сливал он в единое целое, характерное для сибирской природы».

Характерно, что пишущие о художнике С.К. Гвоздеве, не обходят вниманием и его личность. «Доброта, бескорыстие и отзывчивость были его отличительными чертами», – писал А. Кусс. Н.М. Звягина: «У меня сохранилась самая светлая память о Степане Кузьмиче не только как о художнике, но и как о человеке. Он был человеком душевным и сердечным. Был отзывчив, много читал и любил беседовать. Помню, раз мы беседовали о Левитане, а потом С.К. дал мне прочитать книгу о нём, всю испещрённую значками NB. В спорах он всегда отстаивал точку зрения русских художников-реалистов. В спорах с людьми всегда был мягким и добрым, что не совпадало с его грузной и медвежьей фигурой. К начинающим художникам относился со всей сердечностью. Помню, приходил к нему один шофёр со своими рисунками, он серьёзно рассматривал их и давал консультации, помогал развиваться. Я тоже не раз обращалась за советами по живописи, С.К. охотно их давал, а, главное, говорил: «Идите на этюды, сама природа вас многому научит!» Теперь я с благодарностью вспоминаю его слова, в которых убедилась».

«Я помню отца, как огромного труженика, – писала старшая дочь. – Но когда у него выпадало время домашнего покоя, отец читал книги по ночам. Его любимые авторы были Пришвин, Паустовский, Гаршин, Чехов. Страсть к чтению отец передал и своим детям». И далее она рассказывает о быте семьи: «Когда наша семья жила на улице Красной Звезды (теперь Сухэ-Батора), нам удалось переселиться с первого этажа на второй, тоже в коммуналке. Теперь это была квартира с двумя комнатами и балконом, правда, вторая комната считалась кухней и имела огромную русскую печь. В этой комнате-кухне отец ставил мольберт между окном и печкой и закрывался от нас холщёвой

занавеской. Трудиться в полную силу удавалось не всегда. Квартира была в центре Иркутска, родня часто просилась у нас переночевать, чтобы утром на рынке продать свой урожай. Время от времени кто-нибудь из родственников просил поселить сына или дочь на время учёбы. Родне в нашей семье не было принято отказывать. Оказавшись в центре, мимо не мог пройти никто из друзей. Они заглядывали «на минутку» и засиживались за интересными беседами. Мне запомнились писатели Иннокентий Луговской, Константин Седых, композитор Пьянков, тогда почитаемый настройщик фортепиано, и другие. Пьянков развлекал нас историями и показывал фокусы. Тетя Женя, актриса областного кукольного театра и мамина родственница, приходила со своими куклами и разыгрывала сценки из сказочных спектаклей прямо у нас в доме. Нашему восторгу не было предела! Мама наша от природы тоже была замечательная актриса. Она исполняла стихи и басни. Конечно, в доме у нас никогда не было покоя: шум, гвалт, разговоры. Нам с сестрой с трудом удавалось приготовить уроки. Отец называл нашу квартиру «постоялым двором». Со временем пришла идея – перебраться в Ангарск, обменять меньшую площадь на большую.... Так наша семья переехала в Ангарск. Радости не было конца: в благоустроенной квартире не надо было топить печь, мы с сестрой заимели отдельную комнату, ну, а папочка получил долгожданную мастерскую. Мамочку пригласили во Дворец пионеров вести кружок театра кукол. Это случилось после того, как она с десятью учениками подготовила у нас на квартире «Кота в сапогах» Ш. Пьеро и заняла со своим спектаклем первое место на олимпиаде.

В Ангарске пошла вверх карьера отца. Он был назначен председателем художественного совета. Характером отец совсем не походил на начальника, был ранимый и чувствительный, приходил домой с обидой на своих коллег, переживал за разные нюансы их поведения. Мне хорошо запомнился тот период жизни. Я после школы заходила к отцу в комнату-мастерскую, где с огромным интересом и любовью наблюдала, как он хлёстко работает. Мольберт и холст просто сотрясались! Это было какое-то единение с отцом, возможно, в эти моменты во мне зарождалась будущая художница».

С.К. Гвоздев очень любил музыку и играл на многих музыкальных инструментах. Ему хотелось, чтобы дочери были музыкантами. Старинный дорогой аккордеон, который у него был, он обменял на фортепиано. Мечту его исполнила младшая дочь Татьяна – она окончила музыкальную школу, музыкальное училище, наконец, музыкальный факультет Иркутского пединститута, где и осталась работать концертмейстером. Старшая дочь Ольга окончила художественное училище и преподавала художественные дисциплины в училище г. Сумы на Украине. С.К. Гвоздев в пейзаже стремился к напевности, сравнивал живопись с музыкой. Так в жизни дочерей это единое целое вылилось в две линии.

Работая, С.К. Гвоздев истощал свои силы. А.А. Гвоздева: «Как-то придя домой очень уставший, сказал: «Как много надо сделать. Хоть бы пять лет ещё прожить. Я должен перед народом отчитаться». Стрессовых факторов, как теперь принято говорить, в жизни художника было много. В начале войны в боях под Москвой погиб брат Алексей, в конце от рук бендеровцев во Львове брат Константин. Умерли отец, мать, сестра. Семья С.К. Гвоздева прошла через голодные годы. О.С. Солдатенко: «Я помню, когда мама водила нас в

баню полуголодными, и мы там падали в обморок от недоедания и малокровия. Уходили, так и не помывшись. В сороковые годы, когда была карточная система, еды не хватало. Мама, как могла, выкручивалась из безденежья. Отец в свободное время вырезал лезвием и скальпелем трафареты в несколько слоёв для узоров, а она с помощью красок набивала ковры, наподобие персидских. Для этого люди приносили ей самые обычные байковые одеяла. Им хотелось как-нибудь украсить свои жилища. Отец выполнял с фотографий портреты на заказ. Помню случай, когда он по просьбе церковных служителей написал икону. Она предназначалась на подарок Патриарху всея Руси. Когда священники приехали на чёрных «Волгах» забирать её, удивлению соседей не было предела. Икона понравилась. На просьбу исполнить ещё, отец, однако же, отказался: «Не моё это». Не знаю, как мы бы выжили, если не талант мамы, как белошвейки. Помогали морально и материально нам родственники из Москвы – Кузьмины и Ревердатто. Уважали и почитали талант С.К. Гвоздева, присылали то одежду, то книги. Мама никогда не требовала от отца материального благополучия, даже мы, дети, знали – главное – творчество, остальное второстепенно». Художник и семью свою, и творчество называл мостом в будущее.

А.А. Гвоздева: «В 1958 году недостроенный мост рухнул! 3 декабря на 48-м году жизни, в расцвете творческих сил ушёл навечно от нас дорогой друг и отец, всеми любимый Степан Кузьмич. На полдороге оставил он своё огромное прекрасное начатое. Не было для нас ничего страшнее, чем эта правда».

Возвращаясь к вопросу о наследии художника, которое в массе утрачено, приведём характерный эпизод из воспоминаний О.С. Солдатенко. «Самая любимая работа для меня – это «Саяны». Здесь слилось всё воедино, как в симфонии – и воздух, и горы, и обрывы, и у подножия вьётся река Кынгарга. В полную силу проявилась Сибирь, какая она есть. Картина большая, многоплановая и в то же время такая лёгкая и воздушная! В 1962 году на посмертной выставке отца прозвучала, как доминанта, как итог многолетней работы. Виталий Рогаль на этой выставке назвал отца лучшим певцом Сибири. Но вот какова судьба «Саян». Картина находилась в ангарском ресторане «Саяны». Мама по доверенности взяла её для выставки, потом вернула. Когда пришло время проводить очередную выставку, мы опять обратились с просьбой к ресторану. Каково же было наше удивление, когда нам сказали, что картина исчезла, возможно, она в подвале. Кто-то додумался почистить её мылом, керосином, видимо, ещё и порвали. «Саяны» пропали для истории навсегда».

В каталоге В.В. Фалинского картина «Саяны» находится в списке работ, исполненных в 1954 году: «Принадлежит ресторану «Саяны» г. Ангарск, х.,м., 130x200». Из каталога же следует, что только одно небольшое полотно «Парк зимой», 1945 г., было закуплено Иркутским областным художественным музеем. Однако после публикации каталога и по завершению посмертной выставки ИОХМ приобрёл 13 полотен С.К. Гвоздева. Среди собственников значатся ангарские дома и дворцы культуры, столовые, техучилище, школы, клубы, детсады, стоматологическая клиника. Время ярких вещей и потеря вкуса отразились на судьбе полотен С.К. Гвоздева. Со временем они стали нуждаться в дорогих и благородных рамах, подчёркивающих их значимость, но вместо этого исчезли неведь куда. Хорошо, если они были расхищены, а не уничтожены.

Представленные в альбоме полотна иллюстрируют сказанное о творчестве С.К. Гвоздева ещё при его жизни. В них и напевность, и нежность, и деликатность, и любовь к просторам Сибири. Краски сдержаны по тону, а нюансы выдают скрытое волнение кисти. «Время покоса», 1947 г., самый ранний из представленных видов. В свежем стоге пахучих трав проглядывает некоторая аллегория. Столь же ровным, правильным по формам и возвышенным было творчество С.К. Гвоздева. И столь же неброско, сквозь тень проступает для потомков. «Верхоленск», написан в 1949 году. Хмурая сосредоточенность пейзажа влажна и задумчива. В ней нет ничего сурового при кажущейся строгости колорита. Это пасмурный день на любимой земле, влекущий своим течением в сопровождении зримого течения реки Лены в её верховьях. На обратной стороне пейзажа «На Ангаре» стоит четыре даты – 1939, 1946, 1948, 1951. Видимо, художник сам не написал её, а сверка с каталогом давала разброс мнений. Верной кажется более поздняя дата – передний план написан свободными, почти корпусными мазками, хотя отступившая даль более традиционна – мазок нежен, словно робок. В пейзаже «Падун. Посёлок строителей ГЭС», 1955 г., уже и дальний план написан широко и почти небрежно – почти типично для более поздней иркутской школы живописи. Пейзаж «Здесь будет Братская ГЭС» показывает створ Ангары до начала работ по её перекрытию. Написан он с высокой точки и показывает мощную массу воды в её скрытом поступательном движении. На дальнем плане вода создаёт вихрь, который, кажется, готов ухнуть вниз, на непостижимую глубину – и одновременно «предсказывает» вращение турбин будущей гидроэлектростанции. Это весна – на противоположном берегу лёд, он толстый, каким нарастает за зиму. Пасмурное безлюдье пейзажа слегка подсвечено туманом дальнего горизонта. Пейзаж не содержит контрастов и противоречий, представляя «пейзажный соцреализм» в единстве и согласованности всех деталей. Именно С.К. Гвоздев написал эти места до того, как их первозданность была уничтожена техникой. Для многих художников, прибывавших на строительство Братской ГЭС, это место послужило точкой для конъюнктурного взлёта, исполнения карьерных замыслов. Подобные вещи были чужды Степану Кузьмичу Гвоздеву, дышавшему с сибирской природой одним дыханием.

Художник С.К. Гвоздев ушёл в самом расцвете своего таланта. Такие случаи совершенно нередки в человеческой практике. Они говорят только о том, что всему отпущен свой срок.

Список использованных материалов:

- А. Кусс «Здесь люди славу обретали», газета «Время», № 57, 2001 г.*
- Воспоминания А.А. Гвоздевой.*
- Воспоминания Н.М. Звягиной.*
- Воспоминания О.С. Солдатенко.*
- Е. Конев «Памяти С.К. Гвоздева», журнал «Художник», 1959, № 4*
- Инна Фруг. Завещание. Рассказы. – «Сельская молодежь», 1988 г., № 3.*
- Каталог посмертной выставки 1962 г.*
- Каталог «Степан Гвоздев. К 100-летию со дня рождения», 2010 г.*
- Письма художника С.К. Гвоздева.*

ГАЛЕРЕЯ КИМА БАЛКОВА

Содружество писателей и художников – одно из самых прочных в мире культуры. Писатели изображают словом, а в картины вплетено повествование. Абстракцию можно воспринимать как отображение предмета слишком удалённого, с которым невозможен диалог. Но и в этой невозможности есть привязка к слову.

Художники много читают и, в Иркутске точно, не найти прозаика, поэта, у которого не было бы собрания картин. Самое крупное – у В.В. Бронштейна. По-своему интересно звучат картины известных иркутских мастеров на стенах квартиры писателя К.Н. Балкова. Здесь они получают подпитку того одухотворения, которое несёт его творчество.

На земле не существует вещей, представленных в абсолюте, и поэтому каждое новое место, экспозиция, несут новое о казалось бы известных произведениях. Собрание Кима Балкова началось, когда выставки проводились не так часто, как теперь. Художники были требовательнее к себе. Писатель не пропускал их выставок.

В 1987 году на его пятидесятилетие, которое отмечалось в Русском драматическом театре имени Н. Бестужева в Улан-Удэ, первую картину подарил земляк из Баргузинского района Бурятии, известный художник Салбон Ринчино. Вскоре по семейным обстоятельствам – дочь Елена поступила в Иркутский госуниверситет – семья Балковых поселилась в Иркутске. И первыми друзьями стали художники. В гости к Балковым пришёл Анатолий Костовский...

РАЗГОВОР СРЕДИ КАРТИН

И.В. Балкова, заслуженный работник культуры России:

– Картины Костовского оказались нам очень близки по духу. Придётся с работы – посмотришь, и, кажется, новые силы появились. Чуть позднее познакомились на Дне Куйбышевского района с художником Владимиром Кузьминым. Он подарил свой каталог, а потом пришёл в гости. Посмотрел на картины Костовского и сказал: «Я бы тоже хотел здесь видеть свои картины». Со Львом Гимовым вскоре подружились больше всего. Его Байкал тёмный, грозный. Восемнадцать лет назад мы получили дом под творческую дачу на Кругобайкальской железной дороге и убедились: Лев прав. Байкал суров и шуток не любит. Конечно, Гимов – художник умный, разноплановый. На его персональной выставке в художественном музее было много света и другой Байкал. Но на наших стенах он тёмный. Завязалась дружба и с бурятским художником Карлом Шулуновым. Его картины тонкие, лиричные. У нас их две: «Нежность» – пасутся две лошади, пегая и гнедая; и «В зимнем лесу» – с бегущими по склону косулями.

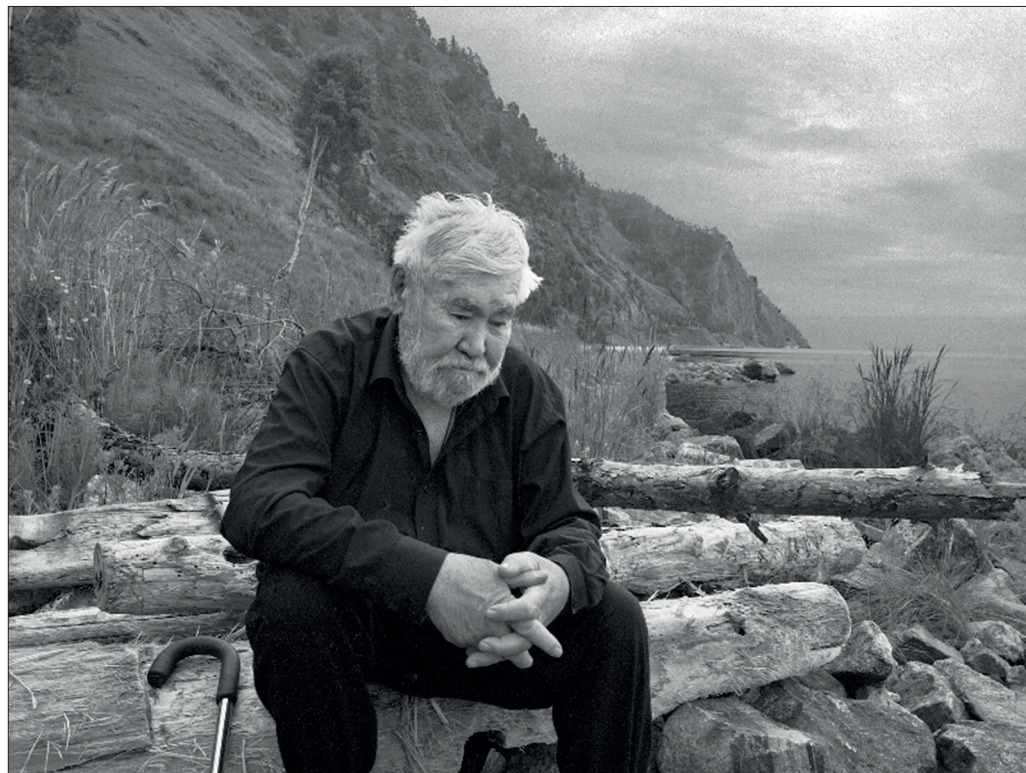
Нынешнее лето было холодноватое, Байкал – такой, каким его написал Лев Гимов. Но всё же лето было расцвечено тёплыми деньками. Несколько дней с нами на Байкале провёл фотохудожник Борис Васильевич Дмитриев.

Я проработала в радиожурналистике 46 лет. Мне всегда было легко разговаривать людей. Я их хорошо знаю и всегда вижу, когда человек не держит камня за пазухой. Дни потеплели, когда приехал Дмитриев. Тридцать лет

назад он был у нас в Улан-Удэ с Валентином Распутиным. Борис запомнился большим, суровым, открытым, сердечным, душевным, деликатным. И вот вновь стал нашим гостем. Утром рано он покидал дом, бродил по шпалам, уходил за тоннели. Иногда брал фотоаппарат. Он был как свой. Местные люди открытые и сердечные. Пока живём до осени, часто с ними общаемся. Они говорят, что им радостно видеть свет в нашем окошке.

Борис Васильевич такой же надёжный, как они. На него можно положиться. В Иркутске принёс нам альбом фотографий. Ким на снимках – какой он есть. Один из мигнов схвачен на большом фотопортрете, который мы

поместили посреди своей коллекции картин. Этот снимок наполнен глубоким философским содержанием, поражает. Писатель ушёл в себя и готовится к тому, чтобы выразить свою душу на бумаге.

Мы женаты 53 года. Чтобы он не писал – дня такого не помню. Смысл его жизни в писательской работе. В быту он как ребёнок. Творческий человек, но не чурается никакой домашней работы. Я помыла посуду – он берёт швабру. Я постирала – он гладит. У него немного друзей. Но все они могут на него положиться.

К.Н. Балков:

– Это лето на Байкале запомнилось тем, что приехал Борис – лучший фотохудожник-портретист Иркутской области. Действительный художник. На его портрете сидит на топляке человек с белой головой. Борис сумел слить через топляки, прибитые к берегу, его и Байкал. Борис не снимает – нет, он пишет Байкал. И портрет Валентина Распутина с внучкой, обошедший всю страну, подтверждает – это работа художника. И к нему тянешься, потому что мастер. Он много ходил без фотоаппарата, а я смотрел, и понял, это поиск.

Б.В. Дмитриев:

– Этим летом я был в круизе на Байкале. Фотоаппарат не вынимал. Всё было в дымке пожаров и тумане. У художника постоянно работает память. Есть память – есть человек. Работы переданы через память, соединённость с душой, с мыслью.

И.В. Балкова:

– В 1995 году был у нас на Байкале и сделал фото Кима у дома Владимир Зубчанинов. Видно было, что он подглядел мгновение, это не позирование. Между снимками 15 лет. А они чем-то схожи. Здешнему нашему домику больше ста лет. Он будто часть природы. И снимки такие же.

Б.В. Дмитриев:

– Не только я вывел такую формулу: произведение – автопортрет души автора. Ребёнком я жил у деда в доме, представлявшем железнодорожный модерн времени строительства Транссиба. Дед, железнодорожник на пенсии, обслуживал водокачку на станции Мальта. Это не просто пройти и щёлкнуть дом Кима Балкова – это родное. Я у него не в первый раз. Он давал мне ключ однажды весной. Я ночевал на открытом воздухе, наверху были волки. Это мне напомнило посещение озера Тахо в Америке. Я ушёл из палатки и ночевал в спальнике в сугробе, и наверху были койоты.

К.Н. Балков:

– Я вернулся с Байкала и сел за два рассказа. Один об Итигэлове, который обнаружен нетленным и теперь ему поклоняются буддисты в Иволгинском дацане. Я думал: что мог представлять собой такой человек при жизни? И он приходил ко мне во сне, днём – будто был рядом. Будто хотел, чтобы я написал о нём. Второй рассказ о младшей дочери Байкала Сэсэгме – небесном цветке. Ангара убежала за возлюбленным, а Сэсэгма стала сияющей большой волной на Байкале. Отец-Байкал хотел выдать её замуж за утёс. Она этого не хотела. И стала провозвестником света. Она превращается в розовую тучку и сияет над утёсом, когда рождается на побережье ребёнок. Она посвятила себя природе, людям, всему живому.

Б.В. Дмитриев:

– Я вынашиваю идею – издать свой альбом «Байкал и Саяны». А затем – «Иркутск». Сейчас материал вылеживается.

К.Н. Балков:

– Всё, что я написал, оказывается – о Байкале. От первой повести.

Б.В. Дмитриев:

– Я сам понял: тебя надо снимать. Ты – это Байкал, образ Байкала. Эти брёвна, топляки – это судьба Байкала. Да, это фотография. Когда я был в Америке, я увидел, какие американцы мастера фотографии, и под неё отводятся огромные залы музеев. Может быть, потому, что там не было такой преемственности в живописи. Первые фотографии там ценятся за миллионы долларов. А ведь эра фотографии началась в России. Первые знаменитые фотографы были выпускниками Академии художеств. Душа художника у них была. Сейчас миллионы фотографий – а стоящей среди них нету.

В вашу коллекцию я подарю картину «Волна» Владимира Кузьмина. Я давно это решил. После рассказа о дочери Байкала Сэсэгме я понял, что не случайно сидит у меня в голове мысль об этом подарке.

Художники Иркутска стали для нас «окном» в подлинную живопись, в прекрасную, но тревожную нашу жизнь. Авторы замечательных картин живут среди нас, видят то же, что и мы, но, выбирая то, что внешне кажется будничным, они показывают частицы мира в своём особенном художественном свете.

Думается, что художников Иркутска роднит одна общая черта – народность! Народность согласуется с глубокой, содержательной идеей, живостью, образностью её воплощения, сибирским своеобразным темпераментом, и, что очень важно, сердечностью, как результатом любви мастеров кисти к природе, к выбранному материалу, к самой жизни. Они как бы перебрасывают мост доброты от Природы к Человеку, от старой жизни – к новой, от старшего поколения – к младшему.

Наши художники умеют слить воедино правду конкретного факта и правду обобщения. Каждый это делает по-своему, индивидуально, талантливо.

Приняв за образец природы жизнь,
Красе ни в чём не уступает –
Ей подражает Ваша кисть
И с ней в соавторство вступает!

Прекрасны в исполнении наших художников осенние мотивы, когда в зелень падают первые червонцы с осин и берёз; оттенки красного и жёлтого становятся по-осеннему насыщены и цветом, и светом. Всё увиденное входит в душу, открывшуюся навстречу, потрясает чувством прекрасного, остаётся на всю жизнь, и человек, удивляясь, говорит: «Как же хорошо у нас в Сибири!» Чувство прекрасного становится осознанной любовью к Родине.

Приятно всегда сопоставлять видимое вокруг и вошедшие в живопись детали мира и сам мир в его целом. Хочется понять, как соединяются эти детали прекрасного, живого на небольшом, в общем-то, полотне. Но лаборатория творца, к сожалению, чаще всего закрыта для наблюдения. Художник обычно показывает зрителю законченную, выстраданную работу, а о том, как она была замыслена, по каким материалам она исполнена, зритель может лишь догадываться или дожидаться обстоятельного рассказа автора.

Мне посчастливилось побывать в мастерских В.С. Рogaля, В.И. Салеева, К.Е. Шулунова, В.Н. Черкашина, Ю.И. Шейкина и видеть ювелирную их работу над своими картинами. Чьи-то влюблённые в жизнь глаза увидят вместе с живописцем густой ультрамарин неба, сердечки берёзовой листвы, доцветающий тёмно-лиловый осот, Байкал, Ангара, Иркут, как бы принося клятву Родине в вечной любви, гордо ощутив свою к ней причастность!

Могуущественной основой живописи является цвет. Его интенсивность и высокая напряжённость передаёт в сюжете внутреннее состояние и природы, и персонажа. Состояние цвета – это колористика, когда кажется, что звучит музыка, овеянная солнечным светом.

Пространство, связь предметов – всё это видит и вводит в изображение художник! Он живописует, и страстный цвет воплощает мечту, ищет образ, по-

эзию, музыку, таинственную прелесть обычной жизни, свойственные только его творческому воззрению.

Полотна иркутских художников составляют совокупную эпопею нашей сибирской жизни, они находят счастливое сочетание непосредственного наблюдения и восприятия природы, характерное для этюда или картины с натуры, с широким осмыслением жизни, где главной пружиной является Человек, Личность! Жанры сливаются в этой эпопее, воплощая историю в чьих-то конкретных судьбах.

Да, круг воззрений собратьев по кисти широк и разнообразен. Но родила его всё же одна и та же почва – прибайкальская! Она и определяет особый сюжетный характер сибирской живописи. Художник и душой, и талантом в этой потрясающей среде, был в ней со дня рождения, формировался её присутствием.

В полотнах незаурядного мастера можно уловить голоса птиц, звук падающей из родника серебряной струи, шелест листьев или шёпот снежинок... Перед внимательным зрителем раскрывается огромная мудрая страна, сказочная страна природы. Даже на небольшом по размеру пейзажном холсте, в его лирическом сюжете возникает возвышенное звучание, искренность, непосредственность поэтического чувства, определяющего эмоциональную силу произведения.

Цель большого художника: расковать всё то добро, что часто дремлет на дне сердец, пустить в оборот смелость, на которую способна душа, дерзость мыслей, знать и любить всё больше наше сложное время и нашего современника.

Широкий сибирский пейзаж с высоты полёта, с дальней линией горизонта рождает чувство вольного простора, неоглядной стремительной шири.

Счастье – это любовь к родному краю, радость познания увиденного.

См. цветной блок

ТВОРЕЦ КРАСОТЫ

Салеев Владимир Иванович

Родился в Иркутске в 1937 году.

В 1959 году окончил с отличием Иркутское художественное училище.

С 1974 года работал в Москве в центральных книжных издательствах, член Московского объединённого комитета художников-графиков, член творческого Союза художников и графиков федерации художников ЮНЕСКО.

С 1995 года снова живёт в Иркутске. Постоянно находился в творческих художественных командировках по Иркутской области, республике Бурятия.

Талантливый и самобытный художник, гармонист. Награждён дипломами многих выставок.

С 2000 года в результате инсульта прикован к постели, инвалид первой группы. Нуждается в товарищеской и финансовой помощи!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Корбут. Год культуры: главный вектор</i>	3
--	---

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ДРАМАТУРГИЯ

<i>А. Румянцев. Свет Родины. Стихи</i>	10
<i>В. Дмитриевский. Поездка на Улунтуй. Рассказ</i>	28
<i>А. Рандина. Всплеснётся рыбка золотая. Стихи</i>	40
<i>Н. Иванов. Небожители. Рассказ</i>	46
<i>Т. Ясникова. Будь, как ветер... Стихи</i>	55
<i>В. Рудаков. Актёр. Рассказ</i>	73
<i>Н. Кольцов. В свете бледной луны.</i>	75
<i>А. Хромовских. Петрович и поэзия. Дождь. Муха. Рассказы</i>	79
<i>С. Амосов. По таёжным законам. Рассказ</i>	92
<i>А. Кобелев. На перепутье. Пьеса</i>	106

СОСЕДИ

<i>С. Корбут. «Забайкальская осень». Чита</i>	120
<i>О. Димов. Небесный воин. Рассказ</i>	121
<i>Н. Ярославцев. Незабудки. Стихи</i>	130
<i>Б. Макаров. Места вокруг родные. Дело – труба. Герка и Генка – мужики хваткие. Дом для внуков и правнуков. Рассказы</i>	134
<i>В. Вьюнов. Жизнь сбылась... Стихи</i>	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ПУБЛИЦИСТИКА

<i>О. Грязнова. Творческий мир Кима Балкова</i>	144
<i>С. Корбут. От Года библиотек к Году культуры.</i>	159
<i>В. Зоркин. Вклад иркутян в евтушенковедение</i>	173

ВОСПОМИНАНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

<i>Т. Ковальская. «Я весь из шершавой коры, я весь из сосновой хвои...»</i>	182
<i>Т. Петрова. Черемисиновы. Иркутская история</i>	186
<i>С. Волкова. Ангелы и горнисты</i>	191
<i>С. Беседин. От любви до ненависти</i>	197

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН (Искусствовед Т. Ясникова)

<i>А. Буданов, Т. Ясникова. Сквозь лёгкую влагу (В.В. Кандалов)</i>	204
<i>Бронза бурятских мастеров (Г. Зодбоев, Д. Намдаков, Б. Сундунов, Д. Будажабэ, Ю. Эрдынеев, Д. Болсобоев и др.)</i>	206
<i>«Быть участником жизненных битв!» (С.К. Гвоздев)</i>	209
<i>Галерея Кима Балкова (разговор на фоне картин)</i>	219
<i>А. Ершов. Природа художника. Эссе</i>	222

ИЛЛЮСТРАЦИИ

(1)-(12)